

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 2 (18)

**Издаётся с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2015**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 2 (18)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2015**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**Реморенко И.М.**

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

ректор ГБОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент,
почётный работник общего образования Российской Федерации
президент ГБОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
первый проректор ГБОУ ВО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор, академик РАО
проректор по учебной работе ГБОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**Щепилова А.В.**

главный редактор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

Смирнова А.И.

заместитель главного редактора

Афанасьева О.В.**Беляева И.А.****Бубнова И.А.****Вострикова О.В.**

секретарь

Геймбух Е.Ю.**Громова А.В.****Джанумов С.А.****Карандеева Л.Г.**

ответственный секретарь

Кирилина А.В.**Курдюмов В.А.****Матвеева И.И.**

секретарь

Радченко О.А.**Собянина В.А.****Сулейманова О.А.****Тарева Е.Г.****Чупрына О.Г.****Языкова Н.В.****Ярыгина Е.С.**

доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, доцент
кандидат филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
кандидат филологических наук, доцент
доктор филологических наук, профессор
(Московский государственный лингвистический университет)
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГБОУ ВО МГПУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Громова А.В.* Древнерусские источники повести Л.Ф. Зурова «Отчина» 8
- Кашилявик К.Ю.* Блез Паскаль: имя и псевдонимы 15

Русистика. Германистика. Романистика

- Богданова Л.И.* Русский императив в коммуникативно-прагматическом аспекте 21
- Дюжикова Е.А.* Моделирование как когнитивная основа формирования инференции английских аббревиатур 29
- Аверина А.В.* Аспектуально-темпоральные свойства локальных и временных показателей в немецком языке 37
- Машиошина В.С.* Языковая репрезентация концепта «одиночество» в романе Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» 44
- Меркантини С.* Средства аппроксимации в современном итальянском языке 49

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Евтеев С.В., Григорьев Е.И.* Тон как лингвистическая категория концептуализации иллокутивного акта 56
- Бородина С.Н., Желтухина М.Р.* Грамматические средства воздействия слухов в русских и английских массмедиа 65

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Тарева Е.Г.* Развитие лингвообразовательных практик: оптимистичная проекция 75

Слово молодым учёным

- Бондарь Ю.А.* Концептуальный признак «возраст» в названиях детёнышей животных в современном английском языке 86
- Дроздова М.С.* Шекспировские аллюзии и реминисценции в произведениях Дж. Фаулза 91
- Друцэ А.Ю.* Реализация стратегий и тактик уклонения от ответа в современном дипломатическом дискурсе 98

<i>Калинина К.С.</i> «Из жизни духа» И.А. Новикова как неореалистичский роман	107
<i>Зикириллаев Б.Н.</i> Особенности жанра макамы в творчестве Сухбата Афлатуни.....	114

Критика. Рецензии. Библиография

<i>Смирнова А.И.</i> Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak «W poszukiwaniu sensu. O prozie Siergieja Dowłatowa». Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2014. 305 s. (Эльжбета Тышковска-Каспшак «В поисках смысла. О прозе Сергея Довлатова». Wrocław: Изд-во Wrocławского ун-та, 2014. 305 с.)	120
<i>Мурзак И.И.</i> «Природные стихии в русской словесности» / Отв. ред. д-р филол. наук, проф. А.И. Смирнова. М.: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.	123
<i>Гаврилина О.В.</i> «Człowiek w relacji do zwierząt, roślin i maszyn w kulturze»: v 2 t. / Redaktor naukowy U. Tymenetska-Suchanek. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2014. T. 1. 408 s.; T. 2. 440 s. («Отношение человека к животным, растениям и машинам в культуре»: в 2 т. / Научн. ред. Ю. Тыменецка-Суханек. Катовице: Изд-во Силезского ун-та, 2014. Т. 1. 408 с.; Т. 2. 440 с.)	128
<i>Павловец М.Г.</i> Шафранская Э.Ф. «Современная русская проза (мифопоэтический ракурс)»: учебное пособие. М.: ЛЕНАНД, 2015. 216 с.	133

Научная жизнь

<i>Тетуев Б.И., Кучукова З.А.</i> Международная научная конференция «Национальные образы мира в художественной культуре», посвящённая 85-летию со дня рождения Г.Д. Гачева (г. Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет, 24–26 октября 2014 г.).....	135
---	-----

Авторы «Вестника МГПУ». Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2015, № 2 (18).....

Требования к оформлению статей	143
---	------------

CONTENTS

Literary Science

- Gromova A.V.* The Ancient Russian Sources of the Story «Otchina» («Motherland») by L.F. Zurov 8
- Kashlyavik K.Yu.* Blaze Pascal: the Name and the Pennames 15

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Bogdanova L.I.* Russian Imperative in the Communicative Pragmatic Aspect 21
- Dyuzhikova E.A.* Modeling as a Forming Cognitive Basis of Abbreviation Inference in English..... 29
- Averina A.V.* Aspectual and Temporal Features of German Markers of Space and Time 37
- Mashoshina V.S.* Linguistic Representation of the Concept of Solitude in H. Melville's «Moby Dick, or The Whale» 44
- Mercantini S.* Means of Approximation in the Modern Italian Language 49

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

- Evteev S.V., Grigoryev E.I.* Tone as a Linguistic Category of Illocutionary Act Conceptualization..... 56
- Borodina S.N., Zheltukhina M.R.* Grammatical Means of Rumors' Influence in Russian and English Mass Media 65

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Tareva E.G.* Evolution of Foreign Language Teaching Practices: Optimistic Projection..... 75

Young Scientists' Platform

- Bondar Yu.A.* The Conceptual Dimension of Age in Names of Baby Animals in Modern English 86
- Drozdova M.S.* Shakespearean Allusions and Reminiscences in «The Aristos» and «The French Lieutenant's Woman» by J.R. Fowles 91

<i>Drutse A.J.</i> Realization of Deviation Strategies and Tactics in Modern Diplomatic Discourse	98
<i>Kalinina K.S.</i> The Novel «Of the Life of Spirit» by I.A. Novikov as a Neo-realist Novel.....	107
<i>Zikirillaev Bekhzod</i> Peculiarities of the Maqama Genre in the Works by Sukhbat Aflatuni	114

Criticism. Reviews. Bibliography

<i>Smirnova A.I.</i> Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak «W poszukiwaniu sensu. O prozie Siergieja Dowłatowa». Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2014. 305 s. (Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak «In Search of Sense. On the Prose by Sergei Dovlatov». Wrocław: Publishing House of the University of Wrocław, 2014. 305 p.).....	120
<i>Mursak I.I.</i> «Natural Elements in Russian Language Arts» / Ed.-in-chief A.I. Smirnova. M.: LENAND, 2015. 240 p.	123
<i>Gavrilina O.V.</i> «Człowiek w relacji do zwierząt, roślin i maszyn w kulturze»: v 2 t. / Redaktor naukowy U. Tymenetska-Suchanek. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2014. T. 1. 408 s.; T. 2. 440 s. («Man's Attitude to Animals, Plants and Machines in the Culture»: in 2 Volumes / Sc. ed. Jus. Tymieniecka-Suchanek. Katowice: Publishing House of the University of Silesia, 2014. V. 1. 408 p.; V. 2. 440 p.).....	128
<i>Pavlovets M.G.</i> Shafranskaya E.F. «Modern Russian Prose (Mythopoetic Perspective)»: textbook. M.: LENAND, 2015. 216 p.	133

Scholarly Events

<i>Tetuev B.I., Kuchukova Z.A.</i> International Scientific Conference «National World-Images in Art» devoted to the 85 th Anniversary G.D. Gatchev (Nalchik, Kabardino-Balkar State University, Oct. 24–26, 2014)	135
--	-----

«MCTTU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education» / Authors, 2015, № 2 (18)	138
---	-----

Style Sheet.....	143
------------------	-----

А.В. Громова

Древнерусские источники повести Л.Ф. Зурова «Отчина»

Автор статьи выявляет древнерусские источники повести Л.Ф. Зурова «Отчина». Это памятники XVI века: «Повесть о Псково-Печерском монастыре», «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», Псковские летописи и сочинения Андрея Курбского, с которыми писатель мог познакомиться в библиотеке Псково-Печерского монастыря в 1928 году. Из данных источников Зуров заимствовал событийную канву, однако творчески переработал материал, и его произведение нельзя назвать ни переложением, ни стилизацией.

The author of the article reveals the Old Russian sources of the tale «Otchina» («Motherland») by L.F. Zurov. Those are literary works of XVI century: «The story about Pskov-Caves Monastery», «The story about Stephane Batoriý's approach to Pskov», Pskov chronicles and Andrey Kurbsky's writings with which the writer could get acquainted in the library of the Pskov-Caves Monastery in 1928. From the sources, Zurov borrowed the event outline, however creatively recast the material, and it is impossible to call his work either a rendering, or stylization.

Ключевые слова: Л.Ф. Зуров; литература русского зарубежья; литературные традиции.

Keywords: L.F. Zurov; Russian Literature abroad; literary traditions.

Повесть Л.Ф. Зурова «Отчина» в художественной форме отразила эпизоды из истории Псковской земли конца XV–XVI веков: основание Псково-Печерского монастыря, судьбу одного из его настоятелей — игумена Корнилия, осаду Пскова войсками Стефана Батория в 1581 году (см.: [7]).

Толчком к созданию книги послужило посещение Зуровым весной 1928 года Псково-Печерской обители (находившейся в те годы на территории Эстонии). Поездка была организована Рижским университетом для подготовки издания «Псково-Печерский монастырь. Общий культурно-исторический очерк»; Зуров составлял опись древностей монастырской библиотеки [10: с. 57]. Таков был его научный вклад в изучение истории обители. Художественным итогом стала

повесть «Отчина». Книга вышла в оформлении автора, использовавшего для украшения древние киноварные буквы XVI века, рисунки филиграней бумаги и тиснений переплетов, а также собственные рисунки монастырских построек — церкви свт. Николая Чудотворца (Николы Вратаря) и главной звонницы.

Таким образом, у Зурова была возможность ознакомиться с древнерусскими письменными памятниками, которые он использовал в своей работе над повестью «Отчина». Анализ её текста позволил выявить конкретные источники, которые легли в основу произведения: это «Повесть о Псково-Печерском монастыре», «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», Псковские летописи, сочинения Андрея Курбского.

Композиционно «Отчина» Зурова состоит из трёх частей: «Малая обитель», «Игумен Корнилий» и «Осада Пскова». Заключает её авторское послесловие, в котором протягиваются нити от истории Древней Руси к современной Зурову эпохе 1920-х годов.

Слово, вынесенное в заглавие повести «Отчина», ассоциативно отсылает к целому ряду важнейших для каждого человека понятий: отец (земной и Небесный), родная земля (вотчина), отечество, отчизна. Для Зурова земля отцов Псковщина — «земля святой Троицы» [1: с. 12] — стала символом России, горячо любимой и утраченной родины. Заглавный образ задаёт основные мотивы произведения: патриотизм, героизм русских людей, святость отечества.

Первая глава повести «Малая обитель» посвящена истории возникновения Псково-Печерского монастыря, который был основан в конце XV века, в эпоху ливонских войн, почти у самой границы с Лифляндией (ныне Эстонией), и в XVI–XVII веках стал не только оплотом православной веры и центром древнерусской книжности, но и крепостью, охранявшей западные рубежи государства.

Документальных свидетельств о возникновении монастыря не сохранилось, и главным источником для Зурова стала древнерусская «Повесть о Псково-Печерском монастыре», её первая часть. В ней сообщается, что основателем обители был некий старец Марк, «живущий в далеком прошлом при пещере у ручья Каменца, от града Пскова на расстоянии сорока поприщ, а от Ливонской земли — двух поприщ» [5]. Из древнерусского памятника в произведение Зурова приходит и изложенная близко к его тексту история преемника Марка, Юрьевского священника Ивана Шестника (будущего священноинока Ионы), сведения о том, как была построена и освящена пещерная церковь и крестьянин Дементьев «отрезал от своих пожен поприще земли» [1: с. 21] для монастыря. Далее следует сообщение о постройке церкви Антония и Феодосия и её разорении «литвой». Следующий фрагмент описывает события, наступившие через 50 лет и относящиеся к 1521 году, — в это время была написана икона Успения Богородицы, в монастырь прибыл государев дьяк Михаил Мисюрь (Мунехин), руководивший строительством, возведена новая церковь Успения.

Несмотря на использование событийной канвы, нельзя сказать, что Зуров пересказывает древнерусский источник или стилизует его. Он создаёт

оригинальное произведение с авторской интерпретацией событий и неповторимым стилем. обстоятельное летописное повествование заменяется у него напряжённо-лирическим; Зуров стремится эмоционально достоверно воссоздать картины далёкого прошлого, сделать их более близкими современному читателю. Это относится, например, к изображению чудесного.

Так, в древнерусской «Повести о Псково-Печерском монастыре» большой фрагмент посвящён чудесному открытию «богоданных пещер». У Зурова эта значимая для истории монастыря легенда отсутствует, а мотивировка лишена элемента чудесного: вход в пещеру показал местный крестьянин, спасавшийся вместе со своими спутниками от «литвы», обнаружение монастыря — наблюдения охотников (изборяне видели «человека, шедшего в лес по дрова, и у камней молившегося старца» [1: с. 17]), «чудесное пение» — не ангельские голоса, а шум листвы: «Путникам, проходившим горой, казалось, что под ветром поют вершины» [1: с. 19]. Зуров также опускает восхваление царя и государевых людей, подчёркивает вклад простых псковичей и изборян в дело восстановления монастыря.

Вторая глава «Отчины» «Игумен Корнилий» наиболее заметно разнится с древнерусской «Повестью о Псково-Печерском монастыре», где фрагмент о Корнилии отличается краткостью, преследуя сугубо информативные цели.

В «Отчине» Зурова глава представляет собой жизнеописание этого впоследствии канонизированного игумена, своеобразный вариант проникновенно написанного жития. Канонического жития преподобномученика Корнилия Псково-Печерского не существовало, а биографические сведения о нём многочисленны и содержатся главным образом в летописях. Один из наиболее фактографически полных источников — именно «Повесть о Псково-Печерском монастыре» (см.: [9]). При создании данной главы Зуров опирался не только на неё, но и на другие источники: сочинения Андрея Курбского, исторические исследования, а также фольклорные легенды и предания о Корнилии и Иване Грозном.

Как свидетельствуют исторические источники, Корнилий пришёл в монастырь совсем юным и был поставлен игуменом в возрасте 28 лет, что было явлением исключительным. Учёные пытаются объяснить этот факт его знатным происхождением или промосковскими взглядами [9]. Зуров же идёт путём создания житийного образа, отличающегося изначальной заданностью, объясняя путь Корнилия духовным призванием: «В детстве мать его научила тайной милостыне и любви к странникам. Мать его, боярыня, отирая слезы, инокам говорила, что нездешний он, сыночек милый...» [1: с. 26].

В трактовке Зурова Корнилий наделён тонким чувством красоты: не случайно он начинал своё поприще в иконописной мастерской Мирожского монастыря. Для него красота и мощь веры существуют в единстве с красотой родной природы. Вот как изображает Зуров посетившее юного Корнилия озарение, когда тот ехал из богатого, украшенного Пскова в бедный, маленький

Псково-Печерский монастырь: «В тихости своей спускался на поля вечер. Небо омыл закат, росой покрылся цвет травный, солнце, уходя, золотило церковный шатер. После службы в пещерной церкви, когда отрок шел по тропинке, а тьма уже легла меж стволов, глянул он на небо. Господи, какие были на нем звезды! Над убранным зеленью оврагом раскинулся Господень беспредельный покров с радостью вечернею, звездною. Они мерцали, колебались и пели о Господе» [1: с. 30]. Создаётся впечатление, что именно глубокое эмоциональное переживание, эстетическое в своей основе, повлияло на выбор будущим игуменом жизненного пути.

Помимо зафиксированных в древнерусской «Повести о Псково-Печерском монастыре» Зуров касается и таких фактов биографии Корнилия, которые не могли быть указаны в летописи, отражавшей официальную, государственную точку зрения: это связи Корнилия с будущим изменником князем Андреем Курбским и конфликтные отношения с царём Иваном Грозным, приведшие к гибели игумена.

Зуров создаёт негативный портрет Ивана Грозного — жестокого и подозрительного тирана, иступлённо старавшегося замолить собственные грехи: «От поклонов был темен, словно закопчен его лоб, а кожа пальцев изранена колокольными веревками» [1: с. 45]. Зуров осуждает царя и подчёркивает миротворческую миссию игумена: «Рати шли. Царь лил кровь в Москве и Ливонии. На смуты и тяжкие времена указывало небо. Смиренно молил Бога Корнилий, чтобы дал Он устроение земское, и мир, и тишину и послал бы свыше Свою благодать рабу Ивану» [1: с. 43].

Согласно историческим источникам, Корнилий был убит по приказу царя Ивана Грозного. В «Повести о Псково-Печерском монастыре» об этом упоминается глухо: «Во время смуты, охватившей затем всю славянскую землю Российского царства, был он от тленного сего жития *предпослан земным царем к небесному царю* в вечную обитель зимой 7078 <1570> года, февраля в 20 день в возрасте 69 лет» [5] (выделено мной. — А.Г.). Более определённо об убийстве Корнилия Грозным сообщается в ряде исторических источников: в «синодике опальных» Ивана Грозного [см. 11: с. 53, 79] и в сочинении Андрея Курбского «История о великом князе Московском» [2: с. 367]. Фрагмент из этого сочинения о мученической кончине Корнилия Зуров предпослал в качестве эпиграфа ко второй главе своей повести [1: с. 25].

Источниками представлений о кончине Корнилия могли стать и фольклорные тексты — народные предания и легенды о собственноручной расправе царя над игуменом, распространённые на Псковщине. К фольклорным сюжетам относится также воспроизведённая Зуровым в «Отчине» легенда о въезде Грозного в Псков и юродивом Николе [3: с. 82–84]. Можно сказать, что в своём отношении к царю писатель стоит ближе к народной точке зрения, но не говорит прямо об убийстве Корнилия царём, стараясь придерживаться древнерусского источника.

Третья глава повести Зурова «Осада Пскова» повествует о нашествии на Русь войск Стефана Батория в 1581 году и героической обороне, которую вели защитники Пскова и Псково-Печерского монастыря. Эпиграф к этой главе взят из Псковской летописи: «Братие, мужи псковичи, кто стар, тот отец, а кто млад, то ми брат... Потягнете за дом Святыя Троицы и за святыя церкви, за свое отечество» [1: с. 51] (хотя цитируемый Зуровым отрывок относится к событиям более раннего периода — походу псковичей в немецкую землю в 1343 году [6: с. 97]).

Источником третьей главы «Отчины» Зурова, наряду с «Повестью о Псково-Печерском монастыре», стала «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» — один из лучших памятников древнерусской литературы на воинскую тему, написанный по горячим следам событий. Автор этого произведения, иконописец Василий, был жителем Пскова и, вероятнее всего, очевидцем и участником обороны города. События описаны им фактографически точно, подробно, с множеством конкретных деталей, которые находят подтверждение в других источниках этого времени, русских и польских [4].

Зуров в данной части своей повести ведёт повествование по канве древнерусского источника: большинство упомянутых в нём деталей нашло отражение в «Отчине» (это конкретные исторические факты, даты, имена реальных участников обороны, а также видения, легенды и чудеса), но в более лаконичном ключе. Зуров отказывается от эпически-объективного, подробного повествования, до предела сжимая его и превращая в напряжённо-лирическое, опуская многие детали и эпизоды, объединяя разные события в одно. Ключевой пример — описание кровопролитного приступа, совершённого неприятелем на стены Пскова. Древнерусская повесть достоверно указывает, что первый приступ состоялся 7 сентября, тогда была разрушена городская стена. На следующий день, 8 сентября, в день Рождества Богородицы, штурм возобновился, но был отбит. В этот день к месту пролома принесли чудотворную икону Успения Пречистой Богородицы вместе с другими святынями из Псково-Печерской обители. Предание утверждает, что именно этот факт способствовал успешному исходу боя. Зуров объединяет два штурма в один и называет днём приступа 8 сентября, жертвуя исторической точностью, но подчёркивая сакральный смысл происходящего.

Этому же служит воспроизведение легенд, например, видение кузнеца Дорофея, который накануне приступа увидел Богородицу, пришедшую вместе с другими святыми на защиту псковичей.

Наряду с Псковом выдержал осаду и Псково-Печерский монастырь, отбив неприятельский приступ малым числом стрельцов, иноков и укрывшихся там местных жителей благодаря Божьему покровительству.

Подчёркивая идею сакральности места, Зуров ни в коей мере не умаляет значения патриотического подъёма, охватившего псковичей, вставших от мала до велика, без различия пола и возраста, званий и сословий на защиту

родного города. Не случайно он вводит в повествование собирательный образ простых людей — обозерских рыбаков и изборян, внесших посильный вклад в оборону Пскова и монастыря, по сути, говоря о значении народного ополчения и партизанской борьбы. Можно сказать, что Зуров сакрализует саму идею патриотизма, любви к Отчине, живущую в сердцах всех русских людей.

Таким образом, при создании повести «Отчина» Зуров опирался на произведения древнерусской литературы: «Повесть о Псково-Печерском монастыре» и «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», из которых он заимствовал событийный ряд, факты, а также легенды и видения. Кроме того, на творческое сознание писателя повлияли фольклорные произведения, в частности, легенды и предания о преподобном Корнилии Печерском и царе Иване Грозном. Зуров был знаком и с историческими исследованиями. Однако «Отчина» не является ни пересказом, ни стилизацией древнерусских памятников. Источники были творчески переосмыслены писателем, послужив основой для оригинального художественного произведения, отличающегося самостоятельным взглядом на историю и своеобразным авторским стилем.

Библиографический список

Источники

1. Зуров Л.Ф. Обитель: Повести, рассказы, очерки, воспоминания. М.: Паломник, 1999. 623 с.
2. Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М.: Худож. литература, 1986. С. 218–399.
3. Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Рус. книга, 1992. 608 с. (Б-ка русского фольклора; Т. 12.)
4. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / Подготовка текста, перевод и комментарии В.И. Охотниковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13: XVI век. СПб.: Наука, 2005. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10585>, свободный; электрон. версия печ. публикации (дата обращения: 09.02.2015).
5. Повесть о Псково-Печерском монастыре / Подготовка текста, перевод и комментарии В.И. Охотниковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13: XVI век. СПб.: Наука, 2005. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10584>, свободный; электрон. версия печ. публикации (дата обращения: 09.02.2015).
6. Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 364 с.

Литература

7. Захарова В.Т. Работорческий подвиг русских монастырей в художественном осмыслении Л.Ф. Зурова («Отчина», «Обитель») // Громова А.В., Захарова В.Т. Жизнь и творчество Л.Ф. Зурова: монография. М.: МГПУ, 2012. С. 78–87.
8. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kostom/kostom20.htm>, свободный (дата обращения: 01.03.2015).
9. Охотникова В.И. Корнилий, игумен Псково-Печерского монастыря // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI веков. Ч. 1. Л.:

Наука, 1988. С. 480–484. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4022>, свободный; электрон. версия печ. публикации (дата обращения: 01.03.2015).

10. Псково-Печерский монастырь. Общий культурно-исторический очерк / Сост. проф. В. Синайский; снимки с картин и рис. академика С. Виноградова. Рига: тип. «Рити», 1929. 62 с.

11. Скрынников Р.Г. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Учёные записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 278. Л., 1965. С. 22–65.

References

Istochniki

1. *Zurov L.F. Obitel': povesti, rasskazy', ocherki, vospominaniya.* M: Palomnik, 1999. 623 s.

2. *Kurbckij A. Istoriya o velikom knyaze Moskovskom // Pamyatniki literatury' Drevnej Rusi. Vtoraya polovina XVI veka.* M: Xudozh. literatura, 1986. S. 218–399.

3. *Narodnaya proza / Sost., vstup. st., podgot. tekstov i comment. S.N. Azbeleva.* M.: Rus. kniga, 1992. 608 s. (Biblioteka russkogo fol'klora; T. 12.)

4. *Povest' o prixozhenii Stefana Batoriya na grad Pskov / Podgot. teksta, per. i comment. V.I. Oxotnikovoj // Biblioteka literatury' Drevnej Rusi. T. 13: XVI v. SPb.: Nauka, 2005.* URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10585> (data obrashheniya: 09.02.2015).

5. *Povest' o Pskovo-Pecherskom monasty're / Podgot. teksta, per. i comment. V.I. Oxotnikovoj // Biblioteka literatury' Drevnej Rusi. T. 13: XVI v. SPb.: Nauka, 2005.* URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10584> (data obrashheniya: 09.02.2015).

6. *Pskovskie letopisi / Pod red. A.N. Nasonova. Vy'p. 2. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. 364 s.*

Literatura

7. *Zaxarova V.T. Ratoborcheskij podvig russkix monasty'rej v xudozhestvennom osmy'slenii L.F. Zurova («Otchina», «Obitel'») // Gromova A.V., Zaxarova V.T. Zhizn' i tvorchestvo L.F. Zurova: monografiya.* M: MGPU, 2012. S. 78–87.

8. *Kostomarov N.I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyax ee glavnejshix deyatelej.* URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kostom/kostom20.htm> (data obrashheniya: 01.03.2015).

9. *Oxotnikova V.I. Kornilij, igumen Pskovo-Pecherskogo monasty'rya // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vy'p. 2: Vtoraya polovina XIV–XVI vekov. Ch. 1. L.: Nauka, 1988. S. 480–484.* URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4022> (data obrashheniya: 01.03.2015).

10. *Pskovo-Pecherskij monasty'r'. Obshhij kul'turno-istoricheskij ocherk / Sost. prof. V. Sinajskij; снимки с картин и рис. академика С. Виноградова. Рига: тип. «Рити», 1929. 62 с.*

11. *Skry'nnikov R.G. Sinodik opal'ny'x csarya Ivana Groznogo kak istoricheskij istochnik // Ucheny'e zapiski LGPI im. A. I. Gercena. T. 278. L., 1965. S. 22–65.*

К.Ю. Кашлявик

Блез Паскаль: имя и псевдонимы

В статье предпринята попытка исследовать псевдонимы Блеза Паскаля — Amos Dettonville, Louis de Montalte, Salomon de Tultie, которые оказываются моделью стиля и авторского голоса писателя XVII века.

This paper attempts to study Blaise Pascal's pennames — Amos Dettonville, Louis de Montalte, Salomon de Tultie, which turn out to be a pattern of the author's style and poetics.

Ключевые слова: поэтика; имя; псевдоним; мысль; модель; автор.

Keywords: poetics; name; penname; thought; model; author.

Имя Блеза Паскаля (1623–1662) — французского математика и физика известно всему миру. Как писатель он вошёл в историю всемирной литературы «Письмами к провинциалу» и «Мыслями».

Написанные по случаю теологического, духовного и литературного спора, «Письма к провинциалу» крепко связаны с контекстом идей XVII столетия. История литературы ставит их в один ряд с шедеврами полемических жанров эпохи Возрождения и Нового времени: с книгой «О царедворце» Б. Кастильоне, с антилютеровским трактатом «Диатриба, или Рассуждение о свободе воли» Э. Роттердамского и с памфлетами Дж. Мильтона. Литература подобного рода отсылает к интеллектуальным спорам, к богатейшей традиции «disputatio», к диалогу в формально-содержательном смысле, который вкладывал в это понятие М.М. Бахтин [3: с. 320–325].

«Письма, написанные Луи де Монтальтом к провинциалу, одному из друзей, и к Преподобным отцам иезуитам на тему морали и тему политики этих Отцов» / «Малые письма» (Les Provinciales ou les lettres écrites par Louis de Montalte à un provincial de ses amis, et aux RR. [révérends] PP. [pères] jésuites: sur le sujet de la morale, et de la politique de ces Pères / Petites Lettres (1656–1657) занимают особое место в творчестве Б. Паскаля, как и в истории французской литературы Нового времени. К началу работы над «Письмами» Паскаль освоил разные жанры: научные трактаты, личная переписка, письма к учёным, письмо-посвящение шведской королеве Христине, сопроводившее подарок Паскаля — сконструированную им счётную машину (1645). Опыт христианской риторики сложился в «Мемориале» («Mémoire») (1654), «Кратком изложении жизни Иисуса Христа» («Abrégé de la vie de Jésus-Christ») (1655), «Сочинениях о благодати» («Écrits sur la grâce») (1647–1648); философская риторика раскрыта в «Разговоре господина де Саси о Монтене и об Эпиктете» («Entretien avec Monsieur de Sacy sur Épictète et Montaigne») (1654), эрудиция

и научное красноречие соединены в рассуждении «О геометрическом уме» («De l'esprit géométrique») (1655).

Всё это способствовало становлению авторского голоса Паскаля, хорошего стиля, в котором, однако, не было чего-то особенного и который, по характеристике Сент-Бёва, «был похож на манеру Декарта, крепкую и разумную, не без очарования, особенно подходящую к предмету» (здесь и далее перевод наш. — *К.К.*). Фраза Декарта, в характеристике Сент-Бёва, «полная, ясная, но всё же длинная и постоянно перебиваемая союзами, не избавилась от ига латинизмов». Паскаль сразу с «Первого письма к провинциалу» «прерывает эти продолжительности» и, замечает Сент-Бёв, становится «для нас, для себя самого, Паскалем литературным, <...> по праву Паскалем-писателем (курсив Сент-Бёва. — *К.К.*)» [10: р. 79]. Отправленная в перспективу истории литературы, прекрасная характеристика Сент-Бёва подчёркивает, что Паскаль «становится для нас <...> писателем». Именно дальнейшее развитие литературы делает Паскаля писателем.

Ещё один элемент придаёт «Письмам к провинциалу» литературный характер — имя автора, вынесенное в заглавие — Louis de Montalte / Луи де Монтальт [5]. Подпись под «Письмами» появляется не сразу, только в «Третьем письме», в конце которого выведен длинный ряд букв: E.A.A.V.P.A.F.D.E.P. Загадочные буквы исчезают в издании «Писем» на латинском языке в переводе П. Николя в 1659 году. Традиционно их расшифровывают согласно толкованию, оставленному в рукописных мемуарах пор-роялевца Бобрена, отредактированных между 1700 и 1720 годами: E.A.A.V.P.A.F.D.E.P.: «Et Ancien Ami Blaise Pascal Auvergnat Fils d'Étienne Pascal [4: р. 308–309] / и давнишний друг Блез Паскаль, Овернец, сын Этьена Паскаля». Художественная зашифровка неназываемого имени может объяснить появление псевдонима в поэтике Паскаля. В буквах заключён шифр к авторскому слову. Биографическое «я» /<je>, «moi» переводится в литературный код, где собственное имя, по мысли Л. Марена, французского философа, знатока истории семиотических систем, одновременно переходит из «модели знака как чистого представления в модель “я”» [7: р. 21].

Это творческое противоречие справедливо для характера произведений «господ из Пор-Рояля» и Паскаля, тяготеющих, с одной стороны, к отказу от самоутверждения в авторстве, с другой стороны, — к литературной полемике и, в частности, к игре с псевдонимами. Отношения автора и произведения суть отношения имени собственного и письма («écriture»). Анонимность — нередкое явление для литературы круга Пор-Рояля. «Янсенистская» книга «достаточно часто анонимна, без имени собственного» [7: р. 22]. Например, «Grammaire générale ou l'Art de penser» была издана анонимно [1: р. 285].

Авторы «играют» собственным именем, сочиняя псевдонимы, необходимые из политических соображений, но также продиктованные риторическим заданием и диалогом с онтологическим «я». Это парадоксальное сочетание ставит вопрос о находимости голоса автора в тексте.

Из известных XVII веку исторических деятелей имя de Montalte отсылает к францисканцу Феличе Перрети ди Монтальто (Felice Peretti di Montalto, 1521–1590), ставшему знаменитым папой Сикстом V. Он взял псевдоним di Montalto, во французском варианте de Montalte, по названию замка, соседствовавшего с его родной деревней [12: р. 2083–2085]. Безусловно, круг сторонников Пор-Рояля и Паскаль знали об этом, и особенно потому, что Папа Сикст V прославился как посттридентский государственный деятель. А в истории «янсенистских» споров ему принадлежит роль справедливого миротворца, наложившего вето на всякие диспуты по вопросам благодати и защитившего тем самым Лувенский университет и сторонников учения Блаженного Августина от нападков иезуитов [11].

Вторая возможная литературная этимология связана с ассоциативным рядом имени «Michel de Montaigne». К периоду написания «Провинциалий» относится пристальное изучение Паскалем великих «Опытов» [10: р. 78]. Соотнесённость автора «Писем» и автора «Опытов» посредством псевдонима Montalte / Montaigne возникнет в дальнейшем уже на уровне авторской само-рефлексии о стиле в L745 фрагменте «Мыслей».

Глубинно Louis de Montalte связан с онтологическим «я» Паскаля. В псевдоним входят разные мифопоэтические элементы:

1. Mont апеллирует к фамилии бабушки Паскаля — de Mons — с фр. «относящийся к горе»;

2. Соотносится с географией месторазвития личности (Л.Н. Гумилев): mont — гора, входит в состав названия родного города писателя Clermont;

3. В анаграмматическое поле приращения смысла имени Louis de Montalte включено латинское звучание знаменитой горы Пюи-де-Дом / Le Puy-de-Dôme — ab Alto Monte [6: р. 178–182] — с лат. «от высокой горы, вершины», рядом с которой расположен Клермон;

4. Элемент mont перекликается с «парижским текстом» художественного мира Паскаля, в частности, с топосом церкви Saint-Etienne du Mont / Святого Стефана на горе. Важно вспомнить, что Etienne имя его отца, т. е. составная часть и его имени собственного Blaise-Etienne. Паскаль был прихожанином этой церкви. Здесь же он был погребён.

Поэтический фокус анаграммы соединяет в мифологему важнейшие пространственные характеристики, культурное и духовное «паскалевского текста». В псевдониме Louis de Montalte соединяются точки — провинция (Овернь, Клермон) и «парижский текст» (Saint-Etienne du Mont) — геометрии художественного мира. Писатель Блез Паскаль создаёт стиль на напряжении между провинцией (месторазвитием) и «парижским текстом». Псевдоним складывается из сочетания топосов провинции — mont, Le Puy-de-Dôme, Mons, Clermont и «парижского текста», завершающего круг его становления. Элементами/кодом псевдонима Louis de Montalte Паскаль анаграмматически играет и, переставляя сегменты знака, определяет себя как автора.

«Pascal» использует псевдоним трижды. Первый раз в «Письмах к провинциалу», второй раз — в заглавии изложения открытий в области рулетки, которое появляется в виде отдельно изданной книги под псевдонимом А. Dettonville: «Lettres de A. Dettonville». А. Dettonville, как указывает М. Перье, племянница Паскаля, «должен читаться как Amos Dettonville» / Амос Деттонвилль, и является не чем иным, как анаграммой Луи де Монтальта [9: p. 365].

Третий раз Паскаль прибегает к псевдониму в «Мыслях». В L745 фрагменте появляется Salomon de Tultie / Соломон де Тюльти, под именем которого, по мнению Ж. Менара, желал спрятаться автор «Апологии». Обращают на себя внимание имена Амос и Соломон, что привносит важное библейское звучание в контекст произведений [4].

Соломон де Тюльти учится приёмам у Луи де Монтальта, так как его имя представляет собой анаграмму имени автора «Провинциалий» Louis de Montalte / Salomon de Tultie, в котором «Соломон» равен мудрому библейскому царю, а «Тюльти» отсылает к заглавию и памяти жанра сатиры Э. Роттердамского «Moriae Encomium, sive Stultitiae Laus» / «Похвальное слово Глупости»: «(S)Tultie = Stultitia). «Соломон де (С)Тюльти» — мудрый царь глупости, сумасбродства, а в пределе — безумия [8: p. 23–24].

Художественный приём остранения, к которому прибегнул писатель, позволяет ему представить собственную поэтику через тройную призму: 1) «я» собственное — «Pascal»; 2) призма Луи де Монтальта, выраженная в автоцитате «la manière d'écrire de Salomon de Tultie»; 3) сознание автора, знающего стиль/манеру Луи де Монтальта, (Амоса Деттонвилля) и Соломона де Тюльти: «parcequ'elle est toute composée de pensées nées sur les entretiens ordinaires de la vie» / «ибо (она) вся состоит из мыслей, рождённых в повседневных разговорах жизни»; ведущий диалог с собой и с читателем: «qui est la pensée de l'autre côté» / что (впрочем) с другой стороны тоже мысль», выдаёт иронию/самоиронию, освоенную автором в «Провинциалиях». В результате автоматической риторической смены псевдонимов каждый последующий текст оказывается непрямой цитатой предыдущего, а автор одновременно и одним из персонажей.

Анаграмматические построения псевдонимов превращают запрет на «я» в размышления о соотношении риторики и слова. Раскрывая лингвистическую игру автора «Провинциалий» и «Мыслей» с псевдонимами, Л. Марен пронизательно подмечает, что в поэтике «паскалевского текста» «псевдоним суть апологетическая посылка [пропозиция, суждение]», где «[какой-нибудь] Эпиктет (антономазия) есть стоический мудрец; [какой-нибудь] Монтень есть философ-пирронист. Соломон де Тюльти, который возвышается над ними, безумный мудрец, совершенный христианин, царь милосердия, чья мудрость заключена в безумии: Иисус Христос» [8: p. 23–24].

Таким образом, псевдоним оставляет из риторики всё, кроме риторики («истинное красноречие смеётся над красноречием») и становится проявлением внутренней формы авторского вольного слова Паскаля-писателя.

Анализ псевдонимов Amos Dettonville / Louis de Montalte / Salomon de Tultie показывает становление авторского «я» и представление Паскаля о себе как о писателе. Поэтический фокус анаграммы псевдонима писателя соединяет в мифологему пространственные характеристики его художественного мира и имеет выход в другие сферы «паскалевского текста»: к правилу изживания «я», к приёму отстранения, к внутренней форме авторского вольного слова.

Библиографический список

Источники

1. Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения / Отв. ред. и автор предисл. А.Л. Субботин; пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Наука, 1997. 413 с.

2. *Pascal B.* Les Provinciales // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour «Les Provinciales». Paris: Classique Garnier, 2004. P. 265–619.

Литература

3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

4. Васильева Е.Г. Французская антропонимическая система в раннем Средневековье (династия Меровингов) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (8). С. 40–46.

5. Павловец М.Г. Поэтика заглавий логогрифа «Я» и «Поэмии о Соловье» Василия Каменского // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 24–31.

6. Bédier J. Pascal et Salomon de Tultie // Mélanges offerts à Gustave Lanson. Paris: Librairie Hachette, 1922. Note 1. P. 178–182.

7. Marin L. Un texte nommé «Pascal» // L. Marin. Pascal et Port-Royal. Paris: PUF, 1997. P. 11–70.

8. Marin L. «Pascal»: du texte au livre // L. Marin. Pascal et Port-Royal. Recueil établi par Alain Cantillon avec la collaboration de D. Arrasse, G. Careri, D. Cohn, P.-A. Fabre, F. Marin. Paris: PUF, 1997. P. 11–51.

9. Mesnard J. Lettres de A. Dettonville (décembre 1658–février 1659) // Pascal Bl. Les oeuvres complètes. T. IV. Texte établi, présenté et annoté par Jean Mesnard. Paris: Desclée de Brouwer, 1992. P. 367–565.

10. *Sainte-Beuve Ch.-A.* Pascal. Paris: Edition générale d'éditions, 1962. 186 p.

Справочные и информационные издания

11. Сикст V // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 86. СПб.: Типография акц. общ. «Издательское дело» Брокгауз-Ефрон, 1907. С. 620–621.

12. *Constantin.* Pascal Blaise. «Les Provinciales» // Dictionnaire de théologie catholique, contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique. Leurs preuves et leur histoire. Commencé sous la direction de A. Vacant, E. Magenot, continué sous celle de E. Amman. Tome onzième. Deuxième partie. Ordéric Vital – Paul (Saint). Paris VI: Librairie Letouzey et Ané, 1932. P. 2083–2099.

References

Istochniki

1. *Arno A., Nikol' P.* Logika, ili Iskusstvo my'slit', gde pomimo oby'chny'x pravil sodержatsya nekotory'e soobrazheniya, polezny'e dlya razvitiya sposobnosti suzhdeniya / Otv. red. i avtor predisl. A.L. Subbotin; per. s fr. V.P. Gajdamaka. M.: Nauka., 1997. 413 s.
2. *Pascal B.* Les Provinciales // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour «Les Provinciales». Paris: Classique Garnier, 2004. P. 265–619.

Literatura

3. *Baxtin M.M.* E'stetyka slovesnogo tvorčestva. M.: Iskusstvo, 1986. 445 s.
4. *Vasil'eva E.G.* Francuzskaya antroponimicheskaya sistema v rannem Srednevekov'e (dinastiya Merovingov) // Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 2 (8). S. 40–46.
5. *Pavlovecz M.G.* Poe'tika zaglavij logogrifa «Ya» i «Poe'mii o Solov'e» Vasiliya Kamenskogo // Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». № 2 (14). 2014. S. 24–31.
6. *Bédier J.* Pascal et Salomon de Tultie // Mélanges offerts à Gustave Lanson. Paris: Librairie Hachette, 1922. Note 1. P. 178–182.
7. *Marin L.* Un texte nommé «Pascal» // L. Marin. Pascal et Port-Royal. Paris: PUF, 1997. P. 11–70.
8. *Marin L.* «Pascal»: du texte au livre // L. Marin. Pascal et Port-Royal. Recueil établi par Alain Cantillon avec la collaboration de D. Arrasse, G. Careri, D. Cohn, P.-A. Fabre, F. Marin. Paris: PUF, 1997. P. 11–51.
9. *Mesnard J.* Lettres de A. Dettonville (décembre 1658–février 1659) // Pascal Bl. Les oeuvres complètes. T. IV. Texte établi, présenté et annoté par Jean Mesnard. Paris: Desclée de Brouwer, 1992. P. 367–565.
10. *Sainte-Beuve Ch.-A.* Pascal. Paris: Edition générale d'éditions, 1962. 186 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

11. Sikst V // E'nciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. T. 86. SPb.: Tipografiya akcz. obsch.«Izdatel'skoe delo», Brokgauz-Efron, 1907. S. 620–621.
12. *Constantin.* Pascal Blaise. «Les Provinciales» // Dictionnaire de théologie catholique, contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique. Leures preuves et leur histoire. Commencé sous la direction de A. Vacant, E. Magenot, continué sous celle de E. Amman. Tome onzième. Deuxième partie. Ordéric Vital – Paul (Saint). Paris VI: Libraire Letouzey et Ané, 1932. P. 2083–2099.

Л.И. Богданова

Русский императив в коммуникативно-прагматическом аспекте

В статье русский императив рассматривается в рамках смягчённого и жёсткого воздействия на адресата с учётом ономаσιологического подхода к выявлению и описанию различных средств выражения побуждения. Исследование показывает коммуникативно-прагматическую специфику шкалы императивности в русском языке.

In the paper, the Russian imperative is viewed within the framework of softened and hard influence on the recipient considering the onomasiological approach to the identification and description of different means of the motivation expression. The research demonstrates the communicative-pragmatic specificity of the scale of imperativeness in the Russian language.

Ключевые слова: коммуникация; речевой акт; шкала императивности; просьба; приказ.

Keywords: communication; speech act; imperativeness scale; request; order.

Изучению императивных конструкций посвящено значительное количество работ [3–4; 6–8; 10–12]. Однако интерес к ним не ослабевает, на наш взгляд, в связи с тем, что на современном этапе развития науки всё больше укрепляет свои позиции коммуникативный подход к описанию языковых явлений, который предполагает «исследование языковых объектов в потоке речевой деятельности и, как следствие, учёт прагматических составляющих речевого акта...» [13: с. 54]. При таком подходе императив стал рассматриваться не как чисто языковое явление, а как коммуникативный акт, имеющий свою семантико-прагматическую и национально-культурную специфику.

Многие сложности межкультурной коммуникации, стержнем которой являются речевые действия разной коммуникативной направленности, вызваны неумением собеседников взаимодействовать в соответствии с нормами и речевыми правилами данной культуры, данного социума, приемлемыми в той или иной ситуации [6]. Успешность и комфортность общения неизбежно связаны с умелым использованием различных способов волеизъявления, многие из которых оказываются «конфликтогенными», поскольку директивные акты,

как известно, находятся в зоне «коммуникативного риска». Когда мы требуем или даже просим кого-нибудь совершить то или иное действие или даём кому-нибудь совет, то намеренно либо невольно ограничиваем свободу адресата, нарушаем его личное пространство. Именно поэтому коммуникативную значимость средств воздействия на адресата трудно переоценить. Исследование побудительных конструкций представляет интерес также и с точки зрения обобщения средств, гармонизирующих общение.

В русской лингвистике в рамках императивности традиционно выделяются два типа: *прямая (категориальная) императивность*, когда императивная семантика выступает как категориальное значение особых морфологических и синтаксических форм (*Передайте, пожалуйста, соль!*; *Молчать!*), и *косвенная (некатегориальная) императивность*, когда императивный смысл передаётся с помощью формы с иным (неимперативным) основным значением. «Некатегориальная императивность может быть, в свою очередь, *эксплицитной*, когда императивный смысл непосредственно выражается через вопрос (*Не могли бы вы передать соль?*), через оптативность (*Вам бы помалкивать!*), через футуральную индикативность (*Пойдешь на почту и отправишь письмо!*), и *имплицитной*, когда императивный смысл лишь имплицитируется пропозитивным содержанием высказывания (*Мы хотим есть!* = *Принеси поесть!*), формально же не выражен...» [10: с. 80–87].

В данной работе мы рассматриваем в ономаσιологическом плане как прямые побудительные высказывания, так и косвенные в их эксплицитной и частично в имплицитной форме. В качестве побудительных, вслед за А.И. Изотовым, анализируются такие высказывания, в которых говорящий сообщает адресату «о необходимости и/или возможности осуществления некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом необходимость и / или возможность осуществления агенсом данного действия может обуславливаться волеизъявлением одного из участников плана коммуникации и / или его интересами» [3: с. 18].

Принято считать, что средства косвенной императивности, например, в её имплицитной форме, мягче воздействуют на адресата, чем прямой императив. Однако наш материал показывает, что это не всегда так. Приведу в качестве примера ситуацию, очевидцем которой мне пришлось быть. Представим очередь к врачу в поликлинике: один пациент вышел из кабинета, следующий по очереди пытается войти. И здесь примечательна сдерживающая реплика врача: «*Я никого не приглашала!*». Прямого воздействия на адресата, казалось бы, не было: врач дал информацию о себе и своих намерениях, однако очевидно, что отрицательный воздействующий эффект в данном случае был бы значительно меньше, если бы врач, используя императивную конструкцию в прямой форме, сказал: «*Не заходите, пожалуйста!*» или «*Подождите!*». Своей же косвенно императивной фразой врач ясно дал понять, кто хозяин этой ситуации, унизив тем самым пациентов.

Характерно, что в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» [14] императивность и способы её выражения специально не рассматриваются в стилистическом ключе, хотя императивные конструкции имеют непосредственное отношение и к речевой агрессии, и к языку СМИ, и к языку рекламы в частности.

Наиболее распространённым способом выражения побуждения в русском языке закономерно считается форма повелительного наклонения. Такая форма волеизъявления, как показывают многочисленные наблюдения, особенно при оформлении просьбы, нередко воспринимается представителями иных культур как слишком прямая, невежливая и даже грубая. По наблюдениям Т.В. Лариной, «одно из основных различий между английской и русской вежливостью касается употребления императива» [6: с. 262]. Эксперименты, проведённые исследователем, показали, что в одной и той же ситуации (например, просьба принести меню в ресторане) англичане вообще не выбирают прямой способ императивности (повелительное наклонение), а русские — в 60 % случаев прибегают именно к императиву (*Принесите, пожалуйста, меню*) [6: с. 272]. Отражённое в английском языке стремление избегать императива связывается с ценностными ориентирами англосаксонской культуры, уважающей личную автономию человека. В «русском мире» личное пространство не так высоко ценится, слово *privacy* (зона личной неприкосновенности) отсутствует в лексиконе, но, тем не менее, императив внутри русской культуры вовсе не является показателем грубости. Опыт общения на родном языке убеждает, что императивно выраженная просьба может по-разному «прочитываться» адресатом: формально императивные высказывания могут быть ласковыми, нежными, как, например, в приводимом Т.В. Лариной примере, описывающем ситуацию в больнице и просьбу пациента: «*Сестричка, принесите стаканчик водички!*». Анна Вежбицкая в Предисловии к книге Т.В. Лариной пишет, что в переводах подобных фраз на английский («*Nurse, could you bring me a glass of water*» — букв. «Сестра, Вы могли бы принести мне стакан воды?») теряется «русский мир отношений и ценностей» [6: с. 11]. Теплота и душевность русских диминутивов (*сестричка, стаканчик, водичка*), безусловно смягчающих давление на адресата, практически неперевожима на английский язык.

Форма императива в русской коммуникации не снижает уровня вежливости, как это происходит в английском общении, однако многие иностранцы отказываются верить тому, что императивное реквестивное высказывание может быть абсолютно вежливым в русской культуре. Так, иностранные студенты из Европы при выражении просьбы по-русски пытаются по-своему «смягчить» нормативное русское волеизъявление типа «*Дайте мне, пожалуйста, ручку*» с помощью просьбы-вопроса: «*Можете ли мне дать ручку, пожалуйста?*».

В русской коммуникации прямые императивные высказывания, в отличие от других лингвокультур, с точки зрения вежливости, можно в большинстве

случаев считать нейтральными. Косвенным свидетельством в пользу того, что повелительное наклонение в русском языке в целом не может характеризоваться как категорический способ воздействия на адресата, служит происхождение форм повелительного наклонения. Как известно, славянский императив не является собственно повелительным наклонением, он восходит к древней форме опатива — «пожелательного» наклонения. По утверждению В.В. Колесова, в русской ментальности «отношение к другому проявляется не в наглом приказе или хозяйском повелении, но в пожелании, что высказываемое будет принято к сведению» [5: с. 28]. Оживлением этой формы В.В. Колесов считает широкое распространение в наши дни формул типа *хотелось бы, чтобы..., хочется верить, что...* и др.

Нейтральность повелительного наклонения в русском языке состоит в том, что императив занимает срединное место на шкале способов обозначения побудительности по степени воздействия на адресата. В связи с этим можно предположить, что частотное употребление русскими коммуникантами императива само по себе не может свидетельствовать, например, о «дистанции власти» между участниками коммуникации. Русский язык располагает как более «сильными», чем императив, средствами волевого воздействия на адресата, так и более мягкими, косвенными. Беспрекословность выполнения требования говорящий может подчеркнуть с помощью инфинитива: *Молчать! Стоять! Не стрелять!*

К способам «сильного» воздействия на адресата относятся также следующие средства, используемые в «родительском», «учительском» и «начальственном» дискурсах:

– форма простого будущего времени (с использованием глагола совершенного вида): *Пойдѐшь в магазин и купишь всё необходимое! Сделаешь это задание ещё раз! Проект подготовите к понедельнику!*

– конструкция «чтобы кто / что + форма глагола прошедшего времени»: *Чтобы вернулся домой к ужину! Чтобы переписал без ошибок! Чтобы к утру работа была готова!*

– конструкция «изволь(те) + инфинитив»: *Извольте выполнить эту работу вовремя!* [4]

– форма прошедшего времени глагола совершенного вида: *А ну, сел за уроки! Успокоились! Достали учебники! Собрал свои вещи и вышел из класса! А ну, поднялся! Пошёл вон!* и т. п. В основе подобного употребления «лежит представление о каузируемых действиях как об уже совершившихся реальных фактах» [10: с. 74].

Как отмечают исследователи [4; 6], многие из этих средств выражения категоричного требования предполагают неравные отношения между участниками коммуникации. При этом коммуникативные роли и характеристика коммуникации могут иметь особые специфические признаки в каждом конкретном случае. Так, форма будущего времени наиболее приемлема в неофициальном

стиле общения при социальном или возрастном неравенстве коммуникантов. Конструкция с союзом *чтобы* не допускает возражений со стороны адресата, а использование формы прошедшего времени граничит с оскорблением. В этой связи уместно вспомнить скандальную историю, произошедшую с известным эстрадным певцом, который в разговоре с журналисткой позволил себе использовать, наряду с другими некорректными высказываниями, и такой способ побуждения, как: «*Взяла и вышла отсюда!*».

Русский язык располагает богатейшим репертуаром средств смягчённого воздействия на адресата. Отметим лишь некоторые из них, используемые при выражении просьбы:

– с помощью различных типов вопросов (с модальным глаголом, с отрицанием, с частицей *ли*, вопрос о наличии и др.), при этом в просьбе могут быть представлены и дополнительные маркеры вежливости, например, разного рода диминутивы. Ср.: *Не найдётся ли у Вас свободной минутки для меня? Не подскажете, который час? Могу я узнать у Вас об этом? У Вас есть ручка?* и т. п.

– формой сослагательного наклонения (в вопросительной форме): *Не могли бы Вы передать ему эту информацию?*

– с помощью конструкции *хочу попросить Вас о ...* и мн. др.

Один из способов «завоевания» адресата в русской коммуникации — обращение к нему на «мы». При этом говорящий сам может включать себя в действие, к которому призывает партнёра по коммуникации: *Пойдём в кино! (Пошли на каток!)*, но в ряде случаев участие говорящего в предполагаемом действии полностью исключается по объективным причинам: *Передняя площадочка! Покупаем билеты! (кондуктор — пассажирам); Предъявляем проездные документы! (контролёр — пассажирам); Проходим в середину салона! (водитель — пассажирам); Раздеваемся (врач — пациенту); Открываем учебник и читаем правило (учитель — ученикам)* и т. п. Совершенно очевидно, что обращение на «мы» — это ещё одно из «средств минимизации давления на адресата, способ включения субъекта речи в реализацию побуждения» [1: с. 101], отличающийся яркой самобытностью и раскрывающий особенности не только русского речевого этикета, но и психологии, ментальности народа.

В выражении побуждения на русском языке значимым является и вид глагола. Нередко считают, что глаголы совершенного вида в повелительном наклонении обычно используются для обозначения категоричной просьбы, приказа или требования. «Действие при этом представляется законченным, однократным, определённым и чётким, обусловленным вполне конкретной ситуацией» [9: с. 368]:

— *Варька, поставь самовар!* — кричит хозяйка...

— *Варька, почисти хозяйину калоши!*..

— *Варька, помой снаружи лестницу...* (А.П. Чехов).

Думается, что это не совсем так. Категоричность такого рода просьбы-приказа создаётся не за счёт использования императива, а за счёт неравных

отношений коммуникантов, при этом один из индикаторов этого неравенства — форма обращения (*Варька!*). Разумеется, приказы и требования оформляются с помощью глаголов обоих видов, а вот относительно обозначения просьбы ситуация выглядит несколько по-другому. В частности, если действие локализовано во времени, связано с моментом речи и предполагает единичность действия, то просьба (даже самая мягкая!) будет корректно выражена для большинства глаголов именно с помощью совершенного вида и интонационной конструкции ИК-3 (в терминологии Е.А. Брызгуновой [8]), которая может заменить слово «пожалуйста»: *Открой дверь! Сделай это для меня! Расскажи мне сказку! Покажи мне свои фотографии!* В ситуациях дружеского общения такие побудительные высказывания, произнесённые с особой интонацией просьбы, даже без индикатора вежливости «пожалуйста», являются не категоричными, а, напротив, мягкими и вежливыми. Если предполагаемое действие ориентировано на интересы говорящего, то императив в форме несовершенного вида не будет соответствовать речевому акту просьбы, а будет выражать значение категорического требования: *Отдавай деньги! (Жизнь или кошелёк?) Открывай! (Полиция!) Делай! (Кому говорят!) Рассказывай! Показывай фотографии! Говори, где он живёт!* Категоричность требования связана с призывом немедленно приступить к действию.

Представленные здесь наблюдения вовсе не означают, что несовершенный вид всегда закреплён за требованием и во всех ситуациях звучит категорично. Требование в равной степени может оформляться с помощью и совершенного вида, и несовершенного. Ср. *Немедленно читай книгу!* и *Обязательно прочитай эту книгу!* Речь идёт здесь об учёте интересов говорящего и адресата.

Если предполагаемое действие связано с интересами адресата, то использование глагола несовершенного вида будет вполне уместно, например, преподаватель во время экзамена или зачёта, желая поставить оценку, обращается к студенту со словами: *«Давайте зачётку!»* Дать зачётку преподавателю — в интересах самого студента, поэтому со стороны преподавателя это не может быть просьбой. Студент, напротив, обращаясь к преподавателю, не может сказать: **Давайте мою зачётку, пожалуйста!* (Императив *давайте* в данном значении и слово *пожалуйста* даже не вступают в синтагматические отношения друг с другом!). Ср. другой пример неформального общения:

- *Переведи мне, пожалуйста, этот текст!*
- *Хорошо, давай книгу!*

В данном случае предполагаемое действие должно совершиться в интересах инициатора диалога, поэтому первая диалоговая реплика оформляется как просьба, с помощью глагола совершенного вида, но второй участник просит книгу не для своих нужд, а в интересах партнёра по коммуникации, поэтому закономерно использование несовершенного вида глагола.

Речевые коммуникативные акты, связанные с пожеланием, приглашением или угощением, ориентированы в основном на интересы адресата

(а не говорящего!), поэтому употребление в такой ситуации глаголов несовершенного вида закономерно: *Поправляйтесь! Угощайтесь! Берите пирожки! Проходите!*

Итак, выбор и сочетание средств воздействия на адресата обусловлены отношениями между коммуникантами, принадлежностью их к определённому типу культуры, их социальным и возрастным статусом, особенностями ситуации общения и многими другими языковыми и социокультурными факторами. Осознанное отношение к выбору языковых средств побудительности, формирование внутреннего «цензора», влияющего на выбор того или иного средства императивности, — всё это может сдерживать и агрессию в речи, и «разрушительные процессы в языке и обществе, которые в определённой мере характерны для настоящего периода» [2: с. 15]. Одним из сдерживающих в этом смысле факторов является создание активной грамматики для говорения и письма, способной формулировать правила выбора языковых средств (в том числе и для выражения побудительности) в зависимости от ситуации общения [7].

Библиографический список

Литература

1. *Богданова Л.И.* Рецензия на монографию Т.В. Лариной «Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Лингвистика». 2010. № 2. С. 99–102.
2. *Богданова Л.И.* Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий. М.: Флинта: Наука, 2011. 248 с.
3. *Изотов А.И.* Императивность как прагмалингвистический феномен. На материале чешского языка. М.: Либроком, 2008. 256 с.
4. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 648 с.
5. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
6. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
7. *Милославский И.Г.* Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Либроком, 2015. 288 с.
8. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1982. 783 с.
9. Современный русский язык / Под ред. Д.Э. Розенталя. М.: Высшая школа, 1984. 735 с.
10. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.
11. Типология императивных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. СПб.: Наука, 1992. 301 с.
12. *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива: Русский императив. М.: УРСС, 2002. 272 с.

13. Ярыгина Е.С. Ещё раз о «коммуникативном подходе» к сложному предложению (к вопросу о возможностях лингвистического эксперимента) // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3. С. 52–62.

Справочные и информационные издания

14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожин. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

References

Literatura

1. Bogdanova L.I. Recenziya na knigu T.V. Larinoj «Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskix i russkix lingvokul'turny'x tradicij» // Vestnik Rossijskogo universiteta družby' narodov. Ser. «Lingvistika». 2010. № 2. S. 99–102.

2. Bogdanova L.I. Stilistika russkogo yazy'ka i kultura rechi. Leksikologiya dlya rechevy'x dejstvij. M.: Flinta: Nauka, 2011. 248 s.

3. Izotov A.I. Imperativnost' kak pragmalingvisticheskiy fenomen. Na materiale cheshskogo yazy'ka. M.: Librokom, 2008. 256 s.

4. Kniga o grammatike. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009. 648 s.

5. Kolesov V.V. Yazy'k i mental'nost'. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 240 s.

6. Larina T.V. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskix i russkix lingvokul'turny'x tradicij. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2009. 512 s.

7. Miloslavskij I.G. Kratkaya prakticheskaya grammatika russkogo yazy'ka. M.: Librokom, 2015. 288 s.

8. Russkaya grammatika. T. 1. M.: Nauka, 1982. 783 s.

9. Sovremenny'j russkij yazy'k / Pod red. D.E. Rozentalya. M.: Vy'sshaya shkola, 1984. 735 s.

10. Teoriya funkcional'noj grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'. L.: Nauka, 1990. 264 s.

11. Tipologiya imperativny'x konstrukcij / Pod red. V.S. Xrakovskogo. SPb.: Nauka, 1992. 301 s.

12. Xrakovskij V.S., Volodin A.P. Semantika i tipologiya imperativa: Russkij imperativ. M.: URSS, 2002. 272 s.

13. Yarygina E.S. Eshhyo raz o «kommunikativnom podxode» k slozhnomu predlozheniyu (k voprosu o vozmozhnostyax lingvisticheskogo eksperimenta) // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3. S. 52–62.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

14. Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazy'ka / Pod red. M.N. Kozhinoj. M.: Flinta: Nauka, 2003. 696 s.

Е.А. Дюжикова

Моделирование как когнитивная основа формирования инференции английских аббревиатур

Работа посвящена анализу английских аббревиатур как модели отражения фрагмента языковой картины мира. В статье исследуются проблемы типологии аббревиации, главные структурные типы и значение аббревиатур как когнитивной модели. В структурном отношении аббревиатуры современного английского языка повторяют некоторые продуктивные модели, однако происходит явное обновление и накопление аббревиатур на основе новых моделей, особенно в области такой комплексной научной дисциплины, как компьютерная лингвистика.

The article concerns the problem of the analysis of English abbreviations as a cognitive model of world-view. The formation, types and semantics of abbreviations are treated as features of the cognitive model. The structure of abbreviations shows repetitive use of some productive models, though a number of new abbreviation models were found to accumulate especially in the field of computer linguistics.

Ключевые слова: моделирование; аббревиатура; когнитивная модель; инференция.

Keywords: modeling; abbreviation; cognitive model; inference.

Утверждения о том, что аббревиация не имеет моделируемого характера и что существуют лишь некоторые тенденции в механизмах и правилах сворачивания одних знаков в другие, противоречат существующему реально положению дел [2]. В данной работе показаны основные модели аббревиатур и некоторые закономерности сопутствующих им процессов. В специальной литературе ещё не ставился вопрос о том, какие именно единицы превращаются в аббревиатуры и какие модели могут быть предложены для объяснения. Соответственно, главная задача настоящего исследования связана с более точным определением закономерностей моделирования аббревиатур в современном английском языке, с более конкретным выделением тех областей знания, в которых аббревиатуры выступают в качестве удобных замен наименований, состоящих из нескольких слов. В работе проанализированы и описаны те единицы, которые ложатся в основу будущих аббревиатур.

По ходу изложения мы попытаемся показать, что *исключение аббревиатур из числа моделируемых единиц номинации всё же невозможно*. Любое производное слово — конвенциональный знак с собственным лексическим значением, формирующимся на основе словообразовательного значения, нередко характеризуется расхождением между тем и другим. Это ведёт к тому,

что в семантике производных единиц нередко наблюдаются ножницы между словообразовательным и лексическим значениями. В аббревиатуре в виде ножниц наблюдается отношение между лексическим значением источника мотивации и лексическим значением результативных единиц. Аббревиатура всегда моделируется за счёт техники **сокращения и сложения**, но как только она введена в текст (дискурс), она приобретает новое значение или новую окраску — приращённое значение, поэтому семантику каждой из них следует изучать по отдельности.

К ярким особенностям современного английского языка относится разнообразие типов и частота употребления аббревиатур в различных функциональных стилях. Аббревиатура — достаточно продуктивная модель, которая организует, представляет и формирует представления человека об окружающем мире. Композит, объединяющий в своей структуре разные слова, является средством номинации сложного объекта действительности, воспринимаемого сознанием в виде гештальта, семантического целого, отражающего языковую картину мира индивида. Любая аббревиатура в формальном отношении представляет собой свёрнутый из словосочетания трансформ, разгадка значения которого связана с тем «как организовано знание и в виде каких систем его можно представить» (здесь и далее перевод наш. — *Е.Д.*) [5: р. 333]. Для полной характеристики аббревиации необходимо изучить не только структурные типы аббревиатур (поскольку способы сокращения слов чрезвычайно многообразны и принимают различные формы), но и механизмы инференции, то есть «получение выводных данных в процессе обработки информации и / или языка и само выводное знание, умозаключение, — одна из важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [9: с. 33–34]. На необходимость включить операции вывода (инференции) в семантическую теорию и составить часть её описания уже неоднократно обращали внимание Р. Джекендофф и Р. Стивенсон, поскольку «особенно значима инференция именно при обработке языковых данных» [6: р. 15–16; 8].

Большинство исследователей, анализируя отдельные типы аббревиатур, не раз отмечали трудности при составлении их классификаций из-за необычности их структуры и возможности использования разных способов сокращений в различных комбинациях и в то же время явную недостаточность уделяемого им внимания. И в самом деле, предпринятые попытки создания типологических классификаций аббревиатур до сих пор нельзя признать успешными. «Такое положение дел далеко не случайно: разнообразие и сложность процессов аббревиации препятствовали созданию типологии результативных сокращённых единиц и даже служили поводом для выведения самого явления аббревиации за пределы словообразования как области моделируемых правил и отношений, служащих для возникновения новых номинативных единиц» [4: с. 7 и сл.]. Это мешало закрепить за ней роль «индивидуального

средства, применяемого лишь по воле говорившего и, вообще говоря, не входящего в компетенцию словообразования» [5: р. 31].

В лингвистической литературе существует большое количество классификаций сокращений, построенных на различных принципах и материале разных языков (русского, английского, немецкого, французского и др.) Однако следует отметить, что большинство классификаций, построенных на формальных особенностях аббревиатур, страдают, на наш взгляд, некоторой фрагментарностью и непоследовательностью. Это объясняется, по-видимому, тем, что авторы *не столько объясняли*, сколько описывали отдельные типы сокращений (слоговые, инициальные), а их классификации строились исключительно для ограничения материала исследования от родственных единиц. Различия в классификациях отдельных авторов (Г. Марчанд, Л. Соудек, В.В. Борисов, А.Н. Елдышев и др.) демонстрируют отсутствие единства взглядов на то, к каким структурным типам сводится всё многообразие сокращённых слов.

Что касается классификаций **английских** сокращений, то их оказывается довольно много и большинство из них построены на структурных особенностях аббревиатур. Однако именно структурная неоднородность «следов» исходных единиц не позволяла выстроить все сокращения в строгой последовательности, охватывающей как общие, так и частные их типы. Понятие «тип», вслед за В.Г. Гаком, используется нами в его обычном научном значении и определяется как «модель (образец), которой соответствует определённая группа явлений, а типология — как выявление и упорядочение различных типов существования объекта» [1: с. 230].

Анализ структурных типов аббревиатур современного английского языка проводился нами и в предыдущих работах [2; 3: с. 81–90]. В результате, несмотря на структурную неоднородность аббревиатур и разнообразие их типов, нами выделены три основных типа аббревиатурных знаков:

- слоговые аббревиатуры, в состав которых входит часть или части только одного слова, не менее двухфонемного слога;
- сложно-слоговые, в состав которых входят не только редуцированные части слов, по линейной протяжённости не менее двухфонемного слога, но наряду с ними и полные слова;
- инициальные аббревиатуры, в состав которых обязательно входят начальные буквы / звуки (инициалы) слова или слов сокращаемого словосочетания.

В проведённой на этом основании классификации аббревиатур современного английского языка учитывались следующие параметры:

- протяжённость и структура исходного знака;
- протяжённость и реальный состав результативного сокращённого знака.

В ходе создания данной классификации использовалась формальная операция — **усечение** разного типа с последующим **сложением**. В результате мы выделили двенадцать разновидностей моделей.

Прекрасно работая в целом ряде случаев, классификация оказалась релевантной, особенно на начальном этапе исследования, и явилась отправной

точкой для дальнейшего изучения такого феномена, как аббревиатура, ибо, однажды заинтересовавшись этой проблемой, исследователь не расстаётся с ней никогда, так как аббревиатуры «живут» в разных стилях. Читая любую литературу, мы встречаем известные и незнакомые новые сокращения. Следует отметить, что в структурном отношении аббревиатуры современного английского языка повторяют некоторые продуктивные модели, но вместе с тем происходит активное обновление и накопление аббревиатур на основе новых моделей, особенно в области такой комплексной научной дисциплины, как компьютерная лингвистика.

Материалом для исследования послужили аббревиатуры из многочисленной технической литературы, фирменной документации и рекламных проспектов по компьютерным технологиям, информатике, электронике и связи, в которых часто встречаются сокращённые наименования. Исследованный материал показывает, что аббревиатуры данной отрасли знаний отличаются, с одной стороны, разнообразием моделей, а с другой — очень интересной и неожиданной структурой, в которую «вплетаются» сокращения уже существующей аббревиатуры типа (OACS < Open Architecture CAD System — система автоматизированного проектирования с открытой архитектурой; где CAD < Computer Aided Design — проектирование с помощью ЭВМ).

Модифицируя и уточняя нашу классификацию, предложенную в указанных выше работах, на основе других дополнительных параметров с учётом аббревиатурного статуса «следа / следов» в структуре аббревиатуры, определяемого по её линейной протяжённости и языковой природе и отношению к прототипу, нам удалось выделить в этой классификации **подтипы внутри каждого типа**. Учитывая вышеназванные критерии, классификация приобрела дробный характер, обогатившись новыми моделями, за которыми стоят когнитивные структуры, обозначающие новые понятия картины мира, связанные с компьютерной лингвистикой. В данной статье мы остановимся на вопросе формирования лишь отдельных «специфических» моделей аббревиатур, которые не вписываются или вписываются с трудом в известные модели их формирования.

Сразу же следует заметить, что в нашем материале имеется значительное количество **контрактур** (простые усечения, образованные при сокращении одного слова или при стяжении одного слова за счёт опущения его срединной части). Ср.: NTFY < NoTiFY; NRML < NoRMaL; ntavl < NoT AVaiLable; OTR < OTheR; ALM < ALarM; rqstd < ReQueSTD; nucleonic < NUCLEar + electrONICs — Нуклеоника (ядерная физика и техника). Иногда контрактура соединяется со словом. Ср.: PGLIN < PaGeLINE — страница и строка; RDOSERV < RaDiO SERvice — радиослужба.

Среди слоговых аббревиатур обнаруживаются сокращения, сформированные по модели, которую можно представить как S + N In., где S < syllable (слог); N — количество; In. < initial (инициал). В качестве примера рассмотрим следующие аббревиатуры: REST < REpresentative Scientific Test — показательный

научный эксперимент; **NATIS** < **NAT**ional **IN**formation **S**ystems — национальные информационные системы; **PERFECT** < **PER**formance **E**valuation for **C**ost-effective **T**ransformations — оценка производительности для программ, изменяющих соотношение цена / производительность). Примеры наглядно демонстрируют, что в процессе формирования аббревиатур участвует «слог + инициал + инициал + инициал», т. е. (S + 3 In.) — сокращения, создаваемые в результате одновременного применения усечения и инициальной аббревиации. В примерах **SERDEX** < **SER**ial **D**ata **EX**change (последовательный обмен данными); **MEDICO** < **MED**ical **I**nternational **C**orporation (Международная медицинская корпорация) зафиксирована модель (S + In. + S). В исследованном материале нередко встречаются настоящие оксюмороны, образованные по модели (S + S), оригинальность которых заключается в том, что второй слог извлекается из середины другого слова. Ср.: **SUPROX** < **S**uccessive a**PROX**imation — последовательная аппроксимация (приближённое выражение какой-нибудь величины через другие более простые величины).

Следует отметить тот факт, что в области компьютерной лингвистики по-прежнему довольно продуктивна апокопа (A) — усечение конечной части слова. Ср.: **prob** < **PROB**lem (проблема); **PROC** < **PROC**edure (процедура); **PROC** < **PROC**essor (процессор); **radio** < **RADIO**telegraphy (радиотелеграфия); **demo** < **DEMO**nstration (демонстрация); **NORR** < **NO** **R**epl**Y** **R**ece**I**ved (ответ не получен). Однако она проявляет некоторые вариации, соединяясь то со словом, то, наоборот, происходит сложение целого слова с сокращённым (апокопой). Ср.: (A + W) **representathieve** < **REPRESENTA**tive **THIEVE** (официальное лицо, замешанное в расхищении бюджетных средств); (W + A) **OURLET** < **OUR** **LET**ter (ссылаясь на наше письмо); **OURTEL** < **OUR** **TEL**ex (**TEL**egram) (ссылаясь на наш телекс (телеграмму)).

Многообразие замены словосочетаний, состоящих из нескольких слов, аббревиатурой демонстрируют следующие модели:

(S + S + In. + In.). Ср.: **GOMAC** < **GO**vernment **M**icrocircuit **A**pplication **C**onference — конференция представителей государств по вопросам микросистем;

(S + S) — инференция данной модели аббревиатуры формируется из сочетания начальных частей слов (слоговые). Ср.: **CANTRAN** < **CAN**cel **TRAN**smission (отмена пересылки); **CANCOM** < **CAN**adian **COM**munication (система связи Канады); **GLOCOM** < **GLO**bal **COM**munication (система глобальной связи);

(S + S + S, или 3S) — здесь ключ к разгадке заключается в сложении трёх сокращённых слов до уровня слога. Ср.: **REVOCON** < **RE**mote **VOL**ume **CON**trol (дистанционная регулировка громкости); **MAXSECOM** < **MAX**imum **SE**curity **COM**munications (максимально засекреченная система связи);

(S + S + S + In.). Ср.: **ALPURCOMS** < **AL**l **PUR**pose **COM**munication **S**ystem (универсальная системам связи);

(S + S + In.) Ср.: **SATCOMA** < **SAT**ellite **COM**munication **A**gency (Агентство спутниковой связи);

(S + S + In. + In.). Ср.: **GLONASS** < **GLO**bal **NA**avigation **Sa**ttellite **Sy**stem (глобальная навигационная спутниковая система, ГЛОНАСС);

(S + W), где W < word — слово. Ср.: **refujew** < **refugee-jew** (эмигрант-еврей); **petrodollars** < **petrol** + **dollars** (доходы от продажи нефти); **WIN-WORD** < **WIN**dows **WORD** (текстовый процессор фирмы МС). Данные сокращения демонстрируют комбинации усечения с полным словом);

(W + S) слово + слог — **datacol** < **data collection** (сбор данных);

(In. + S). Ср.: **C.Lit** < **Companion Literature** («подвижник литературы», почётное звание, которое присваивается королевским обществом литературы выдающимся литераторам (GB)); **SACK** < **Selection ACK**nowledge (подтверждение выбора);

(In. + S + конечный S). Ср.: **GRAZER** < **Gamma RAy laZER** (гамма-лазер);

(In. + In. + S). Ср.: **OCRE** < **Optical Character REader** (устройство оптического считывания знаков); **AMCOM** < **American Mobile COM**munication (американская система подвижной связи); **CECOM** < **Central European COM**munication (research documentation Centre) (дополнительная информация) (научно-информационный центр по средствам массовой коммуникации стран Центральной Европы);

(In. + In. + In. + S). Ср.: **ALUTROL** < **Arithmetic Logic Unit for ConTROL** (управляющее арифметико-логическое устройство); **POLGEN** < **Problem Oriented Language GEN**erator (генератор проблемно ориентированного языка).

В данной области исследования модели аббревиатур иногда выступают в совершенно неожиданной форме. Например, аббревиатура **SR-ARQ** < **Selective Repeat Automatic Repeat reQuest** (автоматический запрос избирательного повторения) демонстрирует модель (In. + In. + In. + In. + In.), где последний инициал взят из середины слова); аббревиатура **CEBUS** < **Consumer Electronic BUS** (шина потребительской электроники) — (In. + In. + конец слова); **PA-RISC** < **Precision Architecture RISC** (с высокочастотной архитектурой); **RISC Reduced (Restricted) Instruction Set Computer** (компьютер с сокращённым набором команд) (In. + In. + аббревиатура).

Широко представлены модели аббревиатур, составленных из начальных букв / звуков слов или словосочетаний, включающие комбинации инициалов с полным словом или сокращённым элементом (In + W), (In. + In. + W), (аббревиатура + + In. + In.). Инференция подобных аббревиатур подсказывает точное значение сокращённых единиц. Ср.: **P-BOARD** < **Prototype BOARD** (плата прототипа):

P-COUNTER < **Program COUNTER** (счётчик команд); **Swatch** < **Swiss watch** (торговая марка швейцарских часов); **WDATA** < **Write DATA** (запись данных); **PBRESET** < **Push Button RESET** (кнопка перезапуска); **RADCM** < **RADar Counter Measures** (радиолокационное воздействие).

Интересно отметить, что в компьютерной терминологии довольно часто встречаются случаи, когда модель аббревиатуры содержит другое сокращение, то есть по сути одно сокращение является основой для формирования

другого сокращения. Ср.: **OSF** < **O**ppose **SUN** **F**orever — против SUN навеки (шутка); **OSR** < **OEM** **S**ervice **R**elease — служебная версия для OEM.

Наш материал исследования показывает, что по-прежнему «в моде» образование аббревиатур, совпадающих или преднамеренно подогнанных под известное слово. Ср.: **GOSIP** < **G**overnment **O**pen **S**ystem **I**nterconnection **P**rofile — правительственный профиль взаимодействия открытых систем; **DAMA** < **D**emand **A**ssignment **M**ultiple **A**ccess — множественный доступ с предоставлением канала по требованию; **SACK** < **S**election **A**CKnowledge — подтверждение выбора.

Редко, но находим сокращения, образованные способом наложения: **OUT-RAN** < **OUT** **TRAN**slator (выходной транслятор); **ADA** < **A**ddress **A**dder (сумматор адресов) и так называемые телескопы: **LOGAND** < **LOG**ical + **Comm**AND (логическая команда); **LOGRAM** < **LOG**ical **pro**GRAM (логическая программа).

Не вызывает сомнения тот факт, что аббревиатура представляет собой область моделируемых по особым правилам единиц номинации, и возникновение новой формы в этом процессе сопровождается обычно также возникновением новых когнитивных характеристик у этого нового знака. Формальной операцией создания аббревиатур является **сокращение** тех или иных элементов источника мотивации, с одной стороны, и дальнейшее **сложение** этих элементов в определённой последовательности — с другой.

В заключение необходимо особо подчеркнуть, что дескрипция огромного материала аббревиатур и сведение его к определённым таксономическим единицам показало, что внутри каждой выделенной разновидности имеются свои собственные правила, которые позволили выделить внутри классов интересные своеобразные модели. В связи с этим представляется возможным **введение в теорию словообразования понятия МАЛОГО ПРАВИЛА**, действующего с регулярностью, хотя и на ограниченном участке языковой системы.

Такая детальная типология аббревиатур позволяет выявить уникальные характеристики каждого типа и с большей аргументированностью говорить об инференции, причём не относительно одного отдельного типа, а относительно выделенных нами на основании малого правила подтипов аббревиатур.

Библиографический список

Литература

1. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (общие вопросы). М.: Наука, 1977. С. 230–239.
2. Дюжикова Е.А. Аббревиатура сравнительно со словосложением: структура и семантика (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 50 с.
3. Дюжикова Е.А. Аббревиатура в современном английском языке (когнитивно-дискурсивные аспекты): монография / Вступ. ст. Е.С. Кубряковой. Одинцово: АНОО ВПО «ОГИ», 2013. 320 с.
4. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Отв. ред. Е.А. Земская; предисл. В.Ф. Новодрановой. 2-е изд., доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.

5. *Beard R.* The Indo-European Lexicon. A Full Synchronic Theory. Amsterdam – New-York – Oxford: North Holland Publishing Comp., 1981. 389 p.
6. *Jackendoff R.* Semantics and cognition. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1993. 283 p.
7. *Neisser U.* Two themes in the study of cognition // *Cognition: Conceptual and methodological issues.* Washington, 1992. P. 333–340.
8. *Stevenson R.* Language, thought and representation. N.Y.: OUP, 1993. 184 p.

Справочные и информационные издания

9. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац и др.; под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 245 с.

References

Literatura

1. *Gak V.G.* К типологии лингвистических номинаций // *Языковая номинация (общие вопросы)*. М.: Nauka, 1977. S. 230–239.
2. *Dyuzhikova E.A.* Abbreviaciya sravnitel'no so slovoslozheniem: sruktura i semantika (na materiale sovremennogo anglijskogo yazy'ka): avtoref. dis.... d-ra filol nauk. М., 1997. 50 s.
3. *Dyuzhikova E.A.* Abbreviaciya v sovremennom anglijskom yazy'ke (kognitivno-diskursivny'e aspekty'): monographiya; vstup. st. E.S. Kubryakovej. Odinczovo: ANOO VPO «OGI», 2013. 320 s.
4. *Kubryakova E.S.* Tipy' yazy'kovy'x znachenij: semantika proizvodnogo slova / Otv. red. E.A. Zemskaya; predisl. V.F. Novodranovoj. 2-e izd., dop. М.: Изд-во LKI, 2008. 208 s.
5. *Beard R.* The Indo-European Lexicon. A Full Synchronic Theory. Amsterdam – New-York – Oxford: North Holland Publishing Comp., 1981. 389 p.
6. *Jackendoff R.* Semantics and cognition. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1993. 283 p.
7. *Neisser U.* Two themes in the study of cognition // *Cognition: Conceptual and methodological issues.* Washington, 1992. P. 333–340.
8. *Stevenson R.* Language, thought and representation. N.Y.: OUP, 1993. 184 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац и др.; под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 245 с.

А.В. Аверина

Аспектуально-темпоральные свойства локальных и временных показателей в немецком языке

В статье рассматривается влияние семантики локальных показателей на интерпретацию аспектуально двузначных глаголов. Показано, что эти глаголы приобретают семантику предельности, если в линейной схеме предложения выступают локальные показатели с конкретной семантикой, и, наоборот, неопределенности, если в линейной схеме предложения используются показатели места с абстрактной семантикой.

The article deals with the influence of semantics of local indicators on the interpretation of verbs with the double aspectual meaning. These verbs prove to acquire the meaning of completeness when the spatial markers with concrete semantics are used in the sentence structure. If the spatial markers with abstract meaning are used in the sentence structure, the semantics of predicates are usually not Perfect.

Ключевые слова: предельность; неопределенность; аспектуальная двузначность; локальные показатели.

Keywords: completeness; incompleteness; aspectual ambiguity; local markers.

Одной из самых обсуждаемых проблем в типологических исследованиях является проблема межъязыковых соответствий в сфере грамматики. В этой связи исследователи часто задаются вопросом об универсальности / неуниверсальности грамматических явлений, выдвигая различные концепции. Так, многократно обсуждаемая в течение не одного десятка лет категория вида рассматривается, с одной стороны, как грамматическая категория, имеющая место только в языках, в которых она охватывает всю глагольную лексику, а виды образуют грамматическую оппозицию бинарного типа [7: с. 180]. С другой стороны, вид трактуется как универсальная семантическая категория, которая может быть выражена лексико-синтаксическими и прочими средствами [4: с. 152]. Мы придерживаемся второй позиции и считаем, что вид способен выражаться средствами различных языковых уровней и в так называемых «безвидовых» языках.

Средства передачи видовых отношений в немецком языке уже не раз были предметом детального изучения (см. [3; 5; 6]), в том числе и во взаимосвязи со способами действия [2], но в перечисленных работах не учитывается потенциал системы артикля и имени существительного в кодировке видовых отношений. Если русский язык как «безартиклевыи» язык обладает грамматической категорией вида, то немецкий язык как «безвидовой» способен компенсировать выражение видовых значений посредством артикля. Эта идея

принадлежит Э. Лайс [10]. Опираясь на её наблюдения, мы хотели бы показать, что не только артикль, но и семантика имени существительного, выступающего в роли локального показателя, способна влиять на видовую интерпретацию предиката. Аспектуальная интерпретация глагола зависит и от типа темпоральной конструкции. На этом остановимся подробнее в настоящей статье.

В качестве материалов исследования послужил роман Э.М. Ремарка «Ночь в Лиссабоне».

1. Кодирование внутренней и внешней перспективы в системе различных частей речи

Вопросам межкатегориального взаимодействия категорий аспектуальности, темпоральности и модальности посвящено немало работ зарубежных исследователей: Э. Лайс [10; 11], В. Абрахама [8], М. Котина [9] и других. Так, в исследовании Э. Лайс темпоральная система немецкого языка представлена как уникальная двоичная система, включающая в себя две подсистемы: темпоральную подсистему предельных глаголов и темпоральную подсистему неопределённых глаголов [10]. Ей принадлежит также идея о том, что категории модальности, темпоральности и аспектуальности представляют собой различные стороны единой категории, в которой находит отражение антропоцентричность языка [10: S. 3]. Э. Лайс проводит параллели между категориальным значением определённости и совершенным видом, неопределённости и несовершенным видом. В так называемых «видовых» языках определённость кодируется совершенным видом, в то время как в безвидовых языках эту функцию выполняет артикль. Э. Лайс приводит следующий пример, демонстрирующий возможности артикля кодировать совершенный вид:

(1) *Ich habe Holz gespalten.* ‚Я рубил дрова‘.

(2) *Ich habe **das** Holz gespalten.* ‚Я нарубил дров‘ (здесь и далее выделено нами. — А.А.) [11: S. 13].

В примере (1) имя существительное *Holz* (дрова) используется без артикля, что позволяет маркировать его неопределённость. При переводе на русский язык эквивалентом будет несовершенный вид глагола — *рубил*. В примере (2) определённость немецкого существительного *das Holz* передаётся на русский язык глаголом совершенного вида *нарубил*. Эти примеры демонстрируют, как в системе определённости – неопределённости артикля кодируется видовая семантика, заложенная в системе глагольного вида в русском языке.

Согласно концепции Э. Лайс (в отечественном языкознании аналогичные наблюдения сделал Б.М. Балин [3]), глаголы в немецком языке можно разделить на две группы:

(а) группа предельных глаголов (глаголы типа *einschlafen, ankommen, eintreffen* и т. д.) и

(б) группа неопределённых глаголов (глаголы типа *schlafen, lieben, gehen* и т. д.).

По терминологии Э. Лайс, глаголы первой группы, т. е. предельные глаголы, кодируют в своей семантике *внешнюю перспективу* (*die Außenperspektive*), а глаголы второй группы — *внутреннюю перспективу* (*die Innenperspektive*). Обе перспективы базируются на характеристике эгоцентрической позиции

говорящего: внешняя перспектива отражает событие без привязки к наблюдателю, при характеристике действия с позиции внутренней перспективы говорящий / наблюдатель находится как бы в центре событий.

Интересными представляются наблюдения Э. Лайс о том, что видовая семантика может быть заложена и в системе имени существительного. Она предлагает разделить имена существительные на две группы: (1) существительные, обладающие признаком «внутренняя перспектива», и (2) существительные, обладающие признаком «внешняя перспектива». Существительные первой группы — слова, обозначающие исчисляемые предметы, например *дом, стол, дерево*, существительные второй группы — слова, не имеющие денотата, например *любовь, дружба*, или вещественные существительные — *деньги, золото* и т. д. Схематично это можно представить следующим образом:

**Внутренняя и внешняя перспектива
в семантике имени существительного в концепции Э. Лайс [10]**

Внешняя перспектива I Исчисляемые, напр. <i>das Haus</i> I _____ I	Внутренняя перспектива II Неисчисляемые, напр. <i>das Geld</i> _____ I I I I I I I
--	--

Интересные наблюдения, базирующиеся на концепции Э. Лайс, сделаны С. Энгель [12]. Она рассматривает личные местоимения с позиции перспектив говорящего. По её наблюдениям, первое лицо обладает свойством внутренней перспективы, третье лицо — свойством внешней перспективы. Второе лицо несёт в себе характеристики первого и второго лица.

Обобщая концепцию Э. Лайс [10; 11], а также базирующуюся на ней теорию С. Энгель [12], можно сказать, что аспектуальные свойства могут быть присущи не только глаголу, но и существительному и местоимению, а своё проявление они находят в линейной схеме предложения.

2. Аспектуальные свойства локальных и темпоральных показателей в немецком языке

При интерпретации аспектуальных свойств глаголов возникают сложности по отношению к аспектуально двузначным глаголам. Речь идёт о таких глаголах, как, например, *fahren, schwimmen, sinken, gehen, sehen*, которые, в зависимости от контекстуального окружения, могут интерпретироваться как передающие семантику совершенного и несовершенного вида. В этой связи, например, Б.М. Балин [3] пишет о фигуре аспектологического контекста «сопряжённость действий в последовательности», когда аспектологически двузначный глагол, употреблённый в одном ряду с предельными глаголами, приобретает семантику совершенного вида:

(1) *Sie sprang über die Ketten, ging einige Schritte in das Dunkel, blieb stehen und drehte sich um* [1: S. 55].

В приведённом высказывании аспектуально двузначный глагол *gehen*, стоящий в одном ряду после предельного глагола *springen* и перед предельным глаголом *stehenbleiben*, также приобретает семантику предела. Рассмотрим ещё один аналогичный пример:

(2) *Ich verließ die Kabine und ging durch die halbdunkle Halle* [1: S. 39].

В приведённом высказывании аспектуально двузначный глагол *gehen* стоит в одном ряду с предельным глаголом *verlassen* и приобретает семантику предельности.

По нашим наблюдениям, аспектуально двузначный глагол получает различную интерпретацию в зависимости от семантики локальных показателей: если имя существительное в функции локального уточнителя кодирует в своей семантике внутреннюю перспективу, то и предикат может трактоваться как предельный. Рассмотрим примеры:

(3) «*So haben wir uns einmal das Leben gedacht, wie?*» sagte Schwarz schließlich trübe. «*Tausend Lichter und Straßen, die in die Unendlichkeit führen*» [1: S. 130].

(4) *Wir fahren in die windige und kalte Nacht* [1: S. 273].

(5) *Ich versuchte mich zu befreien. Ich ging wie früher zu den Bildern des Friedens und der Stille, zu den Sisleys und Pissaros und Renoirs, ich saß stundenlang im Museum — aber jetzt war die Wirkung umgekehrt* [1: S. 19–20].

(6) *Ich ging von der Vernunft in das Gefühl, von der Sicherheit in das Abenteuer, vom Rationalen in den Traum* [1: S. 27].

В приведённых высказываниях в роли локальных показателей выступают абстрактные имена существительные. Исходя из концепции Э. Лайс, их можно рассматривать как слова, в семантике которых находит своё отражение внутренняя перспектива высказывания, т. е. неопределённость. Соответственно, аспектуально двузначный глагол (в (3) и (4) — *fahren*, в (5) и (6) — *gehen* может быть интерпретирован как неопределённый, а при переводе на русский язык целесообразно использовать аналоги с семантикой несовершенного вида: *ехали* (3), (4), *шёл* (5), (6).

Напротив, использование конкретных имён существительных в функции локальных уточнителей позволяет выразить в семантике предиката значение предельности. Рассмотрим примеры:

(7) *Wir fahren nach Lugano, aber nicht zum deutschen, sondern zum französischen Konsulat für ein Visum* [1: S. 140].

(8) *Von dort ging ich ins Café Greif dem Gegenstück zum Café de la Rose* [1: S. 24].

(9) *In Münster ging ich in ein mittleres Hotel* [1: S. 32].

(10) *Ich ging zur Baracke mit der Kantine* [1: S. 197].

В приведённых высказываниях в роли локальных уточнителей выступают либо географические наименования (7), либо имена существительные с конкретной семантикой (8)–(10). Аспектуально двузначные глаголы *gehen* и *fahren* приобретают семантику предела.

Анализ фактического материала показывает, что есть, однако, ряд случаев, когда в роли локальных уточнителей выступают конкретные имена существительные, а предикат приобретает семантику неопределённости. Так, например, использование неопределённого артикля перед локальным уточнителем и его

последующая характеристика посредством различного рода качественных прилагательных или сравнительных оборотов, содержащих оценку говорящего, позволяет передать значение неопределённости:

(11) *Wir fahren durch ein Dorf mit weißen westfälischen Häusern und Strohdächern und schwarzem Gebälk* [1: S. 102].

(12) *Wir fahren weiter. Es war ein sonderbarer Tag. Das Diesseits und das Jenseits schienen abgefallen zu sein in zwei Abgründe, und wir fahren auf einem schmalen Grat in einer hohen, wolkenverhangenen Landschaft wie in der Kabine einer Seilbahn* [1: S. 284].

В высказывании (11) в роли локального показателя используется существительное *Dorf* с неопределённым артиклем, после которого следует его более подробная характеристика — *mit weißen westfälischen Häusern und Strohdächern und schwarzem Gebälk*. В следующем фрагменте (12) в роли локального маркера также используется имя существительное с неопределённым артиклем, после которого следует его более детальная характеристика и сравнительная конструкция. Возможно, что не только субъективно-оценочные показатели, но и неопределённый артикль перед локальными маркерами оказывают влияние на аспектуальную интерпретацию предиката.

Локальные уточнители, обозначающие какие-либо обширные объекты, также могут придавать предикату семантику неопределённости. Так, в следующем примере мы можем проследить такую зависимость: аспектуально двузначный глагол *gehen*, употреблённый перед показателем места *Champs-Élysées* (Елисейские поля — известная центральная улица Парижа, куда стекаются для прогулок толпы людей, т. е. место для времяпровождения), следует интерпретировать как неопределённый:

(13) *Ich ging über die Champs-Élysées und murmelte meinen Namen und meine neuen Geburtsdaten* [1: S. 19].

На аспектуальную семантику глагола оказывают влияние и темпоральные структуры. Анализ фактического материала показывает, что аспектуально двузначные глаголы приобретают семантику неопределённости также и в том случае, если они выступают в главном предложении, после которого следует темпоральное придаточное с союзом *bis*. Рассмотрим для иллюстрации следующий фрагмент:

(14) *Ich ging, bis es Morgen wurde. Der Tau fiel plötzlich stark, und ein Reh stand am Rande einer Lichtung. Ich ging weiter, bis ich die ersten Bauern mit ihren Fuhrwerken kommen hörte* [1: S. 27].

В приведённом фрагменте в главном предложении употреблён глагол *gehen*, который может интерпретироваться и как предельный, и как неопределённый. Придаточное предложение времени с союзом *bis* влияет на его аспектуальную семантику: этот предикат трактуется в данном контексте как предельный. Аналогичная ситуация имеет место и в темпоральных конструкциях с союзом *während*:

(15) *Kurz darauf hörte ich Schritte hinter mir. Ich ging weiter, ohne schneller zu werden, während ich überlegte, wie ich Ruth benachrichtigen könne, wenn ich verhaftet würde* [1: S. 6].

Таким образом, на аспектуальную семантику глаголов могут оказывать влияние как локальные маркеры, так и темпоральные конструкции.

Анализ теоретического и фактического материала позволяет сделать следующие выводы:

- Категория аспектуальности имеет место в русском языке в системе глагола, в то время как в немецком языке она находит своё выражение в системе артикля. В сущности, аспектуальные свойства присущи не только глаголу, их можно анализировать в системе имени существительного и местоимения. Анализ аспектуальных свойств в системе различных частей речи позволяет увидеть их способность оказывать влияние на аспектуально двузначные предикаты в линейной структуре предложения.

- Перспективным представляется исследование аспектуальных свойств ряда синтаксических конструкций или других частей речи. Это позволит нам приблизиться к более глубокому пониманию и осмыслению единой общеязыковой категории, лежащей в основе категории вида в так называемых видовых языках, и категории определённости – неопределённости в языках, располагающих развитой системой артикля.

Библиографический список

Источники

1. *Remarque E.M.* Die Nacht von Lissabon. Stuttgart: Deutscher Bücherbund, 1966. 299 S.

Литература

2. *Аверина А.В.* Категориальные значения фазового поля и языковые средства его выражения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М.: МПГУ, 2004. 196 с.

3. *Балин Б.М., Бурмистрова Л.А.* Сравнительная аспектология русского и немецкого языков. Калинин: Изд-во КГУ, 1979. 86 с.

4. *Гак В.Г.* (Из ответов на вопросы анкеты аспектологического семинара филологического факультета МГУ) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 151–153.

5. *Рахманкулова И.-Э. С.* Видовые значения причастий в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. МПНИИЯ им. М. Тореза. М., 1958. 14 с.

6. *Роганова З.Е.* Перевод видовых форм русского языка на немецкий язык: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: МПНИИЯ им. М. Тореза, 1953. 384 с.

7. *Тихонов А.Н.* Виды глагола и их отношение к слово- и формообразованию // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 3. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 180–186.

8. *Abraham W.* Zur grammatischen Grundlegung von Modalität — semantisch-syntaktische Affinitäten zu nominaler Referenz, Aspekt und Quantifikation // Funktionen der Modalität. Berlin: de Gruyter, 2013. S. 25–75.

9. *Kotin M.* Zur historischen Entwicklung der Definitheitsmarker in der Germania und Slavia // Geschichte und Typologie der Sprachsysteme. Heidelberg: Winterverlag, 2011. S. 147–158.
10. *Leiss E.* Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1992. 341 S.
11. *Leiss E.* Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit. Berlin, New York: de Gruyter, 2000. 307 S.
12. *Engel S.* Das universale System der Personalpronomina. Das Fundament für Habermas' normative Begründung der menschlichen Vernunft. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 1998. 207 S.

References

Istochniki

1. *Remarque E.M.* Die Nacht von Lissabon. Stuttgart: Deutscher Bücherbund, 1966. 299 S.

Literatura

2. *Averina A.V.* Kategorial'ny'e znacheniya fazovogo polya i yazy'kovy'e sredstva ego vy'razheniya: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. M.: MPGU, 2004. 196 s.
3. *Balin B.M., Burmistrova L.A.* Sravnitel'naya aspektologiya russkogo i nemeckzogo yazy'kov. Kalinin: Izd-vo KGU, 1979. 86 s.
4. *Gak V.G.* (Iz otvetov na voprosy' aspektologicheskogo seminar filologicheskogo fakul'teta MGU) // Trudy' aspektologicheskogo seminar filologicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova. T. 2. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1997. S. 151–153.
5. *Raxmankulova I.-E'.S.* Vidovy'e znacheniya prichastij v sovremennom nemeckzkom yazy'ke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. M.: MGPIYA im. M. Toreza, 1958. 14 s.
6. *Roganova Z.E.* Perevod vidovy'x form russkogo yazy'ka na nemeckzkiy yazy'k: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. M.: MGPIYA im. M. Toreza, 1953. 384 s.
7. *Tixonov A.N.* Vidy' glagola i ix otnoshenie k slovo- i formoobrazovaniyu // Trudy' aspektologicheskogo seminar filogicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova. T. 3. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1997. S. 180–186.
8. *Abraham W.* Zur grammatischen Grundlegung von Modalität — semantisch-syntaktische Affinitäten zu nominaler Referenz, Aspekt und Quantifikation // Funktionen der Modalität. Berlin: de Gruyter, 2013. S. 25–75.
9. *Kotin M.* Zur historischen Entwicklung der Definitheitsmarker in der Germania und Slavia // Geschichte und Typologie der Sprachsysteme. Heidelberg: Winterverlag, 2011. S. 147–158.
10. *Leiss E.* Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1992. 341 S.
11. *Leiss E.* Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit. Berlin, New York: de Gruyter, 2000. 307 S.
12. *Engel S.* Das universale System der Personalpronomina. Das Fundament für Habermas' normative Begründung der menschlichen Vernunft. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 1998. 207 S.

В.С. Машошина

Языковая репрезентация концепта «одиночество» в романе Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит»

Статья посвящена определению характера актуализации и функционирования концепта «одиночество» в художественном дискурсе Г. Мелвилла на материале романа «Моби Дик, или Белый Кит». В ней анализируется структура названного концепта в системе ядро — периферия: рассматриваются понятийный, образный, символический и оценочный слои концепта, а также его корреляционная связь с микроконцептом «море».

The article focuses on the nature of linguistic representation of the concept of solitude in H. Melville's «Moby Dick, or The Whale». Analysing the core-periphery structure of the notion under study integrating multiple layers (conceptual, figurative, symbolic and evaluative) the paper firmly establishes the connection between the concept of solitude and the subconcept of sea in the novel.

Ключевые слова: концепт; концептуальная метафора; одиночество; микроконцепт.

Keywords: concept; conceptual metaphor; solitude; subconcept.

Исследование темы изгнания и одиночества человека, его взаимоотношений с природой и окружающим миром является междисциплинарной проблемой, попытки обоснования которой многократно предпринимались в психологии, социологии, философии и религии. Однако представляется невозможным постичь природу человеческого отчуждения и изоляции без обращения к художественной литературе. Так, рассматривая вышеозначенный вопрос через призму лингвистики и анализа текста, следует подчеркнуть, что каждое литературное произведение воплощает индивидуально-авторское восприятие картины мира. По сути, общечеловеческие универсалии, к которым, на наш взгляд, относится и базовый концепт *одиночество*, моделируются, в том числе, на основе индивидуальных, уникальных идей, выраженных в художественной форме в работах лучших мастеров слова.

Осмысление концепта *одиночество*, являющегося одним из слагаемых культурного и нравственно-этического наследия американцев, происходило по мере становления формирующейся нации и её менталитета. Например, в эпоху господства кальвинистских взглядов в Новой Англии изоляция и отчуждённость в контексте строительства небезызвестного «града на холме» интерпретировались как неугодные Богу состояния, а, согласно представлениям пуританского проповедника XVII века Дж. Уинтропа (*J. Winthrop*), главенствующими были интересы общины и идея единства, противопоставленные нуждам индивида [4]. Со временем пуританская риторика пошла на убыль,

и в период расцвета романтизма в Новом Свете тема одиночества зазвучала по-новому.

Наиболее репрезентативными в этом отношении можно считать идеи трансценденталистов во главе с Р.У. Эмерсоном (*R.W. Emerson*), в чьём эссе «Доверие к себе» (*Self-reliance, 1841*) [1] актуализируются новые, значимые для того периода уровни семантического наполнения концепта *одиночество*. Кроме этого, нельзя не вспомнить известный эксперимент в этой области современника Эмерсона Г.Д. Торо (*H.D. Thoreau*), положенный в основу произведения «Уолден, или Жизнь в лесу» (*Walden; or, Life in the Woods, 1854*) [3]. В сжатом виде осмысление одиночества и уединения в философии трансцендентализма можно представить в качестве ассоциативного ряда: возвращение к природе — ограничение потребностей — постижение романтического идеала через гармонию природы и человека — доверие к себе [8].

Очевидно, что американский писатель-романтик Г. Мелвилл не разделял типичного для трансценденталистской модели мироздания оптимизма. Соответственно, особый интерес представляет определение характера актуализации и функционирования концепта *одиночество* в художественном дискурсе на материале романа «Моби Дик, или Белый Кит» (*Moby Dick, or The Whale, 1851*) [2].

Одиночество как значимый социокультурный и психологический феномен соединяет в себе две противоположности: уединённость, характеризующуюся положительной коннотацией, и изоляцию, связанную с отрицательным оценочным значением. Исходя из этого, а также данных анализа лексикографических источников [7–9], имя рассматриваемого концепта может быть представлено двумя лексемами — *solitude / isolation* (уединение / изоляция).

В лексико-тематическом плане эти лексеммы составляют ядро концепта «одиночество», что подтверждает анализ текста романа. Вокруг ядра формируется периферия, в которую входят слова, связанные производными отношениями с *isolation (isolate, isolated)*, и слова *lone, alone, lonely, loneliness, secludedness, secluded, withdrawal, remote, rover, solitary, destitute* и др.

На образном уровне двойственность исследуемого концепта проявляется, например, в следующих предложениях:

a) <...> *you almost swear that play-wearied children lie sleeping in these solitudes, in some glad May-time, when the flowers of the woods are plucked* [2: p. 403];

b) <...> *the place to which you devote so considerable a portion of the whole term of your natural life, should be so sadly destitute of anything approaching to a cosy inhabitiveness, any other of those small and snug contrivances in which men temporarily isolate themselves* [2: p. 129].

Таким образом, контрастирующие друг с другом идеи отчуждённости и причастности объективируются в тексте при помощи соответствующих средств выражения (выделенные в цитатах лексические единицы).

По аналогии с ядерным идентификатором *isolation* Г. Мелвилл создаёт авторский окказионализм *isolato* и использует его как уникальный признак

социального аспекта рассматриваемого художественного концепта. В романе «Моби Дик» глобальный конфликт личности и общества выливается в социальное одиночество. Важным моментом представленности художественного концепта *одиночество* в анализируемом произведении служит включение индивидуально-авторской лексемы-новообразования *isolato* в контекст:

They were nearly all Islanders in the Pequod, ISOLATOES too, I call such, not acknowledging the common continent of men, but each ISOLATO living on a separate continent of his own [2: p. 100].

Периферийные значения художественного концепта внедряются в оценочный слой концепта, где объективируют философские мысли автора о жизни и смерти: *Oh, lonely death on lonely life!* [2: p. 468]. В приведённом примере прилагательное *lonely* выступает в качестве атрибута понятий «жизнь» и «смерть» и как бы обуславливает онтологическую природу концепта *одиночество* и его потенциальную связь с концептом «судьба», которая неизбежно ассоциируется со смертью [6: с. 37].

Концепт *одиночество* в силу своего двустороннего характера является сложным и может рассматриваться как макроконцепт, соотносящийся с несколькими микроконцептами. Одним из таких микроконцептов выступает концепт *more*. Бесспорность его принадлежности к макроконцепту *одиночество* может быть подтверждена следующими примерами из романа, содержащими слова-идентификаторы концепта *одиночество*: *lone Atlantic, the wild watery loneliness of his life, secluded White Whale had haunted those uncivilized seas* и др. Более того, для автора философские размышления неотделимы от водной стихии. Он говорит об этом устами повествователя Измаила (*Ismael*): *Yes, as everyone knows, meditation and water are wedded for ever* [2: p. 4].

Микроконцепт *more* объективируется на основе пересечения понятийных областей «море» и «тело человека», «море» и «семья». Подобное пересечение становится основой двух концептуальных метафор. Первая — «море – тело человека» — репрезентирована в сравнении моря с сердцем и руками человека. Тихий океан в романе «Моби Дик» «бьётся» приливами, словно огромное сердце земли (*this mysterious, divine Pacific seems the tide-beating heart of earth*). В нём переливаются, накатываясь друг на друга, воды своеобразного центра планеты (*it rolls the midmost waters of the world*), от которого «рукавами» отходят Индийский и Атлантический океаны (*the Indian ocean and Atlantic being but its arms*) [2: p. 397].

Вторая концептуальная метафора «море – семья» получает более сложное художественное воплощение. Оказавшись на просторах океана, одинокий скиталец (*rover*) начинает испытывать к морю сыновьи чувства (*filial feeling*): *<...> when in his whale-boat the rover softly feels a certain filial, confident, land-like feeling towards the sea* [2: p. 403], абсолютно доверяя (*confident feeling*) водным просторам. Море — это среда, к которой стремится принадлежать скиталец, он хочет, чтобы море его приняло как сына (*adoption* — буквально: усыновление, принятие): *<...> to any meditative Magian rover, this serene*

Pacific, once beheld, must ever after be the sea of his adoption [2: p. 397]. Эта вторая концептуальная метафора позволяет соотнести микроконцепт *more* с макроконцептом *одиночество*, а именно с проблемой изоляции (*isolation*) человека, поскольку чувство одиночества, отрыв от той или иной социальной группы часто вызывает неосознанную потребность в сопричастности, духовной близости с людьми или реалиями.

Другим микроконцептом можно считать концепт «изгнание», коррелирующий с концептом *одиночество*. Его лексическим и понятийным репрезентантом служит лексема *castaway*, вынесенная в название одной из глав. Следует заметить, что номинация *castaway* имела два значения: 1) *one cast adrift at sea; a shipwrecked man* и 2) *one cast adrift upon the world, or by society, an outcast* [7: p. 160]. Морфологические единицы *out* (*outcast*) в словарной дефиниции и *away* (*castaway*) сигнализируют о смысле нахождения за пределами некоторого пространства. В соединении с лексемой *cast* происходит формирование значения изгнанности за пределы физического и социального пространств. Этот смысл включается в образный и символический слои концепта *одиночество* как его дифференцирующий признак и находит эксплицитное выражение в описании героя по имени Пип:

<...> *poor Pip turned his crisp, curling, black head to the sun, another lonely castaway, though the loftiest and the brightest* [2: p. 343].

Микроконцепт *изгнание* раскрывается в ассоциативном ряду слов *castaway*, *rover* и *prophet*, которые формируют его ядро. При этом «контекст выступает не как статическая данность, нечто застывшее, но <...> как особый механизм, порождающий новые смыслы и <...> стимулирующий процесс конституирования значения слова» [5: с. 25].

Причины и предпосылки отчуждённости капитана Ахава, очевидно, связаны с его исключительностью, которая лишает героя поддержки, симпатии других людей: *When I think of this life I have led; the desolation of solitude it has been; the masoned, walled-town of a Captain's exclusiveness, which admits but small entrance to any sympathy from the green country without—oh, weariness! heaviness! Guinea-coast slavery of solitary command!* [2: p. 443].

Можно заключить, что макроконцепт *одиночество* в романе Г. Мелвилла соотносится с такими микроконцептами, как *more* и *изгнание*, и объективируется преимущественно через концептуальную метафору. Структура собственно концепта *одиночество* имеет ядро и периферию и состоит из нескольких слоев: понятийного, образного, символического и оценочного.

Библиографический список

Источники

1. *Emerson R.W.* Self-reliance. URL: <http://www.online-literature.com/emerson/588/>, режим доступа: свободный (дата обращения: 13.04.2015).
2. *Melville H.* Moby Dick. London: Wordsworth Editions Limited, 2002. 492 p.
3. *Thoreau H.D.* Walden; or Life in the Woods. URL: <http://www.online-literature.com/thoreau/walden/>, режим доступа: свободный (дата обращения: 13.04.2015).

4. *Winthrop J.* A Model of Christian Charity. URL: <http://www.john-uebersax.com/pdf/> (дата обращения: 13.04.2015).

Литература

5. *Топорова Т.В.* Опыт исследования динамических процессов в семантике на материале «Старшей» и «Младшей Эдды» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 2 (12). С. 24–32.

6. *Чупрына О.Г.* Эволюция языковой репрезентации понятия «судьба» в английском языке // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 36–43.

Справочные и информационные издания

7. A New English Dictionary on Historical Principles / Ed. by Murray, James A.H., Bradley H., Craigie W.A. et al. Oxford: Clarendon Press, 1893. Vol. 2. 1308 p.

8. Collins English Dictionary [Eleventh edition]. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2011. 1899 p.

9. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Eighth edition]. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1796 p.

10. The Web of American Transcendentalism. URL: <http://transcendentalism-legacy.tamu.edu/> (дата обращения: 13.04.2015).

References

Istochniki

1. *Emerson R.W.* Self-reliance. URL: <http://www.online-literature.com/emerson/588/>, rezhim dostupa: svobodny'j (дата обращения: 13.04.2015).

2. *Melville H.* Moby Dick. London: Wordsworth Editions Limited, 2002. 492 p.

3. *Thoreau H.D.* Walden; or Life in the Woods. URL: <http://www.online-literature.com/thoreau/walden/> (дата обращения: 13.04.2015).

4. *Winthrop J.* A Model of Christian Charity. URL: <http://www.john-uebersax.com/pdf/> (дата обращения: 13.04.2015).

Literatura

5. *Топорова Т.В.* Опы́т issledovaniya dinamicheskix processov v semantike na materiale «Starshej» i «Mladshej E'ddy'» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 24–32.

6. *Чупры'на О.Г.* E'volyuciya yazy'kovoj representacii ponyatiya «sud'ba» v anglijskom yazy'ke // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie», 2013. № 2 (12). S. 36–43.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

7. A New English Dictionary on Historical Principles / Ed. by Murray, James A.H., Bradley H., Craigie W.A. et al. Oxford: Clarendon Press, 1893. Vol. 2. 1308 p.

8. Collins English Dictionary [Eleventh edition]. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2011. 1899 p.

9. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Eighth edition]. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1796 p.

10. The Web of American Transcendentalism. URL: <http://transcendentalism-legacy.tamu.edu/> (дата обращения: 13.04.2015).

С. Меркантини

Средства аппроксимации в современном итальянском языке

Целью статьи является исследование различных аспектов семантической категории аппроксимации и средств её выражения в художественном тексте.

The purpose of the article is to explore different aspects of the semantic category of approximation and its linguistic means of expression in literary texts.

Ключевые слова: приблизительность; аппроксимация; неопределённость; модальность; интенсивность; оценка.

Keywords: proximity; approximation; indeterminacy; modality; intensity; assessment.

Слова, анализу которых посвящена наша статья, относятся к числу так называемых **аппроксиматоров**. Под этим термином мы понимаем те языковые средства, с помощью которых в тексте проявляется семантическая категория аппроксимации, «план содержания которой заключается в обобщённом значении приблизительности в сфере количественности и качественности, установленном посредством логической операции сравнения и сопровождающемся идеей оценки близости к точке отсчёта или ординарному уровню качества» [15: с. 16].

В русскоязычной научной литературе термины «приблизительность» и «аппроксимация» часто являются синонимичными. В данной статье мы будем придерживаться определения Е.Ю. Дубовицкой: «В языке **аппроксимация** используется не только для выражения языкового значения приблизительности в сфере количественных отношений, но и для приблизительного называния самих предметов, их признаков и отношений, действий и явлений окружающего мира. Концепт “**приблизительность**” формируется в сознании говорящего, когда индивид подмечает какое-либо несоответствие между концептуализируемым предметом или явлением и ментальным образцом данного предмета / явления, который содржится в его сознании» (здесь и далее выделено нами. — С.М.) [17: с. 34].

Иными словами, под термином «приблизительность» понимается логико-когнитивная категория близости, тогда как с термином «аппроксимация» связываются языковые применения категории приблизительности и средства её выражения [20: с. 184].

1. Список языковых средств аппроксимации и их главные различия

Категория аппроксимации реализуется как в письменном итальянском тексте, так и в устной речи с помощью различных языковых средств, которые можно представить в порядке частоты употребления. Из числа аппроксиматоров более

употребляемыми являются такие лексемы, как например, *piuttosto*, *abbastanza*, *quasi*, *praticamente*, *come*, и многие другие.

Piuttosto и *abbastanza* используются для выражения черты интенсивности, т. е. когда аппроксимация связана с нехваткой одного или нескольких признаков [16: с. 234]. Чаще всего на русский они переводятся как *довольно*, *несколько*, *порядочно*, т. е. подтверждается наличие признака в порядке некоторого количества: (1) «*Voglio la rivincita!*» *ruggì Fulmine*. «*Gioco quello che vuoi. Parla!*». *Il Biolchi era un tipo piuttosto singolare*: «*Sta bene, ci sto. Cinquemila lire contro il tuo voto <...> Se perdi tu ti impegni a dare il voto non al tuo partito ma alla lista che stabilirò io*» [13: p. 694]¹; (2) *Queste pagine <...> sono soltanto il documento di una vicenda abbastanza singolare: la mia* [7: p. 4]².

Quasi и *praticamente* выражают аппроксимацию иначе, так как они выделяют отсутствие одного или нескольких признаков: (3) *Era quasi fidanzato con la figlia del Direttore* [12: p. 31]³; (4) *Erano praticamente i primi* [3: p. 56]⁴.

В примере (3) *quasi fidanzato* не значит, что парень был *abbastanza fidanzato* (довольно обручён). Итальянское слово *fidanzato* подразумевает, что X предложил У-е выйти за него замуж, на это предложение X получил от У-ы согласие и подарил У-е обручальное кольцо. С использованием *quasi fidanzato* имеется в виду, что какие-то из этих признаков (предложение, согласие или кольцо) отсутствуют. Таким образом, аппроксимация выражает здесь не степень интенсивности качества, а её неполное отождествление.

Come выделяет черту неопределённости, как показывают и русские переводы итальянских произведений, где это наречие чаще переводится такими словами, выражающими неопределённость, как *казалось*, *смутное*, *как-то*: (5) *Oppure periodi di stasi, in cui ... c'era come un tacito accordo di non modificarla* [14: p. 51]⁵.

Среди аппроксиматоров существуют и словосочетания, такие как *una sorta di*, *una specie di*, *un certo*, *qualcosa come*, *tendente a* и другие.

Una sorta di и *una specie di* отсылают к классу (*sorta* — вид; *specie* — род) с определёнными характеристиками и ставят под вопрос принадлежность наименования к названному классу: (6) *Il sentimento che ora ci dominava era una sorta di complicità con la gente sconosciuta che dormiva dietro quelle mura* [10: p. 100]⁶; (7) *Dicono che sia tutta sassi, una specie di deserto, sassi bianchi, dicono, come ci fosse la neve* [9: p. 40]⁷.

¹ «Хочу отыграться!» — прорычал Фульмине. «Я держу пари на то, что ты хочешь. Говори!». Биольки был человеком *довольно* особенным: «Хорошо. Я ставлю 5000 лир, а ты ставишь свой голос <...> Если проиграешь, ты будешь голосовать не за свою партию, а за партию, которую я тебе скажу» (здесь и далее перевод наш. — С.М.).

² Эти страницы являются всего лишь свидетельством моей *довольно* необычной истории.

³ Он *считался* женихом дочери директора клиники.

⁴ Они пришли *практически* первыми.

⁵ То наступал период застоя, когда <...> *казалось*, существовал молчаливый заговор не повышать её.

⁶ Преобладающим чувством теперь было *что-то вроде* сопричастности тем неизвестным людям, что спали за этими стенами.

⁷ Говорят, что там одни камни, *что-то вроде* пустыни, белые камни, будто бы снег.

Если заменить *una specie di deserto* на *un qualche deserto*, то возможно отметить следующее изменение: *un qualche deserto* значит, что это и есть пустыня, но неизвестно какая (Сахара, или Патагонская, или Колорадо...). Тогда как *una specie di deserto* ставит под вопрос принадлежность наблюдаемого явления к данному классу «пустыня».

Un certo и *qualcosa come* переводятся как *некоторый, слегка, что-то вроде*: (8) *Riconosce che il mestiere dell'attore presuppone una certa puttaneria, e ammette di possederla* [6: p. 47]⁸; (9) *Qualcosa come un terrore, negli occhi* [5: p. 66]⁹.

Tendente a (склонный к ...) выделяет ещё одну черту аппроксимации, а именно процесс приближения номинации к полному соответствию именуемому объекту. Таким образом, аппроксиматор *tendente a* показывает, что аппроксимация связана с точкой зрения говорящего, который может почувствовать это соответствие в разных ситуациях в большей или в меньшей степени: (10) *Grassoccio, tendente al nano, di gambe sottili, già ventruto, e biondastro e di pelle giallina* [2: p. 101]¹⁰.

Среди суффиксов можно выделить те, которые выполняют функцию аппроксимации, например, *-astro*, *-otto*, *-occio*, *-iccio*, *-ello* и другие. В случае когда суффиксы со значением степени проявления признака используются в качестве аппроксиматоров, они подчёркивают ещё один аспект категории приблизительности — оценку говорящего.

Так, с помощью *-astro* можно выразить некую ущербность качества: (11) *Aveva un odore dol ciastro e disgustoso* [1: p. 43]¹¹.

А при использовании *-otto* — осторожность оценки говорящего: (12) *Il capoguardia, Antonio Del Colle, con i baffi bianchi è già ormai vecchiotto* [8: p. 12]¹².

Суффикс *-occio* указывает на недостаток признака именуемого объекта, что вызывает симпатию у говорящего: (13) *Uomo, grassoccio, distinto, poteva avere la sua stissa età* [11: p. 104]¹³.

Для полноты обзора способов выражения категории приблизительности необходимо указать и способы её реализации в устной речи. С помощью модулирования гласных звуков, в частности интонацией и длительностью их произнесения, говорящий может существенно изменять значение слов. Например, если произносить чуть дольше и чуть ниже нейтрального произношения первую гласную слова *bello* (т. е. *b-7e-ye-l-l-o*), то наш комментарий «хорошо» (например: «И как спектакль?» «Хорошо») выразит некую недостаточность положительного признака в прокомментированном объекте, поэтому объект уже не воспринимается нами как «хороший», но также не воспринимается и как «плохой».

⁸ Он признаёт, что мастерство актёра предполагает **некоторую** распутность, и соглашается с тем, что она ему присуща.

⁹ **Что-то вроде** страха в глазах.

¹⁰ Толстеный, **почти** карлик, с тонкими ногами, уже с брюшком, белобрысый и с желтоватой кожей.

¹¹ Она издавала сладковатый, противный запах.

¹² Начальник караула, Антонио дель Колле, с седыми устами, был уже **староват**.

¹³ Это был мужчина пухленький, с благородной внешностью, наверно, он был его ровесником.

2. Неполное соответствие номинации и оценка говорящего

Все эти примеры показывают, что существует некий **ментальный образец** (Э. Рош говорит о прототипах, Дж. Лакофф говорит о «гештальте» [22; 21]), с которым говорящий сравнивает концептуализируемые предметы и свойства и оценивает степень правомерности данного им наименования. Это сравнение может обладать количественным или качественным характером.

В первом случае говорящий улавливает в предмете / свойстве недостаточное проявление одного или нескольких существенных признаков ментального образца. В примере (10) *grassoccio* и *tendente al nano* означают, что персонаж недостаточно толстый, чтобы его назвать «толстым», и недостаточно низкий, чтобы его назвать «карликом».

Во втором случае отдалённость предмета / свойства от ментального образца вызывает у говорящего определённую оценку. Если сравнить примеры (1) и (2), *piuttosto singolare* и *abbastanza singolare*, мы заметим количественное (*piuttosto singolare* является более «особенным», чем *abbastanza singolare*) и качественное отношение сходства: в (1) автор передаёт свою симпатию к эксцентричности персонажа, тогда как во (2) автор подчёркивает скромность своего положения.

По словам Т.М. Пристинской, «аппроксимация непосредственно связана и с прагматическими аспектами коммуникации, поскольку является способом отражения не только объективной, познанной информации, но и мнений, оценок, намерений субъекта» [18: с. 195].

Главная черта, которая отличает аппроксимацию от других семантических категорий (интенсивность и неопределённость), состоит именно в том, что с помощью аппроксиматора говорящий определённым образом оценивает номинацию: он «сомневается в достоверности номинации (знания говорящего), номинация ему не нравится (чувства говорящего), говорящий не хочет нести ответственность за номинацию или желает какой-то иной номинации (воля говорящего)» [19: с. 4].

Границы между этими тремя категориями (приблизительность, интенсивность и неопределённость) являются очень тонкими, и поэтому их трудно определить. Они очень часто взаимодействуют между собой, как хорошо показывает следующий например: (14) *Si trattava di scaricare qualcosa come 300 milioni di pagine web* [3: р. 94]¹⁴. Мы здесь замечаем взаимосвязь двух категорий — неопределённости и интенсивности, так как *qualcosa come* одновременно обозначает неопределённое количество страниц и говорится также о том, что для говорящего это количество значительное.

В отличие от других семантических категорий аппроксимация делает акцент на правомерности употребления номинации, как показывают следующие примеры: (15) *Dal rubinetto esce un'acqua un po' gialla*¹⁵; (16) *Dal rubinetto esce un'acqua giallina*¹⁶; (17) *Dal rubinetto esce un'acqua giallastra*¹⁷.

¹⁴ Надо было скачать **что-то около** 300 веб-страниц.

¹⁵ Вода из-под крана **немного** жёлтая.

¹⁶ Вода из-под крана **желтоватого** цвета.

¹⁷ Вода из-под крана **отдаёт** жёлтым.

В примерах (15) и (16) говорится о воде слабого, светло-жёлтого, цвета, но она точно воспринимается как жёлтая, хотя с разными градациями цвета. В (17) мы различаем в воде некоторые не жёлтые оттенки, которые делают этот цвет одновременно и жёлтым, и не жёлтым. То есть в примерах (15) и (16) нет признака приблизительности: вопрос не в том, как назвать этот цвет, а в том, какая насыщенность у этого цвета. Тогда как в примере (17) вопрос в определении цвета в принципе и в отношении говорящего к выбранному слову. В примере (17) оценка негативна, *giallastra* выражает пренебрежение говорящего. В этом заключается главная черта приблизительности, когда правомерность данного именованья подвергается сомнению, и это сомнение влечёт за собой оценку говорящего.

Однако следует отметить, что значение «неправомерности», заложенное в аппроксиматоре, может отсутствовать, когда его окружает другой контекст. Если сравнить (18) *qualcosa come una rivelazione* [4: p. 18]¹⁸ и (14) *qualcosa come 300 milioni*, можно заметить, что только в (18) *qualcosa come* является аппроксиматором. Поэтому в заключение мы можем утверждать, что часто лишь контекст может определить функцию аппроксимации вышеуказанных фразеологизмов, лексем и морфем.

Библиографический список

Источники

1. *Ammaniti N.* Io non ho paura. Torino: Einaudi, 2011. 220 p.
2. *Bacchelli R.* Il mulino del Po. Milano: Mondadori, 1957. 434 p.
3. *Baricco A.* I barbari. Milano: Feltrinelli, 2008. 213 p.
4. *Baricco A.* City. Milano: Feltrinelli, 2013. 266 p.
5. *Biagi E.* Il fatto. Milano: Rizzoli, 1995. 331 p.
6. *Biagi E.* La bella vita. Marcello Mastroianni racconta. Milano: BUR, 2006. 189 p.
7. *Biagi E.* Senza dire arrivederci. Milano: Mondadori, 1985. 295 p.
8. *Buzzati D.* Barnabo delle montagne. Milano: Mondadori, 2000. 140 p.
9. *Buzzati D.* Il deserto dei Tartari. Milano: Mondadori, 1995. 240 p.
10. *Calvino I.* L'entrata in guerra. Torino: Einaudi, 1954. 114 p.
11. *Camilleri A.* La paura di Montalbano. Milano: Mondadori, 2002. 321 p.
12. *D'Agata G.* Il medico della mutua. Roma: Tascabili Economici Newton, 1993. 115 p.
13. *Guareschi G.* Don Camillo e Peppone. Milano: Rizzoli, 2007. 1099 p.
14. *Pontiggia G.* La morte in banca. Milano: Mondadori, 2003. 202 p.

Литература

15. *Адамович С.В.* Семантическая категория аппроксимации и система средств её выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; Белорус. гос. ун-т. Минск, 2012. 26 с.

16. *Говорухо Р.А.* О некоторых способах выражения приблизительности в итальянском и русском текстах // VI Степановские чтения. Язык и культура. М.: Изд-во РУДН, 2007. С. 233–235.

¹⁸ Нечто вроде откровения.

17. Дубовицкая Е.Ю. Проблема различения смыслов «неопределённое количество», «приблизительное количество», «вероятное количество» и средства их реализации в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (2). М.: Грамота, 2008. С. 33–36.

18. Пристинская Т.М. Прагматический потенциал конструкций с аппроксимативной семантикой в художественном тексте // Современные подходы к изучению единиц языка и речи и вопросы лингводидактики: сб. науч. тр. Белгород: ИПЦ Политерра, 2012. С. 195–199.

19. Сахно С.Л. Приблизительные номинации современного французского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 191 с.

20. Di Filippo M. Modelli semantici di approssimazione // L'architettura del testo. Studi contrastive slavo-romanzi. Alessandria: Edizioni Orso, 2014. P. 183–202.

21. Lakoff G. Metaphors we live by. London: The University of Chicago Press, 2003. 256 p.

22. Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.

References

Istochniki

1. Ammaniti N. Io non ho paura. Torino: Einaudi, 2011. 220 p.
2. Bacchelli R. Il mulino del Po. Milano: Mondadori, 1957. 434 p.
3. Baricco A. I barbari. Milano: Feltrinelli, 2008. 213 p.
4. Baricco A. City. Milano: Feltrinelli, 2013. 266 p.
5. Biagi E. Il fatto. Milano: Rizzoli, 1995. 331 p.
6. Biagi E. La bella vita. Marcello Mastroianni racconta. Milano: BUR, 2006. 189 p.
7. Biagi E. Senza dire arrivederci. Milano: Mondadori, 1985. 295 p.
8. Buzzati D. Barnabo delle montagne. Milano: Mondadori, 2000. 140 p.
9. Buzzati D. Il deserto dei Tartari. Milano: Mondadori, 1995. 240 p.
10. Calvino I. L'entrata in guerra. Torino: Einaudi, 1954. 114 p.
11. Camilleri A. La paura di Montalbano. Milano: Mondadori, 2002. 321 p.
12. D'Agata G. Il medico della mutua. Roma: Tascabili Economici Newton, 1993. 115 p.
13. Guareschi G. Don Camillo e Peppone. Milano: Rizzoli, 2007. 1099 p.
14. Pontiggia G. La morte in banca. Milano: Mondadori, 2003. 202 p.

Literatura

15. Adamovich S.V. Semanticheskaya kategoriya approksimacii i sistema sredstv eyo vy'razheniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19; Belorus. gos. un-tet. Minsk, 2012. 26 s.

16. Govoruxo R.A. O nekotory'x sposobax vy'razheniya priblizitel'nosti v ital'yan'skom i rus'skom tekstax // VI Stepanovskie chteniya. Yazy'k i kul'tura. M.: Izd-vo RUDN, 2007. S. 233–235.

17. Duboviczkaya E.Yu. Problema razlicheniya smy'slov «neopredelyonnoe kolichestvo», «priblizitel'noe kolichestvo», «veroyatnoe kolichestvo» i sredstva ix realizacii v sovremenном anglijskom yazy'ke // Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki. № 2 (2). М.: Gramota, 2008. С. 33–36.

18. Pristin'skaya T.M. Pragmaticeskij potencial konstrukcii s approksimativnoj semantikoj v xudozhestvennom tekste // Sovremenny'e podxody' k izucheniyu edinicz yazy'ka i rechi i voprosy' lingvodidaktiki: sb. nauch. tr. Belgorod: IPC Politerra, 2012. S. 195–199.

19. *Saxno S.L.* Priblizitel'ny'e nominacii sovremennogo francuzskogo yazy'ka: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1983. 191 s.
20. *Di Filippo M.* Modelli semantici di approssimazione // L'architettura del testo. Studi contrastive slavo-romanzi. Alessandria: Edizioni Orso, 2014. P. 183–202.
21. *Lakoff G.* Metaphors we live by. London: The University of Chicago Press, 2003. 256 p.
22. *Rosch E.* Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

**С.В. Евтеев,
Е.И. Григорьев**

**Тон как лингвистическая категория
концептуализации иллокутивного акта**

Иллокутивный акт представляет собой лексико-просодический коррелят. В распознавании концепта иллокутива ключевая роль отводится просодической структуре, так как изменением тона высказывания можно передавать различающиеся смыслы: мольба или требование исполнить действие, истинная и неистинная оценка факта, искреннее и неискреннее пожелание и т. д. Высказывание содержит ключевые точки изменения и восприятия тона, что определяет распознавание истинного концепта иллокуции.

The illocutionary act is a lexical and prosodic correlation. In recognition of the concept of illocution the key role belongs to the prosodic structure as any change of the tone of the statement can convey differing meanings: a plea or a requirement to perform an action, a true and untrue assessment of the fact, sincere and insincere wishes, etc. The statement contains the key points of the tone change and perception, and this determines the recognition of the true concept of illocution.

Ключевые слова: просодия; иллокутивный концепт; тональные уровни; ключевые точки восприятия; тональные типы.

Keywords: speech prosody; illocutionary concept; tone levels; comprehension key-points; tonal types.

Исследование процесса познания и концептуализации окружающего нас мира — актуальная задача для современной лингвистики, так как коммуникативное взаимодействие людей осуществляется, по утверждению теоретиков, посредством передачи друг другу концептов, и это предполагает их адекватное языковое отображение и распознавание партнёром по интеракции [5; 10; 13]. При общении в этом смысле задействованы когнитивные структуры, выходящие за рамки отдельных номинаций объектов окружающей действительности, это — речевые (РА), или иллокутивные, акты, представляющие собой комплексные семантические образования, которые служат для достижения определённой прагматически значимой цели.

Когнитивно-прагматический подход утвердился в современном языкознании в качестве одного из ведущих направлений, что позволяет исследовать системные единицы языка применительно к их практической значимости в акте коммуникации. Иначе говоря, прагмалингвистика должна ответить на вопрос, как наиболее разумно следует пользоваться языком, чтобы эффект речевого воздействия был максимально успешным. Язык как система располагает широким инвентарём разноуровневых семиотических элементов — лексических, грамматических и фонетических, — обеспечивающих процесс взаимодействия партнёров при их вербальном общении. Часто они дополняют друг друга [6: с. 53]. Интеграция этих средств в высказывании создаёт общий семантический эффект, который делает процесс взаимопонимания коммуникантов успешным. Смысл высказывания строится с учётом прагматической задачи, вытекающей из мотивационной установки говорящего.

Концепт иллокутива передаётся в устной интеракции в форме лексико-просодического коррелята, его наиболее подвижный компонент — просодия. Звуки речи отличаются от неречевых наличием коммуникативной значимости. Порог восприятия тональных параметров очень высок, ухо человека способно слышать чрезвычайно малые колебания. Даже незначительные изменения просодических характеристик позволяют носителям языка отличать их по типу совершаемого действия: является ли концепт мольбой, обычной просьбой, указанием, требованием или приказом [3]. Восприятие можно определить как «обработку поступающих сигналов из внешней среды, выполняемую таким образом, чтобы упростить доступ к соответствующим структурам знаний» [7: с. 276]. С помощью тональной манифестации передаются и другие виды концептов действий: позитивная или негативная оценка события или факта, выражение сострадания и успокоения, ирония и т. д.

Смысловый эффект устно реализуемых высказываний создаётся комбинированием тональных, динамических и временных характеристик, корреляции которых очень подвижны, а их изменения вызывают новое семантическое содержание. В качестве маркеров конкретных концептов иллокутивов на просодическом уровне выступают тональные и динамические контрасты релевантных и менее релевантных сегментов высказывания, крутизна подъёмов и падений тона на них, скорость изменения громкости, а также отношение частоты основного тона (ЧОТ) данного иллокутива к среднедикторскому значению ЧОТ [1; 8]. Распознавание концепта иллокутивов на просодическом уровне осуществляется только путём выявления количественных показателей признака больше / меньше. Конкретный тип РА устанавливается в результате фиксирования контрастов ЧОТ, интенсивности и длительности на разных отрезках фразы.

Многие речевые высказывания, имеющие идентичный лексический корпус, но разные просодические контуры, получают неодинаковое смысловое содержание и по-разному решают поставленные прагматические задачи [11]. Наглядно данное обстоятельство можно проиллюстрировать на примере иллокутивных актов, которые определяются исключительно просодической структурой,

изменение последней меняет характер самого речевого действия [1: с. 262]. Достаточно убедительной в аспекте признания значимости просодии в акте речи следует считать точку зрения немецкого лингвиста М. Зелтинг. В основе концепции её теоретического построения лежит признание фонетического знака в качестве самостоятельного коммуникативно-релевантного аспекта коммуникации [16]. Сегодня можно говорить определённо о коммуникативно-прагматическом пути фонетических исследований, при котором просодический компонент рассматривается в качестве равноправной фонологической категории, обуславливающей процесс интеракции через интерпретацию этих фонетических сигналов. Сложность анализа устного высказывания затруднена отсутствием достаточно точного метаязыка просодического описания. Однако слушающему достаточно дать пояснение — «сказать робко» или «сказать решительно» — и в его сознании возникает соответствующий коммуникативный образ, является ли РА слабым возражением или категорическим отвержением.

При проведении прагмафонетических исследований важно установить:

- 1) какова роль тона в дифференциации разных типов концептов иллокуций;
- 2) являются ли тональные характеристики индивидуальными дифференциальными признаками иллокутивов и каков предел их вариативности.

Восприятие и распознавание концепта иллокуции осуществляется зачастую на основании мелодического шкалирования отдельных зон фразы. В настоящий момент трудно назвать количество высотных уровней, воспринимаемых ухом. Однозначно можно говорить о способности органа слуха (вне патологии) различать тональное шкалирование, на чём базируется свойство дифференциации однонаправленных РА: *умолять – просить – распорядиться – настойчиво требовать – требовать с угрозой* (совершить некое действие). Выделение только трёх тональных регистров фразового завершения: верхнего, среднего и нижнего, как отмечается в работах по теории предложения, в интонационных описаниях речи, и особенно в области прагматики, явно недостаточно. Средний тональный регистр соответствует мелодическому уровню, с которым реализуются лишённые какой-либо экспрессивной окраски назывные высказывания, а именно в той их части, где отсутствуют ударные слоги и нет зон завершения. Отклонения от так называемого «нулевого» регистра вверх или вниз в релевантных точках создаёт эффект полагаемого РА. Уровневые пределы тонального варьирования внутри конкретного иллокутива — значимый фактор, выход за эти пределы даёт эффект иного концепта речевого действия.

Относительно количественных показателей тональных уровней имеются различные суждения. Их перечень не совпадает не только в отдельных языках, но даже и внутри одного и того же языка регистровые показатели тонов нередко разнятся у отдельных авторов. Вопрос о количестве релевантных уровней тона более или менее удовлетворительно мог бы быть решён при конкретизации поставленных задач исследования. Так, грамматически ориентированное изучение интонации может быть осуществлено выделением, вероятно, меньшего числа

тональных уровней, чем, к примеру, это необходимо в прагматических исследованиях речи.

Количество релевантных дистинктивных тонов колеблется обычно от двух до семи. Тонально-системный принцип, в основу которого положены классические работы М. Халидея [12]; Д. Вундерлиха [18]; Р. Кингдона [14]; О. Эссена [11]; Г. Майнхольда и Е. Шток [15]; В. Касевича, Е. Шабельниковой и В. Рыбина [4], позволяет оперировать разным количеством тональных уровней. Это зависит от целей исследования [2].

Наиболее оптимальным представляется выделение пяти дискретных лингвистически релевантных тональных позиций: нейтральной (соответствующей уровню произнесения безударных слогов в экспрессивно нейтральных иллокутивах), полувысокой, высокой, полунизкой, низкой.

Следующий важный фактор в распознавании концепта иллокутива — определение зон, существенных для смыслоразличения. Основные фонетические изыскания, активно проводимые ранее, были направлены на выявление наиболее значимого для идентификации коммуникативного типа отрезка высказывания. В ходе многочисленных экспериментально-фонетических исследований доказано, что таким участком является сочетание предударного, ядерного и заударного слогов, то есть место локализации каденции [17]. Однако было бы ошибочным полагать, что сведения, фиксируемые слушающим на основании восприятия лишь обозначенного отрезка, были бы исчерпывающими для успешности осуществления коммуникации. М. Зелтинг пишет в этой связи, что концентрация внимания только на мелодических контурах предударного, главноударного и заударного слогов позволяет провести разграничение между типами предложений. Но этого явно недостаточно для прагмалингвистического описания [16]. Автор предлагает фонологически-интерпретативный метод изучения, суть которого сводится к интерпретации воспринимаемой звучащей субстанции. Мысль достаточно интересная, так как даёт возможность слушающему определить для себя в конкретной ситуации статус воспринимаемой иллокуции.

Однако фонологически-интерпретативный метод, по-видимому, нельзя в полной мере признать подходящим для построения системы просодемотических смыслоразличительных оппозиций, так как один и тот же знак в изменяющихся условиях интеракции может быть проинтерпретирован по-разному. Более приемлемым представляется фонологически-дистинктивный метод, при котором значимость фонетического сигнала устанавливается на основании дистинктивных признаков, обеспечивающих его распознавание как знака (концепта), существующего в представлении носителей языка и связанного с выражением основного речевого значения и назначения (прямая иллокуция). Интерпретация же знака всегда вторична, так как отражает его ситуативно-обусловленные функции, которых у знака имеется, как правило, множество.

Расширение зон фонетических исследований за счёт привлечения категорий прагматики даёт основание полагать, что идентификация типа РА начинается уже

в самом начале фонации и завершается на последнем слоге. Утверждая ключевую значимость тона в системе интеракционального взаимодействия, М. Зелтинг выделяет в качестве определяющего звена фонетического анализа иллокутива тональную группу. Прагматическая задача выполняется, по мнению автора, расположением тональных групп различных конфигураций [16].

Д. Вундерлих пишет о контекстуально зависимых тональных контрастах, позволяющих типологизировать грамматико-прагматические типы предложений [18]. Автор выделяет три релевантных параметра, характеризующих любой слог высказывания: фонологический тональный показатель, фонологический вес — категория, тесным образом связанная с выполнением основных коммуникативных функций (тип высказывания, модальность, экспрессия) и локализация данного слога в линейном ряду подобных. Как следует из рассуждений автора, индивидуальный вес каждого слога складывается из ряда факторов. Расположение их внутри высказывания представляет собой контрастирование слоговых точек ударения, которые образуют желаемый тональный рисунок высказывания. Таким образом, слоговой тон как ключевой аспект идентификации грамматической категории предложения в равной степени может быть использован в прагматических исследованиях устных высказываний.

Правомерно полагать, что типологическая идентификация речевого акта может быть осуществлена на основании восприятия полного мелодического контура высказывания. Наиболее информативные тональные соотношения локализованы в начальной и финальной зонах, а также на отрезке каденции. В целях исследования параметрических характеристик иллокутивных актов важно установить просодические показатели начальных и финальных слогов сегментированных отрезков. В этой связи наиболее удобно опираться на сегментацию фразы, данную О. Эссеном, который выделяет предтакт, ритмический корпус и затакт [11]. Принятое членение позволяет определить наиболее существенные точки контрастов: мелодика локутивного начала (точка А); тон, предшествующий первому ударному слогу (точка Б); признак первого ударного слога начала ритмического корпуса (точка В); тональные уровни предъядерного (точка Г); ядерного (точка Д) и заядерного (точка Е) слогов. Последний слог (точка Ж) представляет локутивное завершение. Тем самым замеры параметров могут быть осуществлены во всех ключевых точках фразы.

В результате тональных контрастов слоговых сегментов иллокутивы реализуются одним из конкретных тонотипов, которые придают высказыванию черты планируемого действия.

В системе просодии иллокутивных актов выделяются четыре основных типа тональной манифестации, отражающих модальность высказывания, которые противопоставлены по характеру мелодических изменений, интервалам скорости и крутизне подъёмов и падений тона: волитивный (авторитарный), аффирмативный (положительной оценки), квиетивный (немаркированный) и инвертивный (тон обратной интерпретации вербального содержания высказывания) [2].

Волитивный тонотип маркирует РА авторитарного свойства, накладывающие определённые обязанности: приказание, угроза, негативная оценка и т. д. Аффирмативный тонотип представляет РА позитивной модальности: положительная оценка факта, дружеский совет, добрые пожелания. Квиетивный тонотип маркирует иллокутивы нейтрального свойства: представления события / факта, вопросы и др. Инвертивный тонотип представляет РА очевидного неистинного характера: юмор, сатира, шутка.

На первый взгляд, тип тональной манифестации является отражением эмоционального состояния говорящего, что в определённой степени ставит под вопрос лингвистическую сущность данного понятия. Но, как показывают наблюдения исследователей устной формы речи, в эмоциональности интонационного средства можно выделить два уровня обозначения: коммуникативно-необходимый и избыточный. Если первый связан с выражением типа иллокутивного акта (ср.: дружеская просьба / угрожающее принуждение совершить некое действие), то избыточность эмоционального выражения сообщает о психическом состоянии говорящего, и в этом случае фактор экспрессии может быть с полным правом вынесен за пределы лингвистического описания, как относящийся к компетенции психологии. В исследовательских работах по теории интонации имеются, однако, точки зрения, связанные с адекватностью понятий эмотивной и модальной функций, выражаемыми интонационными средствами, и это уже придаёт интонации статус лингвистической категории. Перечисленные тонотипы относятся к активным маркерам РА и объединяют по нескольким иллокутивам.

Волитивный тип тонального выражения отмечен свойствами звучания, указывающими на более низкое значение ЧОТ иллокутивов относительно среднелекторского показателя: достаточно частая дискретность тона выделенными слогами, а отсюда чёткая и частая ритмика; относительно большая крутизна подъёмов и падения тона на участках его изменения; более константная корреляция изменения тона и интенсивности; приближённость тональных контуров манифестации речевых актов к нормативно закреплённым коммуникативным образцам.

Квиетивный тональный тип формируется преимущественно такими факторами, как мелодическая растянутость, минимальный диапазон тональных изменений, слабая тональная проминантность релевантных слогов, незначительно выраженная крутизна тональных перепадов.

Аффирмативный тональный тип находится в положении оппозиции к волитивному типу и обладает следующими основными признаками: средний уровень ЧОТ данных РА расположен выше среднего лекторского значения, относительно частая дискретность тона проминантными вершинами, широкий диапазон тона, большое количество тональных преломлений с восходящим направлением движения ЧОТ и невысокой крутизной его изменения.

Наконец, четвёртый тип РА — инвертивный — включает иллокутивы, образованные диссонантным сочетанием лексики и просодической аранжировки. Следует, однако, заметить, что просодическая структура иллокутивных

актов данной группы иногда специально не маркируется, так как конкретизатором речевого действия выступает речевая ситуация, и в этом случае просодия получает факультативный статус. Там же, где просодия выступает в роли инвертивного маркера, максимальный выраженный репрезентант иллокутива имеет, как правило, следующие параметры: большой или выше среднего диапазон тона, мелодическая растянутость ритмических тактов, плавное изменение тональных переходов преимущественно с верхних тональных регистров на нижние, соответственно, с малым углом падения тона (реже — подъёма).

Основные положения данного исследования можно обобщить в следующих выводах:

1. Аудитивное распознавание концепта иллокутива осуществляется при восприятии тонального контура всех его зон делимитации.
2. В качестве зонных отрезков выделены предтакт, ритмический корпус и затакт.
3. Наиболее информативными с точки зрения идентификации концепта являются все пограничные слоги — начальные и финальные — сегментированных отрезков фразы: предтакта, ритмического корпуса и затакта.
4. Мелодические и динамические контуры формируются контрастами просодических параметров отдельных слогов с учётом их позиций в высказывании.
5. Ориентация в типах иллокуций происходит на основании сопоставления уровней тональной шкалы (предположительно, состоящей из пяти лингвистически релевантных уровней).

Библиографический список

Литература

1. Григорьев Е.И. Восприятие и распознавание концептов речевых актов в условиях устной коммуникации // Вестник МГИМО-университета. 2013. № 5 (32). С. 261–269.
2. Григорьев Е.И., Евтеев С.В. Интонационные оппозиции речевых актов возбуждения: монография. М.: МГИМО (У) МИД России, 2009. 159 с.
3. Карандеева Л.Г. Фонопрагматические характеристики указаний в немецком языке // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 4 (16). С. 50–55.
4. Касевич В.Б., Шабельникова Е.М., Рыбин В.В. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. 246 с.
5. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. С. 13–35.
6. Потапова Р.К., Михайлов В.Г. Основы речевой акустики. М.: МГЛУ, 2012. 493 с.
7. Потапова Р.К., Потапов В.В. Речевая коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2012. 462 с.
8. Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянских культур, 2006. 491 с.

9. *Шугаева Е.А.* Прагматические характеристики косвенных речевых актов предостережения во французском языке // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1 (13). С. 105–109.
10. *Croft W., Alan D.* Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 372 p.
11. *Essen O. von.* Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation. Ratingen: Henn Verlag, 1964. 123 S.
12. *Halliday M.* The tones of English // Archivum Linguisticum. 1963. Vol. 15, fasc. 1. P. 2–39.
13. *Jackendoff R.* What is a Concept, That a Person May Grasp It? // Concepts core readings / Ed. by E. Margolis, S. Laurence. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1999. P. 305–333.
14. *Kingdon R.* The groundwork of English intonation. London: Longmans Green and Co., 1958. 258 p.
15. *Meinhold G., Stock E.* Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. 256 S.
16. *Selting M.* Phonologie der Intonation: Probleme bisheriger Modelle und Konsequenzen einer neuen interpretative-phonologischen Analyse // Zft. für Sprachwissenschaft. 1993. № 11/1. S. 99–138.
17. *Winkler C.* Die Kadenzen des einfachen Satzes // Muttersprache. 1971. Bd. 81. Nr. 4. S. 234–238.
18. *Wunderlich D.* Der Ton macht die Melodie: Zur Phonologie der Intonation des Deutschen // Intonationsforschungen / Hrsg. von H. Altmann. Tübingen: G. Narr Verlag, 1988. S. 1–40.

References

Literatura

1. *Grigor'ev E.I.* Vospriyatie i raspoznavanie konceptov rechevy'x aktov v usloviyax ustnoj kommunikacii // Vestnik MGIMO-universiteta. 2013. № 5 (32). S. 261–269.
2. *Grigor'ev E.I., Evteev S.V.* Intonacionny'e oppozicii rechevy'x aktov pobuzhdeniya: monografiya. M.: MGIMO (U) MID Rossii, 2009. 159 s.
3. *Karandeeva LG.* Fonopragmaticheskie karakteristiki ukazanij v nemeczkom yazy'ke // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 4 (16). S. 50–55.
4. *Kasevich V.B., Shabel'nikova E.M., Ry'bin V.V.* Udarenie i ton v yazy'ke i rechevoj deyatel'nosti. L.: Izd-vo Leningrad. un-ta, 1990. 246 s.
5. *Kubryakova E.S.* Ob ustanovkax kognitivnoj nauki i aktual'ny'x problemax kognitivnoj lingvistiki // Kubryakova E.S. V poiskax sushhnosti yazy'ka. Kognitivny'e issledovaniya / In-t yazy'koznanija RAN. M.: Znak, 2012. S. 13–35.
6. *Potapova R.K., Mixajlov V.G.* Osnovy' rechevoj akustiki. M.: MGLU, 2012. 493 s.
7. *Potapova R.K., Potapov V.V.* Rechevaya kommunikaciya. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2012. 462 s.
8. *Potapova R.K., Potapov V.V.* Yazy'k, rech', lichnost'. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2006. 491 s.
9. *Shugaeva E.A.* Pragmaticheskie karakteristiki kosvenny'x rechevy'x aktov predostezheniya vo francuzskom yazy'ke // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo

universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 1 (13). S. 105–109.

10. *Croft W., Alan D.* Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 372 p.

11. *Essen O. von.* Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation. Ratingen: Henn Verlag, 1964. 123 S.

12. *Halliday M.* The tones of English // Archivum Linguisticum. 1963. Vol. 15, fasc. 1. P. 2–39.

13. *Jackendoff R.* What is a Concept, That a Person May Grasp It? // Concepts core readings / Ed. by E. Margolis, S. Laurence. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1999. P. 305–333.

14. *Kingdon R.* The groundwork of English intonation. London: Longmans Green and Co., 1958. 258 p.

15. *Meinhold G., Stock E.* Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. 256 S.

16. *Selting M.* Phonologie der Intonation: Probleme bisheriger Modelle und Konsequenzen einer neuen interpretative-phonologischen Analyse // Zft. für Sprachwissenschaft. 1993. № 11/1. S. 99–138.

17. *Winkler C.* Die Kadenzen des einfachen Satzes // Muttersprache. 1971. Bd. 81. Nr. 4. S. 234–238.

18. *Wunderlich D.* Der Ton macht die Melodie: Zur Phonologie der Intonation des Deutschen // Intonationsforschungen / Hrsg. von H. Altmann. Tübingen: G. Narr Verlag, 1988. S. 1–40.

**С.Н. Бородина,
М.Р. Желтухина**

Грамматические средства воздействия слухов в русских и английских массмедиа¹

В статье выявляются основные грамматические средства воздействия слухов в русских и английских «жёлтых» и официальных массмедиа. Доказывается, что привлекающая адресата неизвестность, запретность, секретность информации способствуют созданию и распространению разных по степени достоверности слухов. Устанавливается, что наиболее частотны слухи, передаваемые в косвенной речи без названия конкретного автора с сохранением видимости достоверной информации.

In the article, the main grammatical means of rumors' influence in Russian and English «yellow» and official mass media come to light. It is proved that the uncertainty, taboo and secrecy of information attract the addressee and promote the creation and distribution of rumors of different reliability degree. The most frequent rumors are mainly retailed in the indirect speech, without the exact author's name and with preservation of ostensibility of reliable information.

Ключевые слова: слухи; воздействие; грамматические средства; медиадискурс.

Keywords: rumors; influence; grammatical means; mass media discourse.

В современных массмедиа отмечаются наиболее частотные определённые грамматические конструкции [1; 5; 6; 8; 9; 10; 13 и др.]. Влияние различных форм медиаязыка на его лексический и фонетический строй не предусматривает изменения грамматических языковых характеристик. Установлено, что при выражении слухов в массмедиа речь адресанта приобретает некоторые грамматические характеристики в сочетании с лексическими и прочими характеристиками для создания желаемого стилистического эффекта, достижения поставленной социально-бытовой или общественно-политической медиацели и выполнения слухами определённой медиафункции в конкретной ситуации [2; 3; 7; 14; 15; 18]. В результате анализа фактического материала были выявлены следующие грамматические средства воздействия медиаслухов.

¹ Исследование реализовано при финансовой поддержке Минобрнауки России для выполнения государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания в 2015 г.

1. Утвердительные, вопросительные и восклицательные предложения, эллиптические конструкции в заголовках медиасообщений

При анализе грамматических особенностей медиазаголовков, реализующих слухи, установлено, что синтаксические конструкции, употребляемые в «жёлтых» и официальных массмедиа, примерно одинаковые: предложения краткие и неполные, передающие основную мысль медиасообщения. По синтаксическому критерию [4: с. 304] выделяются следующие типы выявленных в процессе исследования заголовков, содержащих социально-бытовые и общественно-политические слухи: **1) полные утвердительные:** *Юлия Тимошенко заразилась проказой. Ленра пошла по политической элите* (<http://volgograd.kp.ru/video/509785/>); *Scotland Votes «No»* (*The National Interest*, 10.2014); *Метеорологи ООН предрекли «климатический ад» к 2050-ому году* (<http://ria.ru>, 02.09.2014); **2) номинативные:** *The Collapse of Obama's Foreign Policy* (<http://www.politico.com>, 03.09.2014); *Нежные богини. Уходящая натура* (<http://www.snob.ru>, 11.06.2014); **3) вопросительные:** *Syria and the Ukraine — A Contrast?* (*Huffington Post*, 19.09.2014); *Как почистить киви за 3 секунды?* (<http://tv.mk.ru>, 22.09.2014); **4) эллиптические:** *Выборы-2014 в РФ: перезагрузка губернаторского корпуса* (<http://www.cis-emo.net>, 13.09.2014); *Win some, lose more* (*Economist*, 20.09.2014); **5) с опущенными артиклями (в английском языке):** *Sierra Leone On Lockdown For Second Day In Attempt To Contain Ebola* (*Huffington Post*, 20.09.2014); *Experts Follow Sole Survivor To Deserted Massacre Site In Peru's Andes* (*Huffington Post*, 19.09.2014); **6) вопрос в форме утверждения:** *Time for a U.S.-China Partnership in the Middle East?* (*The National Interest*); *За что Дженнифер Энистон так не любит маму?* (*Экспресс-газета*, 06.06.2001); **7) с прямой речью:** *«Готовность татарстанцев голосовать по приказу начальства доходит до смешного»* (<http://kazan.mk.ru>, 16.10.2014); *«Каждый строил, как мог»* (<http://infox.sg>, 21.09.2014); *«The welfare state is not about dependency: it is about opportunity»* (*The Guardian*, 28.05.2014). Проведённый анализ медиасообщений показывает, что в основном в официальных СМИ заголовки, несущие слухи, имеют форму утвердительных предложений, в то время как «жёлтые» массмедиа, направленные на привлечение внимания адресата, используют следующие грамматические конструкции: **1) неполные и восклицательные:** *Good News, Democrats, You're Going to Lose!* (<http://www.politico.com>, 09.2014); *Внимание, конкурс! Стань хранителем леопарда!* (<http://volgograd.kp.ru>, 29.08.2014); *Сатисфак-ю!* (*Экспресс-газета*, 21.09.2014); **2) вопросительные:** *The Democrats' Last Frontier?* (<http://www.politico.com>, 09.2014); *America's New Allies: Russia, Iran and Syria?* (*The National Interest*, 03.07.2014); *Зачем России миллионы мигрантов?* (*Экспресс-газета*, 12.12.2012). Подобного рода грамматические конструкции привлекают внимание к медиасообщениям и апеллируют прежде всего не к разуму, а к чувствам адресата, пытаются вызвать доверие. Диалогизация в медиаслухах направлена на создание атмосферы личного разговора, что способствует расположению адресата к восприятию не всегда правдивой информации.

2. Прямая речь, её перефразирование, косвенная речь с элементами прямой

Прямая речь широко применяется в слухах официальных и «жёлтых» СМИ. В слухах официальных массмедиа прямая речь раскрывает основную мысль статьи, оказывая сильное воздействие на адресата: «*Preachers say, 'Do as I say, not as I do.'*» — *John Selden, Preaching (Huffington Post, 19.09.2014)*; Пушков: *Запад не интересуется судьба Украины (http://ria.ru, 17.09.2014)*; Абдусаматов: *человечеству нужно готовиться к ледниковому периоду (http://ria.ru, 19.09.2014)*. В слухах «жёлтых СМИ» прямая речь чаще всего извлечена из контекста, периферийна и служит не для выражения основной мысли статьи, а для провокации: *Jenny Smith: «These schools aren't full of gangs or badly behaved kids» (The Guardian, 05.10.2014)*. В монологическом сообщении чужая речь выступает разновидностью «совместного речепроизводства» [17: с. 149]. Анализ показал, что при передаче ложной или неполной информации в слухах медиаадресант активно пользуется вводом чужой речи, что обычно встречается в разговорном устном спонтанном стиле коммуникации, носящей неофициальный характер. Медиаадресант применяет смешанную или комплексную форму, представленную конструкциями косвенной речи, передающей чужой модально-временной план, а также авторизирующими конструкциями с названием конкретного информационного источника. *Отпуск <...> до начала работы. <...> Риэлтерская информационная компания 42Floors, базирующаяся в Сан-Франциско, творчески подошла к этой проблеме: новому работнику предлагается до начала работы <...> взять оплачиваемый двухнедельный отпуск. «Через две недели работник возвращается отдохнувшим и заряженным энергией, — поясняет исполнительный директор компании Уилл Оремус. — А тогда с него можно и потребовать на всю катушку. Мы называем это профилактикой». <...> Оремус не рискует назвать начинание этих двух компаний «тенденцией», так как последователь у них пока нет, но считает такую профилактику «отличным трудовым стимулом» (http://www.vnovomsvete.com, 16.10.2014)*. Как видно из примера, цитата передана не полностью, а часть предложения, выделенная кавычками и придающая особую остроту высказыванию, на самом деле извлечена из контекста и в данном случае служит сенсацией, которая в первоначальном виде цитатой и не подразумевалась.

3. Отрицательное местоимение «никто» в субъектной позиции

С помощью данной грамматической конструкции адресат не информируется об источнике передаваемого сообщения (по Т.М. Николаевой) [16], реализуется «мультиплицированное пустое множество» [11: с. 9] субъектов с эффектом общественного мнения, всеобщей причастности к событиям: *Никто не сомневался... Ведь почти никто не сомневается, что Прокопенко станет главой города на постоянной основе (http://www.sarvzglyad.ru, 07.07.2011)*.

4. Субъект в авторизирующих конструкциях

Подобного рода грамматическая специфика выражения слухов чаще всего встречается в новостных сообщениях, присущих «жёлтой» прессе: *Диалог Путина и Меркель по ситуации на Украине — «на вес золота», считают в Кремле* (<http://www.infox.sg>, 30.03.2014). Как видно из примера, синтаксически предложения в этом случае могут быть неполными, как и в заголовках. Но основное грамматическое отличие при выражении слухов — это то, что главные герои, о которых сообщается, являются не субъектами речи, а её объектами. Это позволяет немного сместить фокус внимания адресата и исказить исходную информацию: *Опра Уинфри — самая богатая знаменитость в списке богачей* (<http://volgograd.kp.ru>, 28.08.2012).

В данном примере субъект речи также не является исполнителем действия, человек выступает в роли объекта. Благодаря подобной конструкции адресат не особенно обращает внимание на авторство слов и суждений, и потому информация в сообщении может быть сколь угодно искажённой, на адресанте это не отразится.

5. Односоставные неопределённо-личные и безличные предложения с отсутствием субъектной позиции

Это авторизирующие структуры с отсутствием субъектной позиции с целью деавторизации сообщения [11], привлечения внимания адресата и достижения наивысшей степени неопределённости информационного источника. Зафиксирована высокая частотность данных конструкций в заголовках, порождающих слухи благодаря недоговорённости, загадочности, неопределённости: *В Сеть выложили новые интимные фото звёзд* (<http://www.dni.ru>, 21.09.2014); *Death cap mushrooms suspected in Canberra poisoning* (*The Guardian*, 27.04.2014); *Саркози подозревают в давлении на Бельгию* (<http://dni.ru>, 08.10.2014). Обобщение и пассивизация глагольного предиката приводит к односоставной безличной конструкции: *Don't follow France's burqa ban. It has curbed liberty and justice* (*The Guardian*, 21.09.2013). Усилению деавторизации в следующем примере способствует употребление существительного «наука» в позиции субъекта в роли обобщённого авторитета: *Наукой доказано, что негативные эмоции с огромной силой влияют на живые клетки, меняется их структура и начинается тяжёлое заболевание* (*Экспресс-газета*, 10.02.2010). Для усиления деавторизации применяются также клише «*есть мнение*», «*сложилось мнение*», «*складывается впечатление, будто*», «*it is about*», «*речь идёт*» и др. *Светлана Кузнецова: Мы научим Америку русскому языку! <...> Понятно, что мы вынуждены знать язык страны, в которой тренируемся и живём. И журналистам отвечаем на нём — иначе они нас не поймут. Вот и сложилось мнение, будто мы забываем русский* (*Экспресс-газета*, 20.09.2004); *London is not the enemy. It is about time other UK cities realised that most non-Londoners bridle at the capital's dominance, but the UK's largest city offers strategic lessons for other urban centres* (*The Guardian*, 16.05.2014).

6. Двусоставные предикативные единицы с субъектной позицией, выраженной семантически обобщёнными и неопределёнными словами

Применение данной номинации для создания слухов помогает адресанту уйти от ответственности за недостоверность сообщения, указывает на обобщённое мнение, общественное мнение [11: с. 67]. При этом маркерами недостоверной информации в слухах выступают слова «мол», «якобы»: *Крутой завалил Акопова. Свою телекарьеру инженер-строитель Акопов начал как кавээнщик, но быстро достиг «генеральских» высот. Его правление на РТР всегда сопровождалось скандалами. То в Думе буря: почему тогдашний зампред ВГТРК Михаил Лесин (будущий министр печати) и директор канала Акопов являются совладельцами частной компании «Видео Интернетл»? И за государственный счёт, мол, сами себе заказывают телепередачи? А то звучит окрик из Кремля: кто посмел самовольно поменять логотип канала «Культура», утверждённый самим Ельциным?! <...> Официальную версию ухода Акопова озвучил глава Российского телевидения Олег Добродеев. Он заявил, что, мол, Александру Завеновичу стало тесно в рамках государственного телевидения. И он уходит делать свой развлекательный проект. Но ни для кого не секрет, что поводом для отставки послужил концерт, посвящённый Дню святого Валентина, который транслировался по РТР. Правда, ситуация трактуется по-разному. Сотрудники канала говорят об исключительно творческом конфликте. Мол, Добродеева возмутила Ева Польна, вышедшая на сцену в розовом белье и спевшая «Люби меня по-французски». После чего трансляция была прервана, а Акопов сам решил уйти. Но злопыхатели твердят, что великий АА полетел из-за «денежного отката», который ему отстегнули участники «валентинова» концерта. И которым якобы не поделился с его устройтелем Игорем Крутым. Вот такие мерзкие сплетни... (Экспресс-газета, 28.02.2002).* Такие слова и выражения, как «многие звезды», «участники «валентинова» концерта», «сотрудники канала», «злопыхатели», «в Думе буря», «окрик из Кремля», «ни для кого не секрет», употреблённые в данном отрывке статьи, представляют собой двусоставные предикативные единицы с субъектной позицией, выраженной семантически обобщёнными и неопределёнными словами, а также деавторизованные эвфемизмы, указывающие на обобщённые или неопределённые лица в субъектной позиции.

Создаётся впечатление, что информация преподнесена из первых уст, но при внимательном прочтении статьи становится ясно, что автор, ссылаясь на неопределённых лиц, просто пытается завуалировать источник или отсутствие источника информации, порождает слухи. *British Ebola patient seems «pretty well» and has regained appetite, says father... (The Guardian, 01.09.2014).* Источник данного сообщения остаётся неизвестным: автор указал на близкие родственные связи британского пациента, заражённого вирусом Эбола, и адресанта, чья личность неизвестна («отец»),

и информация остаётся полностью не подтверждённой, соответственно её достоверность подвергается сомнению. Деавторизации способствуют обобщённые лица в субъектной позиции («люди», «компетентные источники», «отклики в Интернете», «представители», «некоторые», «другие», «в эфире Первого канала», «каждый», «любой» и т. п.): *Переодетого женщиной «фабриканта» побили в кабаке. Судя по откликам в Интернете, из всех участников недавно завершившейся «Фабрики звёзд-7» зрителям больше всего полюбилась отнюдь не победительница Анастасия ПРИХОДЬКО, а занявшая лишь 3-е место мальчишеская группа «БИС», в состав которой вошли 19-летний Дмитрий БИКБАЕВ и 15-летний Всеволод (Влад) СОКОЛОВСКИЙ. В эфире Первого канала неоднократно подчёркивалось, что появлением этой группы зрители обязаны гениальному «фабричному» продюсеру Константину МЕЛАДЗЕ. Однако неожиданно выяснилось, что это, мягко говоря, не совсем так (Экспресс-газета, 31.01.2008).* Усилению неопределённости и заострению внимания на неопределённости источника сообщения помогают экспрессивно окрашенные, эмоционально-оценочные номинации источников информации (одушевлённые существительные, словосочетания). Увеличивают степень неопределённости субъекта информации местоимённые маркеры с обобщённой и неопределённой семантикой («один из местных жителей», «многие учёные» и т. п.): *Обнажённая партфункционер «Единой России» упала с балкона вместе с мужчиной. В минувшую субботу в городе Петровск Саратовской области произошёл несчастный случай. Об этом ИА «Свободные новости» рассказал один из местных жителей (<http://fn-volga.ru>, 22.09.2014); Артём Михеев попробовал записать электронные голоса из другого мира десять лет назад. Почитал литературу — многие учёные доказывали: существование человека не прекращается со смертью его физического тела (Экспресс-газета, 09.01.2013).* Доверие адресата к воспринимаемой медиаинформации достигается благодаря простым и сложноподчинённым предложениям с двусоставной предикативной единицей с субъектной позицией, выраженной семантически обобщёнными и неопределёнными словами. На основании предлагаемого адресантом авторитетного коллективного мнения вытесняется конкретная информация, адресант освобождается от ответственности за недостоверность и непроверенность информации: *Anti-Putin campaigners urge Downing Street to bar Russian singers from UK. <...> Since the crisis in Ukraine started, anti-western and anti-American rhetoric on Russian state television has reached record levels. But Sidelnikov said many of those in government owned lavish properties in London, educated their children at UK private schools, and made frequent trips to Britain (The Guardian, 15.10.2014).*

7. Вопросно-ответные единства

Диалогическая речь реализует слухи во множественных вопросах адресанта к адресату-союзнику, адресату-оппоненту, к самому себе, в риторических

вопросах, вопросно-ответных единствах. Это способствует выразительности сообщения для эффективности воздействия слухов на адресата [12: с. 12–13]. Вопрос адресанта, запускающий в медиапространстве слух, выражает необходимые эмоции и оценки, раскрывает его отношение (часто негативное) к конкретному событию, предмету или явлению, чтобы, воздействуя на чувства и эмоции адресата, вызвать его доверие, согласие с адресантом, эмпатию: *Lithuania's president: 'Russia is terrorizing its neighbors and using terrorist methods'. Is Putin's aim to split Europe? — So you think both ISIS and Russia are terrorists? — Yes. I think that Russia is terrorizing its neighbors and using terrorist methods. — But the world is more concerned with ISIS. — Of course. It is the primary goal. Unfortunately, this is a perfect position for Putin to do what he wants. In reality, these so-called peace negotiations in Minsk were done under the ultimatum of Putin. Western countries and the European Union gave into his conditions, meaning practically the partitioning of Ukraine. The U.S. sent Ukraine MREs [meals ready to eat] and they were delivered in German trucks so as not to offend Putin. Why are we so busy trying not to offend Putin, who is today sending his troops to kill and occupy Ukrainian territory? Why are we not sensitive about what Ukrainians are feeling? Sooner or later we will call him a terrorist and a criminal... (The Washington Post, 24.09.2014); Руслана прозрела? Цэ добре, цэ дело!.. Победительница конкурса «Евровидение-2004» и одна из самых ярких и непримиримых активисток Майдана Руслана Лыжичко совершила визит в «самое сердце АТО», где встретила с премьер-министром Донецкой Народной Республики Александром Захарченко, а после выступила с неожиданными заявлениями, осуждающими братоубийственную войну. Наш политический комментатор Сергей ПОНОМАРЁВ попробовал разобраться в такой быстрой эволюции сводомой укропатриотки (Экспресс-газета, 04.09.2014). Напряжённая экспрессивно-эмоциональная тональность создаётся в данном вопросительном предложении, поскольку оно передаёт значимую для адресанта информацию, которая должна быть воспринята адресатом и побудить его к активной реакции на неё, к активным действиям в нужном для адресанта направлении запущенного им слуха.*

8. Вводные конструкции

Прямое установление адресантом обратной связи с адресатом достигается в порождаемом слухе в результате апелляции к его эмоциям и интеллекту путём использования вводных конструкций (слов, словосочетаний и предложений). *Will the Ukraine Crisis Tank Europe's Fragile Economy? <...> As winter approaches (and readers might take note that Kiev is at roughly the same latitude as Calgary), the ramifications of Kiev's "European choice" are becoming clear. <...> The claim the Moscow is squeezing Kiev and forcing it, in the words of one correspondent, to pay a price "far higher than what most European countries pay" neglects to mention that (1) Ukraine agreed to pay that price in return for lower-than-market priced gas in the 2009, (2) Ukraine owes Russia, by some estimates, between 3.5 and 5 billion dollars in back payments and (3) for twenty years Ukraine*

has extracted, according to one analyst, “huge rents in the form of cheap or free gas from Russia” by leveraging its position as the primary transit hub for Europe’s supply of natural gas. In other words, Ukraine has proved to be a significant transit risk for a generation, hence the concerted push by several major EU countries including Spain, Italy and France for the timely completion of the South Stream pipeline that would bypass Ukraine altogether (The National Interest, 03.10.2014).

Хотелось бы отметить, что зачастую в монологических медиатекстах употребляются диалогические приёмы реализации слухов, свойственные разговорной речи. Современные русские и английские массмедиа направлены на доверительное общение с адресатом, на интимизацию медиаобщения. Как мы выяснили в результате анализа фактического материала, современные русские и английские СМИ создают, распространяют и культивируют различные слухи, используя грамматические средства воздействия на адресата. Привлекательная адресата неизвестность, запретность, секретность информации способствует созданию и распространению разных по степени достоверности слухов (от правдивых до лживых слухов). «Жёлтые» массмедиа сигнализируют о недостоверности информации, тогда как в официальных СМИ адресату сложнее разобраться в степени достоверности информации, которая может оказаться непроверенной. Применяемые авторизирующие конструкции [12: с. 11], призванные к созданию фактологического и документального эффекта (сообщение об источнике информации, способе её получения), убеждающего адресата в достоверности информации (при желании адресата возможна проверка информации), в современных массмедиа способствуют деавторизации сообщения. Поэтому наиболее частотны слухи, передаваемые в косвенной речи без названия конкретного автора с сохранением видимости достоверной информации. Итак, анализ фактического материала показал, что в современных русских и английских массмедиа выявляются следующие средства воздействия слухов на грамматическом уровне: утвердительные, вопросительные, восклицательные, эллиптические конструкции в заголовках; прямая речь, её перефразирование, косвенная речь с элементами прямой; отрицательное местоимение «никто» в субъектной позиции; субъект в авторизирующих конструкциях; односоставные неопределённо-личные, безличные предложения с отсутствием субъектной позиции; двусоставные предикативные единицы с субъектной позицией, выраженной семантически обобщёнными и неопределёнными словами; вопросно-ответные единства, вводные конструкции. При анализе данных грамматических средств воздействия слухов существенных различий в их количественном употреблении в русских и английских СМИ выявлено не было.

Библиографический список

Литература

1. Байбикова С.И., Желтухина М.Р., Зубарева Т.Т. О проблеме создания социофобий в современных массмедиа // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 454–458.
2. Бородина С.Н., Желтухина М.Р. Слухи и их функции в современном медиадискурсе // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст. Ч. 1. Киев: ИД Д. Бураго, 2013. С. 622–632.

3. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 55–63.
4. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Высш. школа, 1981. 334 с.
5. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: УРСС Эдиториал, 2005. 288 с.
6. Желтухина М.Р., Бай Юй. Критерии дифференциации афоризмов, отражающих нормы коммуникативного поведения // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. № 2. С. 72–80.
7. Желтухина М.Р. Медиатексты в современной массовой коммуникации // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2013. № 3. С. 7–11.
8. Желтухина М.Р. Роль информации в медиадискурсе // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010. № 3. С. 12–18.
9. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.: ИЯз. РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
10. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 422 с.
11. Коньков В.И., Потсар А.П., Сметанина С.И. Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития // Современная русская речь: состояние и функционирование: сб. аналит. мат-лов. СПб.: Питер, 2004. С. 67–81.
12. Корконосенко С.Г. Основы журналистики: учеб. для студ. вузов. М.: Аспект Пресс, 2009. 318 с.
13. Кормилицина М.А. Инновационные процессы в языке современной прессы // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. «Филология. Журналистика». 2005. Т. 5. Вып. 1/2. С. 77–84.
14. Кулешова А.В. Косвенная речь как средство дистанцирования журналиста в аналитическом жанре французской прессы // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 44–48.
15. Кулешова А.В. Содержание и средства выражения лингвопрагматической категории дистанцирования в газетном дискурсе // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 2 (6). С. 46–52.
16. Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки рус. культуры, 2000. 680 с.
17. Норман Б.Ю. Субъект говорения: автор и соавтор // Русский язык на рубеже тысячелетий: мат-лы Всерос. конф. (26–27 окт. 2000 г.). Т. 1. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2001. С. 138–151.
18. The Linguistic-Cultural Conceptology as a Trend in Contemporary Russian Linguistics / S.I. Baybikova, G.G. Slyshkin, M.R. Zheltukhina, et al. // 4th International Conference on the Political, Technological, Economic and Social Processes, ISPC 2014; SCIEURO (London, 27–28 July 2014). London: Berforts Information Press Ltd, UK, 2014. P. 134–137.

References

Literatura

1. Bajbikova S.I., Zheltukhina M.R., Zubareva T.T. O probleme sozdaniya sociofobij v sovremenny'x massmedia // Gumanitarny'e i social'ny'e nauki. 2014. № 2. S. 454–458.

2. *Borodina S.N., Zheltuxina M.R.*, Sluxi i ix funkcii v sovremennom mediadiskurse // *Chelovek. Yazy'k. Kul'tura: sb. nauch. st. Ch. 1.* Kiev: ID D. Burago, 2013. S. 622–632.
3. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.* Struktury' modelirovaniya cennostny'x orientirov diskursa social'noj real'nosti v massmedijnom kommunikativnom prostranstve // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2014. № 2 (14). S. 55–63.
4. *Gal'perin I.R.* Stilistika anglijskogo yazy'ka. M.: Vy'ssh. shkola, 1981. 334 s.
5. *Dobrosklonskaya T.G.* Voprosy' izucheniya mediatekstov: Opy't issledovaniya sovremennoj anglijskoj mediarechi. M.: URSS E'ditorial, 2005. 288 s.
6. *Zheltuxina M.R., Baj Yuj.* Kriterii differenciacii aforizmov, otrazhayushhix normy' kommunikativnogo povedeniya // *Vestnik CzMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika.* 2014. № 2. S. 72–80.
7. *Zheltuxina M.R.* Mediateksty' v sovremennoj massovoj kommunikacii // *Vestnik CzMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika.* 2013. № 3. S. 7–11.
8. *Zheltuxina M.R.* Rol' informacii v mediadiskurse // *Vestnik CzMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika.* 2010. № 3. S. 12–18.
9. *Zheltuxina M.R.* Tropologicheskaya suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstviya tropov v yazy'ke SMI. M.: IYaz. RAN; Volgograd: Izd-vo VF MUPK, 2003. 656 s.
10. *Karasik V.I.* Yazy'kovaya kristallizaciya smy'sla. Volgograd: Paradigma, 2010. 422 s.
11. *Kon'kov V.I., Potsar A.P., Smetanina S.I.* Yazy'k SMI: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya // *Sovremennaya russkaya rech': sostoyanie i funkcionirovanie: sb. analit. mat-lov.* SPb.: Piter, 2004. S. 67–81.
12. *Korkonosenko S.G.* Osnovy' zhurnalistiki: ucheb. dlya stud. M.: Aspekt Press, 2009. 318 s.
13. *Kormilicina M.A.* Innovacionny'e processy' v yazy'ke sovremennoj pressy' // *Izvestiya Saratov. un-ta. Novaya seriya. «Filologiya. Zhurnalistika».* 2005. T. 5. Vy'p. 1/2. S. 77–84.
14. *Kuleshova A.V.* Kosvennaya rech' kak sredstvo distancirovaniya zhurnalista v analiticheskom zhanre francuzskoj pressy' // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2012. № 2 (10). S. 44–48.
15. *Kuleshova A.V.* Soderzhanie i sredstva vy'razheniya lingvopragmaticheskoy kategorii distancirovaniya v gazetnom diskurse // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2010. № 2 (6). S. 46–52.
16. *Nikolaeva T.M.* Ot zvuka k tekstu. M.: Yazy'ki rus. kul'tury', 2000. 680 s.
17. *Norman B.Yu.* Sub''ekt govoreniya: avtor i soavtor // *Russkij yazy'k na rubezhe ty'syacheletij: mat-ly' Vseros. konf. (26–27 okt. 2000 g.).* T. 1. SPb.: Filol. f-t SPbGU, 2001. S. 138–151.
18. The Linguistic-Cultural Conceptology as a Trend in Contemporary Russian Linguistics / S.I. Baybikova, G.G. Slyshkin, M.R. Zheltukhina, et al. // 4th International Conference on the Political, Technological, Economic and Social Processes, ISPC 2014; SCIEURO (London, 27–28 July 2014). London: Berforts Information Press Ltd, UK, 2014. P. 134–137.

**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Е.Г. Тарева

**Развитие лингвообразовательных практик:
оптимистичная проекция**

В статье впервые в отечественной педагогической и лингводидактической науке ставится вопрос о научном и одновременно прикладном статусе образовательных практик, анализируются подходы к их выделению и толкованию. Выявляются признаки передовых образовательных практик. Предлагается набор лингвообразовательных практик, необходимых для внедрения инноваций в процесс иноязычного образования с целью повышения его эффективности и качества.

The article represents the first attempt in Russian pedagogy and linguodidactics to have an insight into academic and applied status of educational practices. The author examines the existing approaches to their identification and interpretation revealing parameters specific to advanced educational practices. The proposed set of foreign language teaching practices is viewed as required to drive innovation in this process to improve its efficiency and quality.

Ключевые слова: образовательные практики; обучение иностранному языку; кодификация передовых лингвообразовательных практик.

Keywords: educational practices; foreign language teaching; codification of best foreign language teaching practices.

Введение

Переход к постиндустриальному этапу развития государства, цифровая революция, новые социально-антропологические вызовы времени, смена базовых видов деятельности человека и квалификационных требований к нему требуют максимального ускорения темпов развития производства, изменения очертаний социально-гуманитарной сферы, модернизации различных областей жизнедеятельности общества, прежде всего *образования*. В своём классическом виде система образования, стремясь к самосохранению, долгое время характеризовалась консервативностью и, как следствие, относительной закрытостью, статичностью, инерционностью. В настоящее время под воздействием массы непредсказуемых, бифуркационных, сложно взаимодействующих факторов данная система стремительно эволюционирует, реагируя на перемены в окружающем пространстве и демонстрируя готовность

к многочисленным, порой непредвиденным изменениям эволюционного и революционного характера. Новый постнеклассический этап развития образования предполагает ориентацию не только на освоение знаний (что было присуще классическому «измерению» образовательной системы) и не только на овладение средствами и операциями выполнения деятельности (на чем базировался неклассический период форматирования образования), но и, главным образом, *на экспликацию целей и ценностей в области обучения и воспитания* (об этом применительно к обучению иностранному языку см. подробнее [9]).

Как следствие, система образования оказывается пронизана субъектностью, из сугубо рациональной она трансформируется в рационально-иррациональную, вариативную, многомерную. Содержание образования приобретает аксиологические характеристики и становится духовно-нравственным, эмоционально-ценностным, «самосозидающим», прагматически заряженным. Одновременно эволюционирующее образование вступает во взаимодействие с виртуализацией, широкомасштабным характером массовых коммуникаций, а также анонимностью («аватарностью») информационно-коммуникативных практик (последнее явление, по мнению С.В. Клягина, есть проявление «пост-(не)-человеческой социальной феноменологии» [5: с. 401]). Под воздействием данных факторов система образования лишается параметров линейности, закрытости, статичности, консервативности. Она вступает на путь стремительных изменений, провозглашая своим императивом *инновации, новые образовательные практики* [2].

Возникновение инновационных практик в образовательной среде вызывается объективными факторами. «Одни практики появляются как отклик творческой части педагогической общественности на изменения в российской экономике и обществе. Это авторские школы, встраивание учебных центров, корпораций в университеты, это факультеты довузовской подготовки, университетские округа и интернет-школы, заполняющие методические и содержательные разрывы между школами и вузами. Другие — в результате попыток потребителей образовательных услуг собственными силами заполнить лакуны в системе образования. Так в последние годы внутри корпораций сформировался значительный сектор учебных центров, которые постепенно стали работать не только на внутренние потребности, но и на рынок, предоставляя образовательные услуги сторонним организациям. В Интернете сформировался большой массив справочных и образовательных ресурсов, дополняющих основной набор учебных материалов» [2: с. 5]. Как в первом, так и во втором случае предназначение образовательных практик — служить делу обновления образования, обеспечивать его постоянное развитие, придавать новые силы процессам, призванным влиять на личность с целью её становления, развития, включения в социальное пространство.

Образовательные практики: попытки интерпретации

Образовательные практики — термин относительно новый, но активно используемый в научных и научно-популярных публикациях последних лет, посвящённых модернизации отечественной системы образования. Частота его

употребления, как можно заключить, обусловлена желанием усилить *практикоориентированность* образовательной системы, подчеркнуть нестандартность её современного, инновационного характера путём отхода от традиционных общепринятых номинаций «образовательные технологии», «образовательные модели», «образовательные стратегии». Невзирая на очевидную схожесть, образовательные практики по своему содержанию отличаются от того, что традиционно вкладывается в термин «практика», используемый в образовательном контексте как в обобщённом смысле — «практика работы педагога», «практика школы / вуза», «практика министерства образования», «практика преподавания учебного предмета» и пр., так и в частном, прикладном значении, когда имеется в виду учебная / производственная практика как компонент образовательного процесса, обеспечивающий «погружение» обучающихся (например, студентов вузов) в реальный производственный процесс.

Сегодня образовательная научно-публикационная среда «наполняется» упоминаниями о практиках иного рода. Их специфика проявляется уже на уровне осмысления предлагаемых номинаций: «профессиональные коммуникативные практики», «культурные практики», «гуманитарные практики», «интерактивные практики», «дистанционные практики», «инновационные практики», «антропопрактики», «политико-образовательные практики», «общественные образовательные практики», «open educational practices», «best education practice» и т. п. Очевидно, что наступил период осмысления данного феномена, признания его статуса в структуре образовательной системы в целом, а также применительно к частным областям обучения и воспитания, например, к лингводидактике.

Несмотря на достаточно частое употребление термина «образовательные практики», в литературе приводится не так много толкований данного явления, что затрудняет процесс всеобъемлющего анализа феномена и формулирования его универсального толкования. Разброс мнений достаточно широк: от утилитарной интерпретации (образовательные практики — это специальная работа по созданию средств, содержания, условий и механизмов, иными словами, моделей образовательной деятельности, качества образования [1]) до глобального философского понимания (образовательные практики — способ жизнотворчества [6], средство «социокультурного прорыва» [1]).

В зарубежной литературе образовательные практики понимаются как «широкий диапазон индивидуальных действий субъектов, образовательной политики и запрограммированных подходов к достижению положительных изменений либо в отношении обучающихся к учёбе, либо в учебном поведении»¹ [11]. Легко заметить, что образовательные практики в зарубежной интерпретации максимально приближены к прагматическому подходу, к их осмыслению и оценке. Данный вывод подтверждается предлагаемой классификацией образовательных практик [11], которые подразделяются на:

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

- *предполагаемо эффективные*: в данный разряд входят практики, подробно описанные с точки зрения содержания и условий внедрения с опорой на серьёзный теоретический фундамент, но пока не опробованные в широкой практике;
- *доказанно эффективные*: к ним относятся те практики из разряда предполагаемо эффективных, которые были внедрены и успешность которых была подтверждена как объективными результатами, так и субъективными оценками;
- *образцово эффективные*: к данной категории относятся те практики, которые многократно подтвердили свой положительный продуктивный эффект в разнообразных образовательных контекстах и которые стабильно оценивались исключительно позитивно с точки зрения участников процесса (термин *«exemplary education practice»* используется в государственных нормативных документах — Federal Department of Education (США)).

В данной статье ставится вопрос об углублении понимания *технологически заострённых образовательных практик*, направленных на оптимизацию процесса обучения. Выбор данного прагматически ориентированного взгляда на образовательные практики связан с тем, что учёту подлежат условия *иноязычного образования*, испытывающего сегодня потребность в повышении эффективности процесса воздействия на личность обучающегося иностранному языку, с целью освоения ею способности участвовать в диалоге культур.

Признаки передовых образовательных практик

Существует ряд основных признаков, позволяющих дифференцировать образовательные практики в их сопоставлении со смежными феноменами образовательной природы. Первый признак — это неременная *связь практик с инновациями в образовании*. Неслучайно в публикациях об инновационных векторах развития отечественного образования часто употребляется термин «практики», что, как представляется, связано с желанием подчеркнуть обновление системы, выделить её современный, соотносимый с сегодняшними потребностями характер (см., например, [2; 8]).

Второй признак, сопряжённый с первым, обусловлен тем, что образовательная практика — плод *труда инициативных групп инноваторов*, разрабатывающих новые подходы к решению проблем образования. Одновременно с этим образовательная практика способна фиксировать факт «личного присутствия» в образовании самого разработчика («феномен / прецедент участия», «пульсация субъективности» по Г.Н. Прокументовой); практика демонстрирует волю человека к совершенствованию своего образования, показывает его желание оказывать влияние на систему обучения и воспитания [8]. Тем самым образовательная практика призвана снять определённого рода «анонимность», «безымянность» положительных (продуктивных) образовательных достижений.

Третий признак инновационной практики связан с её *обязательным внедрением и общественным признанием*. Описанию и, соответственно, осмыслению подлежит лишь то, что общественно пригодно и значимо. Как пишет М.В. Кларин, «об освоении объективно нового опыта свидетельствует его

«проживание», реализация в жизненной (профессиональной) практике» [4: с. 21]. В разряд образовательных практик, тем самым, не войдёт то, что не возымело эффекта «воздействия на массы», что не нашло своего почитателя, потребителя, последователя.

Четвёртый признак (он же представляет наибольшую трудность в осмыслении и описании феномена) связан с *многообразием образовательных практик* и с вытекающей из этого факта сложностью их подсчёта, перечисления, группировки, классификации, кодификации, дифференциации и пр. Как следствие, налицо большое число неконвенциональных (своего рода «нелегальных»), несистемных (отличающихся от общепризнанных) практик. Но при этом в случае своей позитивной эволюции и общественного признания образовательная практика утверждается как нормативная, она теряет флёр иррациональности, меняет свой статус с субъективной («полезна лично для меня») на объективную («полезна для всех»).

Пятый признак связан с пониманием того, что образовательные практики сегодняшнего дня касаются *изменения качества преподавания и способа взаимодействия субъектов образовательного процесса*. «Именно изменение качества преподавания, взаимодействия тех, кто учит и учится, должно стать основным содержанием реформ школьной образовательной системы (М. Барбер, М. Муршед)» [1: с. 7].

Наконец, шестой признак — эмпирический — предполагает следующую формулу образовательной практики: И–Л–Д–П², что означает: *Инициатива (потребность + мотив) человека (коллектива) – Локализованность (место действия практики) – Деятельность по внедрению практики – Продуктивность (наличие эффекта положительного влияния на образовательный контекст)*.

Данные признаки, взятые в совокупности, позволяют дистанцировать образовательные практики и другие реалии — технологии, приёмы, модели, стратегии и пр., выделяя системные сущностные свойства первых.

Роль лингвообразовательных практик в системе иноязычного образования

На развитие образовательных практик в системе обучения иностранным языкам оказывают влияние многочисленные факторы. Фактор глобализации предопределил постановку глобальных требований к стандартам иноязычной подготовки, что диктует переосмысление применения практик выбора и провозглашения целей и содержания иноязычного образования. Постоянная смена технологий обуславливает усиление значимости креативных способностей изучающего иностранный язык, его готовности к постоянному совершенствованию в области постижения иной культуры. Потребность в разработке и утверждении передовых лингвообразовательных практик связана также с ростом онлайн-решений и развитием «гибридной» педагогики, совмещающей

² Сравните с циклом преобразования (кругом качества) Деминга (**Deming Cycle**) П–О–К–П: *Планирование – Осуществление – Контроль – Претворение в жизнь (Plan – Do – Check – Act)*.

классно-урочную (аудиторную) работу и онлайн-взаимодействие, требующее соответствующего владения иностранным языком: появляются открытые многопользовательские онлайн-курсы (МООС), университеты для миллиардов (например, Coursera, EdX). Рост несистемного (неформального) и информального образования предполагает необходимость повышения уровня владения иноязычным общением.

Продуктивность лингвообразовательных практик предопределяется также принципиальной сменой образа мышления и сознания подрастающего поколения, названного «цифровым», «сетевым», обладающего «клиповым сознанием». Происходит заметный рост индивидуализированной и прагматической направленности ценностных установок молодёжи, углубление степени интровертированности обучающихся, смены их ориентаций в сторону потребительства. Неслучайно всё чаще в печати звучат номинации типа «поколение «зачем?»», «поколение Z (Digital Natives)». Отсюда неизбежный краткий слоган — «Прагматическому поколению — прагматический язык!», что предполагает применение инновационных практик погружения обучающегося в реально существующий контекст жизнедеятельности, связанный с потребностным, эмоционально-ценностным фоном. Не преподаватель задаёт содержание иноязычного образования, выбирает формы, способы и средства его реализации в учебной ситуации, а сам студент: он готов к такого рода ответственности, к тому, чтобы «самому творить свою судьбу».

Развитие лингвообразовательных практик является неременным условием совершенствования системы иноязычного образования в целом. Новые образовательные практики, новые форматы и средства исследований, инновационной деятельности, обучения могут существенно изменить, обогатить, трансформировать действительность на всех уровнях реализации образовательных систем.

Развитие образования в целом обусловлено актуальной зоной *технологического развития образования*, предусматривающего в большей степени освоение деятельности в отличие от усвоения знаний. Современные профессиональные стандарты построены по принципу перечисления действий, востребованных к исполнению в нестандартных профессиональных ситуациях. Как следствие, требуются новые образовательные практики, которые должны опираться исключительно на познавательную и образовательную активность самих обучающихся. Внедрение таких технологий обеспечит переход от «трансляционной» педагогики к «деятельностной». Растёт роль технологий управления знаниями, индивидуализации образования и технологий коллективной работы.

При условии внедрения новых образовательных практик система образования приобретёт следующие черты, необходимые для инновационной экономики и постиндустриального общества (предлагается проекция до 2020 г.):

- базовая подготовка будет сочетаться с вариативностью возможностей для повышения квалификации и переподготовки;

- будут сближаться / пересекаться социальные характеристики различных образовательных маршрутов, на деле обеспечивающих академическую мобильность обучающихся;
- широкие возможности проектной работы обеспечат адаптивность обучающихся к новой социальной / профессиональной среде с её переменчивыми характеристиками и быстро меняющимися потребностями;
- произойдёт интеграция образования и производства с целью обеспечения совместной работы на переднем крае современной науки;
- будет существенно повышена доля самостоятельной работы обучающихся, степень их вовлечения в реальные исследовательские проекты;
- будет широко развита система образовательного консультирования и поддержки непрерывного образования;
- будет повышена конкурентоспособность российского образования, готового к порождению инноваций.

Векторы развития передовых лингвообразовательных практик

Перечисленные тенденции, факторы и проективные прогнозы позволяют выделить несколько направлений (векторов) развития продуктивных лингвообразовательных практик, векторов, безусловно, пересекающихся, но при этом имеющих свою «зону ответственности и сферу влияния».

К первой группе следует отнести *практики, способствующие инновационному моделированию обучающей и научно-исследовательской среды образовательного учреждения*. В данную группу входят практики, нацеленные на:

- обеспечение гибкости (за счёт модульной организации), интенсивности образовательного процесса для создания и / или поддержания образовательной мобильности, в том числе зарубежной;
- тьюторское сопровождение обучающихся и образовательную навигацию, направленную на ориентирование человека в окружающем мире, на осознание им своих потребностей и путей их удовлетворения посредством обретения иноязычной коммуникативной компетенции;
- реализацию программ международного образования: межвузовские обмены студентами, обучение за рубежом в отдельных семестрах;
- формирование международной образовательной деловой, профессионально ориентированной среды: создание молодёжных клубов, «делового клуба» в вузе (с участием людей «с производства»: предпринимателей, управленцев, экспертов);
- формирование проектных команд для исследований и разработок;
- расширение возможностей, форм, средств сетевого взаимодействия на разных уровнях его реализации.

Ко второй группе относятся лингвообразовательные *практики «погружения»*, обеспечивающие контекстный (по А.А. Вербицкому) тип обучения иноязычному общению. В данную группу входят практики, нацеленные на:

– применение активных и интерактивных технологий образования: имитационно-деятельностных игр, кейсов, проектов, дискуссий, обучения с помощью симуляторов, тренажёров;

– включение обучающихся в «полевые» исследования и разработки;

– порождение новых технологий иноязычного образования;

– обучение по принципу DIY (Do It Yourself), предполагающего создание образовательного контента не для пользователей, а самими пользователями; такие практики способствуют повышению значимости технологий формирования новых средств обучения, например, учебников иностранного языка «открытого типа», создаваемых совместно с обучающимися или ими самими (об этом подробнее см. [10]);

– обучение типа «игработа», предполагающее осмысленное времяпровождение, выходящее за рамки привычной оппозиции «работа – отдых», сочетающее образование, хобби и трудовые действия.

Третью группу в выстраиваемой системе занимают лингвообразовательные *практики, отличающиеся ориентированностью на личностное развитие обучающихся*. В данную группу должны быть включены практики, направленные на:

– «запуск» собственной образовательной активности, своего самоопределения в условиях «личностного вызова», увеличение сфер действия автономности как личностного качества [3];

– применение тренинговых технологий (тренажёров) личностного развития: сохранения или изменения идентичности, повышения самосознания, мотивации, совершенствования самоорганизации, преодоления эмоционального выгорания, обеспечения сопротивляемости по отношению к профессиональной деформации и др.;

– учёт динамики социотипа и генотипа обучающихся иноязычному общению, возрастного и гендерного факторов;

– развитие / коррекцию обучающихся с особыми потребностями (инклюзивные практики, практики работы с одарёнными обучающимися и др.);

– «рестарт» для взрослых, мобилизующие личностные ресурсы для образования и повторного «запуска» жизненного пути и карьеры.

Наконец, в четвёртую группу следует включить *информационно-коммуникационные образовательные практики*, которые должны в себе воплощать:

– технологии дистанционного образования с широким использованием Интернета (E-learning);

– экранные технологии, интерактивные доски, парты, планшеты с выходом в глобальные информационные сети;

– технологии виртуализации образования через открытые университеты;

– технологии цифрового портфолио;

– технологии коллективных обучающих игр;

– технологии мобильного образования / обучения;

- технология «все в Сеть»³ (см. подробнее [7]);
- технология «умная среда», основанная на том, что любой объект в физическом пространстве будет присутствовать в Сети;
- технология «точка бога»: в результате развития цифровых и мобильных технологий вся поддающаяся оцифровке информация (в том числе культурное наследие и описания технологий) будет храниться в Сети и будет доступна из любой точки планеты;
- когнитивные технологии: обмен информацией по принципу «нервная система – компьютер – Сеть»; нано- и биотехнологии, основанные на учёте возможностей нервной системы человека.

В сложном взаимодействии данные практики образуют единую систему, центром (ядром) которой являются практики, ориентированные на развитие личности обучающегося; вокруг данной системы по орбите «движутся» другие взаимосвязанные группы, центростремительно направленные на ядерную составляющую.

Выводы и установки на будущее

Итак, продуктивные лингвообразовательные практики — реалии сегодняшнего этапа развития отечественного и зарубежного образования. Их появление в терминосистеме общей дидактики и лингводидактики означает смену ведущих тенденций, стремление усилить практическую ориентированность обучающих процедур, скорейшим образом способствовать включению инноваций в широкий контекст отечественного образования (в случае подтверждения их продуктивности и эффективности). Для внедрения продуктивных лингвообразовательных практик необходимы следующие шаги:

1) создание на сетевой основе творческих коллективов для научного и опытно-экспериментального определения потенциала новых образовательных практик, оценки перспективности и эффективности их реализации в масштабах образовательного пространства города, области, государства;

2) определение социально-экономических факторов успешности применения и внедрения продуктивных лингвообразовательных практик: внутренних факторов (путём уточнения и конкретизации характеристик образовательной практики) и внешних факторов (путём рекомендуемого описания окружения, в котором ей (практике) предстоит реализоваться);

3) разработка «паспорта» образовательной практики по параметрам её назначения, функциональности, эффективности, удобства использования, гибкости, модифицируемости, надёжности и пр.;

4) предвосхищение трудностей внедрения лингвообразовательной практики: выявление факторов риска, непредвиденных обстоятельств, снятие необоснованных субъективных оценочных суждений, снижение эффекта «сопротивления» инновациям, развитие у участников образовательного процесса готовности к инновационному мышлению и пр.;

³ Установлено, что к 2016 г. более 90 % населения нашей страны будет пользоваться Интернетом.

5) создание постоянно действующих, работающих на сетевом принципе стажировочных площадок (опытных, масштабных, конвейерных и т. п.), специализирующихся на экспертизе, оценке и распространении передовых образовательных практик;

6) обеспечение широты и периодичности оповещения образовательной общественности о результатах разработки, апробации и продвижения новых образовательных практик.

Библиографический список

Литература

1. Бармин Н.Ю., Игнатьева Г.А. Федеральная инновационная площадка «Проектно-сетевой институт инновационного образования»: информационные материалы к стендовому докладу. Н. Новгород: Изд-во «Нижегородский институт развития образования», 2012. 25 с.

2. Волков А.Е., Кузьминов Я.И., Реморенко И.М. Модель системы образования России в перспективе 2020 года: поворот к экономике, основанной на знаниях // Высшее образование сегодня. 2008. № 5. С. 4–9.

3. Гаврилюк О.А. Автономность в российском высшем образовании: теоретические аспекты проблемы в рамках иноязычной подготовки // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 2 (12). С. 87–95.

4. Кларин М.В. Инновационное образование: уроки «несистемных» образовательных практик // Образовательные технологии. 2014. № 1. С. 20–29.

5. Клягин С.В. Аватары нечеловеческого: социально-антропологические вызовы современных информационно-коммуникативных практик // Гуманитарные чтения РГГУ – 2010. Теория и методология гуманитарного знания. Россияведение. Общественные функции гуманитарных наук. М.: РГГУ, 2011. С. 401–412.

6. Максимова С.А. Образовательная практика и образовательное знание: дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1999. 245 с.

7. Мачинская С.В. Все в Сеть. Информатизация системы образования выставляет новый продукт // Дистанционное и виртуальное обучение. 2009. № 9. С. 48–51.

8. Переход к открытому образовательному пространству: коллективная монография / Под ред. Г.Н. Прозументовой. Томск: НИТГУ, 2009. 448 с.

9. Тарева Е.Г., Гальскова Н.Д. Инновации в обучении языку и культуре: Pro et contra // Иностранные языки в школе. 2013. № 10. С. 2–8.

10. Тарева Е.Г., Тарев Б.В. Инновационный потенциал образовательных традиций: учебник иностранного языка открытого типа // Вопросы методики преподавания в вузе. 2014. № 3. С. 364–373.

11. Arendale D. What is a Best Education Practice? URL: <http://www.besteducation-practices.org/what-is-a-best-practice> (дата обращения: 23.04.2015).

References

Literatura

1. Barmin N.Yu., Ignat'eva. G.A. Federal'naya innovacionnaya ploshhadka «Proektno-setevoj institut innovacionnogo obrazovaniya»: informacionny'e materialy'

k stendovomu dokladu. N. Novgorod: Izd-vo «Nizhegorodskij institut razvitiya obrazovaniya», 2012. 25 s.

2. *Volkov A.E., Kuz'minov Ya.I., Remorenko I.M.* Model' sistemy' obrazovaniya Rossii v perspektive 2020 goda: povorot k e'konomie, osnovannoj na znaniyah // *Vy'sshee obrazovanie segodnya*. 2008. № 5. S. 4–9.

3. *Gavrilyuk O.A.* Avtonomnost' v rossijskom vy'sshem obrazovanii: teoreticheskie aspekty' problemy' v ramkax inozy'chnoj podgotovki // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2013. № 2 (12). S. 87–95.

4. *Klarin M.V.* Innovacionnoe obrazovanie: uroki «nesistemny'x» obrazovatel'ny'x praktik // *Obrazovatel'ny'e tehnologii*. 2014. № 1. S. 20–29.

5. *Klyagin S.V.* Avatary' nechelovecheskogo: social'no-antropologicheskie vy'zovy' sovremenny'x informacionno-kommunikativny'x praktik // *Gumanitarny'e chteniya RGGU – 2010. Teoriya i metodologiya gumanitarnogo znaniya*. Rossievedenie. Obshhestvenny'e funkcii gumanitarny'x nauk. M.: RGGU, 2011. S. 401–412.

6. *Maksimova S.A.* Obrazovatel'naya praktika i obrazovatel'noe znanie: dis. ... d-ra filos. nauk. Ekaterinburg, 1999. 245 s.

7. *Machinskaya S.V.* Vse v Set'. Informatizaciya sistemy' obrazovaniya vy'stavlyaet novy'j produkt // *Distancionnoe i virtual'noe obuchenie*. 2009. № 9. S. 48–51.

8. *Perexod k otkry'tomu obrazovatel'nomu prostranstvu: kollektivnaya monografiya* / Pod red. G.N. Prozumentovoj. Tomsk: NITGU, 2009. 448 s.

9. *Tareva E.G., Gal'skova N.D.* Innovacii v obuchenii yazy'ku i kul'ture: Pro et contra // *Inostranny'e yazy'ki v shkole*. 2013. № 10. S. 2–8.

10. *Tareva E.G., Tarev B.V.* Innovacionny'j potencial obrazovatel'ny'x tradicij: uchebnik inostrannogo yazy'ka otkry'togo tipa // *Voprosy' metodiki prepodavaniya v vuze*. 2014. № 3. S. 364–373.

11. *Arendale D.* What is a Best Education Practice? URL: <http://www.besteducation-practices.org/what-is-a-best-practice/> (data obrashheniya: 23.04.2015).

Ю.А. Бондарь

Концептуальный признак «возраст» в названиях детёнышей животных в современном английском языке

В статье рассматриваются денотативные группы названий детёнышей животных в современном английском языке и синонимичные пары внутри этих групп. Анализируются дифференцирующие и интегральные семантические признаки в исследуемых группах.

This article deals with denotation groups of the names of baby animals in modern English and synonymic pairs inside these groups. It also analyzes differential and integral semantic features in the groups.

Ключевые слова: названия детёнышей животных; гипероним; гипоним; концептуальный признак; возраст.

Keywords: names of baby animals; hyperonym; hyponym; conceptual ground; age.

Исследованием названий детёнышей животных подтверждается тот факт, что «один и тот же крошечный фрагмент действительности не только по-разному отражается в восприятии людей, говорящих на одном языке, но и информация о нём помещается <...> в разные категории и разные знаки» [4: с. 608]. В современном английском языке детёныши большинства животных обозначаются с помощью нескольких слов [2]. В статье будут рассмотрены синонимичные пары внутри следующих тематических подгрупп: 1) беспозвоночные; 2) рыбы; 3) насекомые; 4) птицы.

В первой подгруппе детёнышей беспозвоночных (плоского морского ежа, морской звезды, морского моллюска) называют *larva*, *pluteus* и *juvenile*. Используемые названия различаются тем, что каждое из них указывает на определённую стадию развития молодой особи. Так, *larva* указывает на самую раннюю стадию развития организма, когда он находится в латентном состоянии и его жизненная активность малозаметна. От взрослой особи личинку отличает также рацион питания и неспособность к воспроизведению потомства. Существительное *pluteus* указывает на стадию развития молодой особи, на которой она может

самостоятельно плавать, а также имеет внешний вид, напоминающий по форме гриб. Существительное *juvenile* используется в отношении молодой неполовозрелой особи, внешним видом отличающейся от особи *pluteus* и ещё непохожей на взрослую. Таким образом, можно отметить, что при именовании детёнышей беспозвоночных ключевым является признак «внешний вид».

Мальки рыбы в английском языке обозначаются двумя существительными — *fyu* и *fingerling*, при этом существительное *fyu* используется по отношению к только что появившимся малькам любой рыбы, а также по отношению к детёнышам других животных, которые рождаются в больших количествах. Существительное *fingerling* обычно используется применительно к малькам форели, лосося или семги, т. е. в отношении рыб из семейства лососевых. Мальки трески обозначаются тремя различными существительными — *codling*, *sprag*, *sprat*. Существительное *codling* используется в отношении мелкой трески, существительное *sprag* обозначает «молодь трески», а существительное *sprat* используется в отношении любой мелкой рыбы, похожей на кильку. Детальное описание мальков рыб семейства тресковых, вероятнее всего, происходит ввиду того, что данное семейство рыб относится к наиболее промысловым. Таким образом, среди рассмотренных существительных наблюдается гиперо-гипонимический характер взаимоотношений: существительное *fyu* выступает в роли гиперонима по отношению к остальным словам.

Далее рассмотрим синонимичные пары и группы слов, используемые для обозначения детёнышей насекомых. Для обозначения детёныша бабочки используются 3 существительных — *caterpillar*, *larva* и *pupa*. Как было отмечено выше, существительное *larva* обозначает самую раннюю стадию развития беспозвоночных. Среди обозначений детёнышей насекомых данное существительное также называет молодое насекомое, только что вышедшее из кокона и не имеющее крыльев. *Pupa* указывает на неактивную стадию развития насекомого, находящуюся между личинкой (*larva*) и взрослым насекомым, при этом признаком, лежащим в основе наименования, является внешний вид, а именно наличие кокона или какой-либо внешней оболочки. Таким образом, в основе именования молодых особей насекомых лежит также внешний признак. Следует отметить, что существительное *larva* используется по отношению ко многим молодым особям, только что преодолевшим стадию икринки или кокона. Это обстоятельство позволяет предположить, что именование ранней стадии развития молодой особи с помощью существительного *larva* основано не только на её внешнем признаке, но также на признаке «контейнер».

Ранняя стадия развития крылатых насекомых, таких, как например, стрекозы, получила название *nymph*. Существительное *nymph* заимствовано из греческого, в котором оно помимо исходного значения «невеста, девушка» имело также значение «личинка». Это существительное обозначает неполовозрелую молодую особь, внешне хотя и похожую на взрослую особь, но отличающуюся от неё недоразвитостью крыльев.

У комаров, которые, как и стрекозы, откладывают личинки в воду, ранняя стадия развития обозначена как *wriggler*. *Wriggler* образовано по модели V + -er от глагола *wriggle* «извиваться, двигаться извиваясь», которая свидетельствует, что в основу номинации был положен признак характерного движения.

Для именования птенцов в общем используются существительные *hatchling* и *chick*, смысловые различия которых основываются на указании этапа развития молодой особи или на отсутствии такого указания. Существительным *hatchling* именуется любой только что вылупившийся из яйца детёныш (птенец, крокодильчик, маленький динозавр и т. п.), в то время как *chick* используется для именования птенца, в особенности только что вылупившегося. Соответственно, существительное *hatchling* имеет более широкую область употребления.

При именовании детёныша курицы используются три различных существительных, из которых *chick* обозначает птенцов большинства птиц, в том числе и курицы, *pullet* используется для обозначения птенца курицы и указывает на женский пол особи, а *cockerel* является устаревшим вариантом именования птенца курицы, указывающим на мужской пол особи. Как правило, существительное *pullet* употребляется по отношению к цыплёнку, не достигшему года. Таким образом, в названиях птенцов кур наблюдается дифференциация по половому признаку.

Птенцы маленького дикого голубя (*dove*) обычно обозначаются существительными *squab* и *chick*. Существительное *chick*, как уже было отмечено выше, используется для обозначения птенца любой птицы, в то время как *squab* используется лишь для обозначения птенцов голубя на самой ранней стадии их развития. В отношении птенцов голубя (*pigeon*) обычно используются существительные *squab* и *squeaker*. Существительное *squab* имеет значение «неоперившийся голубь» и тем самым указывает на стадию развития молодой особи, в то время как существительное *squeaker*, которое также имеет значение «неоперившийся голубь» ввиду своей словообразовательной модели (V + -er), указывает на действие, типичное для молодого птенца, а именно писк. Следует также заметить, что, по данным «Oxford Reference», существительное *squeaker* относится только к британскому варианту английского языка [5].

Из двух существительных, *eaglet* и *fledgling*, используемых для обозначения детёныша орла, *eaglet* используется только для обозначения птенца орла, а *fledgling* — для обозначения птенцов орла, а также птенцов некоторых других птиц. Подчеркнём, что в случае с существительным *fledgling* в основу для именования берётся наиболее отличительный внешний признак — недавно обретенные перья (образовано по модели V + -ing от глагола *fledge* — «оперяться»).

Из существительных *owlet* и *fledgling*, которыми называют птенцов совы, существительное *owlet* используется только для обозначения птенцов совы, а существительное *fledgling*, как уже было упомянуто выше, употребляется для обозначения многих птенцов с общим внешним признаком, а именно недавно обретенными перьями.

Существительные *cygnet* и *flapper*, обозначающие птенца лебедя, дифференцируются по наличию или отсутствию указания на определённый признак

у молодой особи. Так, существительное *flapper* указывает на типичное для молодой особи поведение — хлопанье крыльями (от глагола *flap*), а существительное *cygnet* имеет более нейтральное значение с указанием на молодой возраст особи (при помощи суффикса *-et*). Суффиксация в рассмотренных случаях, вероятно, служит детерминологизации исходной основы [3].

Как видим, именование детёнышей птиц основано на большем разнообразии принципов, чем именование насекомых. Так, при именовании детёнышей птиц акцент делается на внешнем виде птенца и характерном действии, совершаемом им на определённой стадии жизни. Использование большого разнообразия лексических единиц для именовании детёнышей птиц на различных этапах развития особи можно обосновать тем, что хозяйственная деятельность человека неразрывно связана с птицами. Кроме того, птицы более доступны для наблюдения, чем, например, насекомые или рыбы, следовательно, у человека появляется достаточно возможностей детально изучать их жизнь, развитие, поведение и пр.

Подводя итог, следует отметить, что возрастная характеристика животного передаётся не только через точное указание возраста детёныша. Признак «возраст» также репрезентируется в названиях детёнышей с помощью нескольких ведущих признаков номинации. Так, в основе номинации может стоять указание на: 1) наличие или отсутствие у молодой особи отличительного внешнего признака; 2) выполнение молодой особью действия, характерного для неё; 3) пол молодой особи; 4) появление возможности воспроизводить потомство; 5) определённую стадию развития молодой особи. Вероятнее всего, столь детальное описание детёнышей некоторых животных можно обосновать повышенным интересом человека к этим видам животных.

Библиографический список

Источники

1. Names of males, females babies and groups of animals. URL: <http://www.enchantlearning.com/subjects/animals/Animalbabies.shtml> (режим доступа: свободный).

Литература

2. Бондарь Ю.А. К вопросу об именовании детёнышей животных в современном английском языке // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения, лингводидактики: сб. ст. М.: МГПУ, 2012. С. 22–26.

3. Собянина В.А. Суффиксация как один из способов словопроизводства немецких коллоквиализмов на основе терминологической лексики // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 28–35.

4. Чупрына О.Г. Язык и культура как предмет филологического исследования // Язык, культура, речевое общение: сб. мат-лов Международной конференции, посвящённой 85-летию профессора М.Я. Блоха. М.: Прометей, 2009. С. 608–612.

Справочные и информационные издания

5. Oxford Reference. URL: <http://www.oxfordreference.com> (режим доступа: свободный).

References

Istochniki

1. Names of males, females babies and groups of animals. URL: <http://www.enchant-edlearning.com/subjects/animals/Animalbabies.shtml> (rezhim dostupa: svobodny'j).

Literatura

2. Bondar' Yu.A. K voprosu ob imenovanii detyony'shej zhivotny'x v sovremennom anglijskom yazy'ke // Aktyal'ny'e problemy' lingvistiki, literaturovedeniya, lingvodidaktiki: sb. st. M.: MGPU, 2012. S. 22–26.

3. Sobyantina V.A. Suffiksaciya kak odin iz sposobov slovoproizvodstva nemeckix kollokvializmov na osnove terminologicheskoy leksiki // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 28–35.

4. Chupry'na O.G. Yazy'k i kul'tura kak predmet filologicheskogo issledovaniya // Yazy'k, kul'tura, rechevoe obshhenie: sb. mat-lov Mezhdunarodnoj konferencii, posvyashhyonnoj 85-letiyu professora M.Ya. Bloxa. M.: Prometej, 2009. S. 608–612.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

1. Oxford Reference URL: <http://www.oxfordreference.com> (rezhim dostupa: svobodny'j).

М.С. Дроздова

Шекспировские аллюзии и реминисценции в произведениях Дж. Фаулза

Статья посвящена проблеме рецепции творчества У. Шекспира в произведениях «Аристос» и «Женщина французского лейтенанта». Рассматриваются шекспировские аллюзии и реминисценции в творчестве Дж. Фаулза.

The paper focuses on W. Shakespeare's poetry as reflected in *The Aristos* and *The French Lieutenant's Woman*. The paper deals with analysing Shakespearean allusions and reminiscences in John Fowles' works.

Ключевые слова: интертекстуальность; аллюзия; реминисценция; рецепция; рецептивная эстетика.

Keywords: intertextuality; allusion; reminiscence; reception; reception-aesthetics.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена как возросшим интересом к творчеству Уильяма Шекспира в связи с празднованием его 450-летия, так и необходимостью использования современных методов при исследовании постмодернистских текстов.

Критическая литература о рецепции Фаулзом наследия Шекспира представлена монографиями, статьями, диссертациями, выходящими в свет с середины 80-х годов XX века по настоящее время. Обзор теоретического материала по зарубежным исследованиям, посвящённым этой проблеме, обнаруживает работы М. Сригли (Srigley, 1985), Ф. Кермода (Kermode, 1989), Дж. Клейтона и Э. Ротштейна (Clayton, Rothstein, 1991), Т. Фостера (Foster, 1994), М. Беккер-Лекрон (Becker-Leckrone, 2005), А. Ходара (Jodar, 2006). Исследования в целом посвящены анализу рецепции пьесы «Буря» Шекспира в романе Фаулза «Коллекционер» [9–14].

В отечественном литературоведении данной теме посвящены труды Т.Ю. Терновой (2002) и Д.С. Папкиной (2004), где рассматривается рецепция творчества Шекспира с точки зрения интертекстуальности в романе Дж. Фаулза «Коллекционер» и его сборнике эссе «Кротовые норы».

В статье акцентируется внимание на исследовании малоизученного материала — философской книги «Аристос» (*The Aristos*, 1964) и романа «Женщина французского лейтенанта» (*The French Lieutenant's Woman*, 1969). Важным представляется комплексное исследование шекспировских аллюзий и реминисценций в этих произведениях Дж. Фаулза.

Методология исследования определяется методами рецептивной эстетики и литературной герменевтики, получившими освещение в работах по теории

и истории литературы В.Г. Зинченко, В.Г. Зусмана, З.И. Кирнозе [4], а также Г.И. Богина, Ю. Борева, Н.Т. Нефёдова в области рецептивной эстетики и литературной герменевтики. Представляется целесообразным пользоваться указанными методами при исследовании постмодернистского текста. Отметим, что Джон Фаулз считается одним из основоположников постмодернизма.

Одна из основных характеристик постмодернизма — интертекстуальность — отчётливо проявляется в обоих произведениях. Как правило, интертекстуальность вводится такими приёмами, как аллюзия и реминисценция. С аллюзиями и реминисценциями тесно связана теория рецепции, изучающая восприятие литературного произведения читателем. Рецепцию обычно понимают как обращение к признанному классическим наследию с целью культурного освоения, восприятия [5: с. 309]. Современное литературоведение трактует рецепцию как пересечение воздействия и восприятия, «воссоздания» и «пересоздания», приводящее к порождению смысла [3: с. 192]. В первую очередь это касается художественных произведений, так как именно анализ художественного текста позволяет выявить все типы информации, содержащиеся в нём [7: с. 91].

На восприятии и переосмыслении художественных произведений, служащих фундаментом для дальнейшего творчества, основан принцип действия метода рецептивной эстетики, активно используемого для анализа текстов. На сегодняшний день рецептивная эстетика — одна из ведущих областей литературоведения, так как изучает взаимосвязь психики человека и литературы [8: с. 32]. Основными категориями данного метода являются литературный опыт, его актуализация, эксплицитный и имплицитный читатель. В рамках исследования типов взаимодействия текстов в постмодернистском произведении Ж. Женеттом разработана классификация, включающая пять видов интертекста: интертекст, паратекст, метатекст, гипертекст и архитекткст [3: с. 435]. Рассмотрим основные аспекты философской книги «Аристос» и романа «Женщина французского лейтенанта» в контексте данной классификации. В философской книге «Аристос» и романе «Женщина французского лейтенанта» Фаулза нами было обнаружено три реминисценции из произведений Шекспира и четыре аллюзии на эпоху, жизнь и творчество поэта. Рассмотрим их подробнее.

Первую эксплицитную реминисценцию из поэзии Уильяма Шекспира и его трагедии «Гамлет» Джон Фаулз помещает в пункте 82 (10 раздел «Значение искусства» (*The Importance of Art*)) книги «Аристос». Автор рассуждает о сходствах, различиях и взаимосвязи поэзии и науки (п. 79–84) и полемизирует с учёными, называющими язык науки универсальным средством выражения мысли, утверждая, что наиболее точным орудием человека является слово, а поэзия — лучший и наиболее полезный для человеческой памяти способ применения этого орудия: *...the word is man's most precise and inclusive tool; and poetry is the using of this most precise and inclusive tool memorably* [1: p. 206]. При этом писатель подчёркивает, что Шекспир, в первую очередь, является поэтом, и рассматривает его драму как поэтическое произведение, так как для Фаулза важен поэтический язык

Шекспира, который, по его мнению, намного выразительнее языка науки. Это автор демонстрирует на примере:

If he had been such a scientist, Shakespeare would have begun Hamlet's famous soliloquy with some properly applicable statement, such as 'The situation in which I find myself is one where I must carefully examine the arguments for and against suicide, never forgetting that the statements I shall make are merely emotional verbal statements about myself and my own present situation and must not be taken to constitute any statement about any other person or situation or to constitute anything more than biographical data' [1: p. 207].

Процитированную реминисценцию следует трактовать как проявление гипертекстуальности, обнаруживающейся в пародировании текста Шекспира и осмеянии таким образом тезиса об универсальном значении языка науки.

Вторая эксплицитная реминисценция в Главе 5 романа «Женщина французского лейтенанта» представлена сравнением Чарльза и Эрнестины с Ромео и Джульеттой соответственно:

So her relation with Aunt Tranter was much more that of a high-spirited child, an English Juliet with her flat-footed nurse, than what one would expect of niece and aunt. Indeed, if Romeo had not mercifully appeared on the scene that previous winter, and promised to share her penal solitude, she would have mutinied; at least, she was almost sure she would have mutinied [2: p. 29].

С точки зрения метода рецептивной эстетики данная реминисценция является классическим примером интертекста как соприсутствия двух текстов (Фаулза и Шекспира) в одном произведении.

Обратим внимание, что Глава 5 посвящена описанию личности и жизненных обстоятельств Эрнестины, через которое наиболее полно раскрывается её характер. В основе сюжета романа лежит традиционный для Фаулза любовный треугольник, где главный герой Чарльз Смитсон должен сделать экзистенциальный выбор между двумя женщинами — своей невестой Эрнестиной Фриман и новой возлюбленной Сарой Вудрафф — яркой и самостоятельной личностью, не побоявшейся бросить вызов обществу. Одновременно герой выбирает между долгом и чувством, конформизмом и свободой, добрым именем и собственным «я». Автор предлагает читателю выбрать вместе с героем один из трёх вариантов финала, что является интересным приёмом композиции постмодернистского романа.

Изнеженная, капризная, не приспособленная к жизни, Эрнестина представляет собой типичную для Викторианской эпохи девушку из богатой семьи. Композиционно, через указанную реминисценцию Фаулз осуществляет переход от характеристики семьи Эрнестины к описанию её чувств к Чарльзу (она влюблена и мечтает о скорой свадьбе). В содержательном и образном планах подобное сравнение основано на различии в социальных статусах семей Смитсон и Фриман. Чарльз происходит из обедневшего аристократического рода, а отец Эрнестины — яркий представитель набирающей силу буржуазии.

Следует также отметить заключённую в рассматриваемой реминисценции иронию, указывающую на отношение автора к истории Чарльза и Эрнестины, а в широком смысле — на традиционные ценности викторианской Англии.

В Главе 12 можно выявить эксплицитную реминисценцию из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», которая также представляет собой интертекст:

*There was an antediluvian tradition (much older than Shakespeare) that on **Midsummer's Night** young people should go with lanterns, and a fiddler, and a keg or two of cider, to a patch of turf known as Donkey's Green in the heart of the woods and there celebrate the solstice with dancing* [2: p. 81].

Как любой интертекст, указанная реминисценция подразумевает актуализацию литературного опыта читателя. Композиционно реминисценция приведена в описании Вэрской пустоши, где происходили встречи Чарльза с Сарой. Глава 12 посвящена одной из них. Читателю с большим литературным опытом становится очевидным, что автор проводит параллель между героями пьесы Шекспира и своего романа. Вспомним, что персонажи указанной комедии, находясь в волшебном лесу, меняют объект своей любви под действием колдовских чар. Нечто подобное произойдёт и с Чарльзом, когда у него возникнут чувства к Саре. Таким образом, читатель (прежде всего имплицитный) может предугадать дальнейшее развитие сюжета. Такова роль данной реминисценции в образном и содержательном планах рецепции романа Фаулза.

В романе Фаулза «Женщина французского лейтенанта» выявлено четыре аллюзии на творчество, эпоху и личность Шекспира. Приведём один из примеров, где упоминается кружка, купленная Сарой на деньги Чарльза (Глава 36):

*She began with a Staffordshire teapot with a pretty colored transfer of a cottage by a stream and a pair of lovers (she looked closely at the lovers); and then a **Toby jug**, not one of those garish-colored monstrosities of Victorian manufacture, but a delicate little thing in pale mauve and primrose-yellow, the jolly man's features charmingly lacquered by a soft blue glaze (ceramic experts may recognize a Ralph Wood)* [2: p. 241].

Согласно классификации Ж. Женнета, данная аллюзия может быть отнесена к категории интертекста. Популярная в Великобритании разновидность кружки названа так в честь одного из героев пьесы Шекспира «Двенадцатая ночь» Тоби Белча, весёлого пьяницы и балагура. Для анализа приведённой выше аллюзии целесообразно обратиться к другому современному методу исследования — методу литературной герменевтики, который подразумевает наличие разных уровней понимания и продвижение от одного уровня к другому по так называемому «герменевтическому кругу».

На первом круге понимания процитированный фрагмент воспринимается читателем как эксплицитная аллюзия на известную в Великобритании кружку, названную в честь шекспировского персонажа. Однако читатель с большим литературным опытом выходит на второй, более глубокий уровень понимания, вспоминая сюжет пьесы Шекспира «Двенадцатая ночь». Становится ясно, что

автор проводит параллель между Сарой, героиней своего романа, и Виолой, героиней пьесы Шекспира. Виола после кораблекрушения оказывается в чужой стране и влюбляется в герцога Орсино, добивающегося руки и сердца другой девушки, Оливии. Также и Сара в Главе 36 романа Фаулза «Женщина французского лейтенанта» оказывается в Эксетере. Перед этим она переживает расставание с Чарльзом — потрясение, равносильное кораблекрушению. Подобно Виоле, она остаётся без дома и работы, одна в чужом городе. Двух героинь объединяет прежде всего сначала безответная, затем взаимная любовь к несвободному мужчине.

Вторая аллюзия, эксплицитная, заключается в упоминании Фаулзом так называемого «шекспировского» воротника:

*A kind of magical samovar, whose tap was administered by Mary, dispensed an endless flow of gloves, scarves, stocks, hats, gaiters, Oxonians (a kind of shoe then in vogue) and collars—Piccadilly's, **Shakespeare's**, Dog-collar's, Dux's... [2: p. 182].*

Данная аллюзия также представляет собой пример узнаваемого интертекста — своеобразного культурного кода англичан.

С помощью третьей и четвертой аллюзий (Глава 22) Фаулз отсылает читателя к Елизаветинской эпохе (1558–1603):

*There was one such, an **Elizabethan** manor house in the village of Winsyatt, almost in view of the great house [2: p. 167].*

*I know those old houses. Dozens of wretched little rooms. I think **the Elizabethans** were all dwarfs [2: p. 187].*

Обе аллюзии важны для содержательного и образного планов текста, так как «Женщина французского лейтенанта» — роман о Викторианской эпохе, которую писатель при помощи аллюзий сопоставляет с Елизаветинской. На первом круге понимания приведённая выше цитата воспринимается как эксплицитная аллюзия на определённый период в истории Англии. На втором уровне понимания в контексте углублённого анализа произведения аллюзия может быть расценена как имплицитная на оценку творчества Шекспира, так как образованный читатель знает, что Шекспир жил и творил в Елизаветинскую эпоху. Сквозь призму такого понимания аллюзии читатель обращает внимание на поверхностность характера Эрнестины (процитированную выше четвёртую аллюзию обнаруживаем в её речи), а также на прагматичность викторианского общества, для которого размеры и удобство жилища становятся важнее искусства и красоты.

Таким образом, анализ показывает, что рассмотренные шекспировские реминисценции и аллюзии в произведениях Дж. Фаулза глубже раскрывают проблемы поэтического творчества и самооценности поэзии («Аристос»), особенности сюжета, характеры героев романа, отличительные черты Викторианской эпохи в целом и отношение автора к ней («Женщина французского лейтенанта»).

Библиографический список

Источники

1. *Fowles J.R.* The Aristos. London: Jonathan Cape Ltd., 1980. 218 p.
2. *Fowles J.* The French lieutenant's woman: A novel. Frogmore, St. Albans (Herts): Triad / Panther books, 1979. 399 p.

Литература

3. *Женетт Ж.* Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
4. *Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кириозе З.И.* Методы литературы. Системно-синергетический подход: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 200 с.
5. *Левакин Н.Н.* Художественная рецепция как литературоведческое понятие (к вопросу понимания термина) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2012. № 27. С. 308–310.
6. *Меркулова М.Г.* Ретроспекция в трагедии Шекспира «Гамлет» // Филологические науки. 2006. № 5. С. 33–43.
7. *Миттельман К.О.* Короткий рассказ как объект лингвистического и литературоведческого анализа // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 2. С. 91–96.
8. *Хлыстова А.В.* Инновационные методы анализа суггестивной образности художественного текста // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2. С. 32–36.
9. *Becker-Leckrone M.* Julia Kristeva and Literary Theory. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 215 p.
10. *Clayton J., Rothstein E.* Figures in the Corpus: Theories of Influence and Intertextuality. Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1991. 349 p.
11. *Foster T.C.* Understanding John Fowles. Columbia: University of South Carolina, 1994. 275 p.
12. *Jodar A.R.* A Stranger in a Strange Land: An Existentialist Reading of Fredrick Clegg in *The Collector* by John Fowles. Zaragoza: Atlantis, 2006. P. 45–55.
13. *Kermode F.* Introduction to the *Tempest*. London: Picador, 1989. P. 1–28.
14. *Srigley M.* Images of Regeneration: A Study of Shakespeare's *The Tempest* and Its Cultural Background. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 1985. 182 p.

References

Istochniki

1. *Fowles J.R.* The Aristos. London: Jonathan Cape Ltd., 1980. 218 p.
2. *Fowles J.* The French lieutenant's woman: A novel. Frogmore, St. Albans (Herts): Triad / Panther books, 1979. 399 p.

Literatura

3. *Zhenett Zh.* Figury: v 2 t. M.: Izd-vo im. Sabashnikovy'x, 1998. 944 s.
4. *Zinchenko V.G., Zusman V.G., Kirioze Z.I.* Metody' literatury'. Sistemno-sinergeticheskij podxod: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2010. 200 s.
5. *Levakin N.N.* Xudozhestvennaya recepciya kak literaturovedcheskoe ponyatie (k voprosu ponimaniya termina) // Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo. 2012. № 27. S. 308–310.

6. *Merkulova M.G.* Retrospekciya v tragedii Shekspira «Gamlet» // *Filologicheskie nauki*. 2006. № 5. S. 33–43.
7. *Mittelman K.O.* Korotkij rasskaz kak ob”ekt lingvisticheskogo i literaturovedcheskogo analiza // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy’ka. Yazy’kovoje obrazovanie»*. 2008. № 2. S. 91–96.
8. *Xly’stova A.V.* Innovacionny’e metody’ analiza suggestivnoj obraznosti xudozhestvennogo teksta // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy’ka. Yazy’kovoje obrazovanie»*. 2014. № 2. S. 32–36.
9. *Becker-Leckrone M.* Julia Kristeva and Literary Theory. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 215 p.
10. *Clayton J., Rothstein E.* Figures in the Corpus: Theories of Influence and Intertextuality. Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1991. 349 p.
11. *Foster T.C.* Understanding John Fowles. Columbia: University of South Carolina, 1994. 275 p.
12. *Jodar A.R.* A Stranger in a Strange Land: An Existentialist Reading of Fredrick Clegg in *The Collector* by John Fowles. Zaragoza: Atlantis, 2006. P. 45–55.
13. *Kermode F.* Introduction to the *Tempest*. London: Picador, 1989. P. 1–28.
14. *Srigley M.* Images of Regeneration: A Study of Shakespeare’s *The Tempest* and Its Cultural Background. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 1985. 182 p.

А.Ю. Друцэ

Реализация стратегий и тактик уклонения от ответа в современном дипломатическом дискурсе

Статья посвящена анализу стратегий и тактик уклонения от ответа в современном дипломатическом дискурсе на материале интервью главного редактора радио «Эхо Москвы» А. Венедиктова с послом США на Украине Дж. Пайеттом. Исследование различных случаев употребления той или иной тактики уклонения в зависимости от реакции интервьюера позволяет составить классификацию наиболее успешных способов достижения дипломатом своей коммуникативной цели.

The article presents an analysis of deviation strategies and tactics in modern diplomatic discourse based on the interview of Radio Echo Moscow's editor-in-chief A. Venediktov with the USA ambassador to Ukraine J. Payette. Analyzing different cases of using deviation tactics depending on the interviewer's reaction can give an opportunity to make a classification illustrating successful methods of achieving communicative goals.

Ключевые слова: дипломатический дискурс; тактика уклонения; коммуникативная цель.

Keywords: diplomatic discourse; deviation tactic; communicative goal.

Иntenсивное исследование языка во второй половине XX века, выдвижение в лингвистике новых парадигм научного знания оказались естественно связанными с появлением целого ряда новых областей анализа и, соответственно, новых понятий и терминов, среди которых возникает понятие *дискурс*. «Воспользуемся вначале рабочим определением дискурса, которое можно обозначить как культурно-историческое: дискурс есть фрагмент лингвокультурной реальности конкретного языкового сообщества, опирающийся на сложную систему традиций, обычаев, обрядов, неписаных правил, задающий параметры порождения и интерпретации любого социально значимого поведения человека, в том числе — и его речевых произведений» [10: с. 61]. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «большую роль в становлении понятия дискурс сыграло критическое отношение к жёсткому противопоставлению *знания языка (competence)* и его *использованию (performance)* в трудах Ноама Хомского и его последователей. Работы прагматического толка продемонстрировали и доказали условность границ между знанием и владением, между знаниями двух типов (ср. “знать что” и “знать как”) — *декларативным* и *процедурным*. В конечном счёте для человека важнее всего *competence to perform*, т. е. знание языка

в целях его адекватного использования» [8: с. 9]. По утверждению Э. Бенвениста, дискурс может быть охарактеризован как «функционирование языка в живом общении» [3: с. 5–16]. В таком случае возникает вопрос об универсальной цели общения, ответ на который был дан в работах А.А. Леонтьева: «главная цель общения — это воздействие» [9: с. 23]. Отметим, что этот вывод полностью соответствует мысли Э. Бенвениста, определявшего дискурс «в самом широком смысле, как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определённым образом воздействовать на второго» [3: с. 37]. Воздействующая сила речи хорошо известна. Вместе с тем далеко не всегда отчётливо осознаётся, что функцию воздействия реализует любое высказывание, к какой бы сфере коммуникативной практики оно ни относилось. Не только политический или рекламный дискурс предусматривает психологическое воздействие; всякое обыденное и, казалось бы, нейтральное высказывание предполагает воздействие на восприятие мира и, прямо или косвенно, регуляцию поведения адресата.

Базовой основой подходов к определению функций языка в современной лингвистике являются работы К. Бюлера и Р. Якобсона. К. Бюлер выделяет три функции языка, соотнося их с тремя ведущими компонентами коммуникации (отправитель, получатель, предмет и ситуации): экспрессивную, апеллятивную и репрезентативную [5: с. 34]. В зависимости от ориентации на один из компонентов коммуникации (адресат, адресант, референт, сообщение, контакт и код) Р. Якобсон выделил шесть функций языка [13: с. 20]. Функция, ориентированная на адресата, называется *коннотативной*. Многочисленные синонимы, встречающиеся в литературе (*волюнтативная, вокативная, призывно-побудительная*), выражают идею реализации интенции отправителя сообщения, донесение информации до адресата. Е.И. Шейгал предлагает использовать термин «регулятивная функция», так как он «подчёркивает роль языка в регуляции поведения адресата» [12: с. 28]. *Регулятивная функция* может быть ведущей, например, в политическом, публицистическом, педагогическом дискурсе. В бытовом дискурсе она бывает менее выражена, хотя в любом акте общения коммуниканты преследуют определённые цели, которые, так или иначе, предполагают оказание воздействия [2: с. 23]. Исходя из главной цели дипломатического дискурса — достижения коммуникативной цели, регулятивная функция является здесь ключевой. Следует отметить, что регулятивная функция включает в себя несколько взаимосвязанных компонентов, таким образом, с позиции целей нашего исследования, в данной работе рассматривается *стратегия уклонения и реализующие её тактики ухода от ответа*. Для рассмотрения и анализа различных случаев использования стратегии и тактик уклонения в дипломатическом дискурсе следует дать определение и описать вышеуказанные термины.

Разные исследователи предлагают различные классификации речевых стратегий, основанные на тщательных наблюдениях и анализе современной диалогической речи. Наиболее структурированной можно считать

классификацию коммуникативных стратегий и тактик, предлагаемую О.С. Иссерс. Учёный понимает под *коммуникативной стратегией* «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [7: с. 54]. О.С. Иссерс считает, что стратегии и тактики речевого поведения непосредственно связаны с основными этапами речевой деятельности — планированием и контролем, поэтому стратегия представляет собой «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнёра» [7: с. 56].

С позиции психолингвистики под стратегией понимается «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта», «осознание ситуации в целом, определение направления развития и организация воздействия», «развёрнутая во времени установка субъекта на общение» [6: с. 78–82]. «В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего» [4: с. 178].

Мы принимаем психолингвистическое определение стратегии и считаем, что с точки зрения речевого воздействия стратегию можно рассматривать только с помощью анализа тактик (*стратегия* в переводе с греческого (*stratos* «войско» + «*ago*» веду) — искусство планирования, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах; *тактика* (*греч.* «искусство построения войск») — это использование приёмов, способов достижения какой-либо цели, линия поведения кого-либо).

В общем смысле стратегии и тактики уклонения изучаются в бытовом, институциональном, юридическом, политическом дискурсе, но мало проанализированы в дипломатическом дискурсе ввиду того, что сам дипломатический дискурс недостаточно изучен на настоящий момент. Тем не менее дипломатический дискурс по существу является выражением всего комплекса взаимоотношений между человеком и обществом, и, таким образом, это явление по сути своей функционально направлено на формирование у реципиентов некоторого фрагмента мировосприятия или картины мира. Изучая дипломатический дискурс, можно понять, как в разных языковых коллективах моделируются культурные ценности, как пропагандируется социальный порядок, какие элементы языковой картины мира остаются за пределами сознательных речевых стратегий говорящих, как формируется концептуальная картина мира, присущая каждому языковому коллективу. «В структуре дискурса доминирует стремление к ясному, насколько это представляется возможным в специфических условиях дипломатических переговоров, изложению своей позиции, выяснению точки зрения другой стороны, уточнению взаимопонимания» [11: с. 51].

Принимая во внимание то, что целью нашего исследования является изучение стратегий и тактик в современном дипломатическом дискурсе, а одной из главных задач — составление типологии стратегий и тактик ухода от ответа, изначально следует рассматривать взаимосвязь использования той или иной тактики с исходом беседы, реакцией интервьюера и аудитории. Таким образом, следует обозначить, что в сфере дипломатии тактика ухода от ответа может быть классифицирована как «успешная» или как «неуспешная».

«Успешной» можно считать случай ухода от ответа, при котором дальнейшая коммуникация совершается без возвращения к первоначальному, нежелательному для дипломата вопросу, что является основной задачей говорящего, уклоняющегося от ответа. «Неуспешной» тактикой уклонения можно считать соответственно случай, при котором интервьюер возвращается к вопросу, тем самым демонстрируя аудитории, что ответ так и не был получен. «Неуспешная» тактика ухода от ответа, как правило, может свидетельствовать о неподготовленности дипломата к обсуждению какого-либо вопроса. В зависимости от ситуации необдуманная тактика уклонения может быть замечена только журналистом или в другом случае широкой аудиторией, что влечёт за собой негативную реакцию общественности.

Следует отметить, что в ряде случаев интервью уже заранее предполагает противопоставление точек зрения интервьюера и дипломата на тот или иной вопрос. К таким случаям, как правило, относятся резко сменившаяся политическая ситуация, изменения в дипломатических отношениях между странами или события, требующие срочных комментариев сторон. Такой тип дискурса кардинально отличается от других случаев и интервью с дипломатами по общим вопросам. В данных ситуациях дипломат заранее знает, в чём будет заключаться основная тема и может предположить специфику вопросов. Следует указать, что, принимая во внимание уже устоявшуюся позицию страны по определённой теме, дипломат в ходе интервью преследует цель не отклоняться от внешнеполитического курса своего правительства. Таким образом, в каждом его ответе прослеживаются чётко сформулированные выводы, вне зависимости от заданных вопросов. Вышеописанную тактику уклонения можно отнести к такой её разновидности, как *тактика обобщения*, которая является одной из самых распространённых, а также даёт возможность выделения новой тактики, такой как *тактика условного ответа*.

Большой интерес с точки зрения иллюстрации вышесказанного представляет интервью с послом США на Украине Дж. Пайеттом. Беседа состоялась 10 марта 2014 года, интервьюер — журналист, главный редактор радио «Эхо Москвы» А. Венедиктов (курсив наш. — *А.Д.*).

<p>(1) А. ВЕНЕДИКТОВ — В связи с этим ещё одно расследование, вы знаете, господин посол, по поводу истории со снайперами. В этой связи вопрос, готовы ли США, интересуется ли США помочь в расследовании истории со снайперами, действительно ли были там, действительно так, агенты ФБР будут работать по этому. Или Вас это не интересуется?</p>	<p>Д. ПАЙЕТТ — Мы очень заинтересованы определить, кто виноват в действиях снайперов. И кто отвечает, чтобы они были подвергнуты суду. Как я уже говорил на своей первой пресс-конференции, Совет Европы ведёт это расследование по снайперам. И вы помните, что соглашение, по которому Совет Европы будет вести это расследование, было вписано в соглашение от 21 февраля. Мы также говорим с экспертами из ООН, из ОБСЕ, и, если нас пригласят и попросят, наша роль будет поддерживающая это расследование. Но совершенно ясно, что этот случай работы снайперов на Институтской улице — это не просто случай нарушения прав человека... Это требует очень высокого качества экспертизы. И очень глубокого расследования этого события.</p>
<p>(2) А. ВЕНЕДИКТОВ — <i>Но я думаю, что вы говорили с госпожой Эштон или господином Паэтом, что всё-таки имелось в виду в их разговоре, когда господин Паэт якобы сказал, что, возможно, эти снайперы были направлены кем-то из оппозиции. Вы сами разговаривали.</i></p>	<p>Д. ПАЙЕТТ — <i>В Киеве нет никого, кто бы верил в то, что было хоть какое-то вовлечение оппозиции в работу снайперов. И очень много видео, которое можно увидеть на Ютубе. Которое показывает, что это люди военного типа, похожие на подготовленных боевых снайперов. Но все это требует, повторяю, серьёзного, профессионального, глубокого расследования.</i></p>
<p>(3) А. ВЕНЕДИКТОВ — <i>Но ведь вы лично знали президента Януковича, вы с ним общались. Он одно время не принимал силовых мер. Потом что-то повернулось, и он стал применять силовые меры. Вопрос: что повернулось?</i></p>	<p>Д. ПАЙЕТТ — <i>Отличный вопрос, который надо бы задать Януковичу завтра на пресс-конференции.</i></p>
<p>(4) А. ВЕНЕДИКТОВ — <i>Зададут. Следующий вопрос. Я бы хотел немножко сменить тему. Какую финансовую помощь и на каких условиях правительство США будет оказывать Украине?</i></p>	<p>Д. ПАЙЕТТ — <i>Позвольте мне сказать, поскольку вы приехали особенно из Москвы, это имеет значение. США, Европа, Россия — у всех есть серьёзные интересы в том, чтобы Украина была экономически здоровой страной. И для того чтобы ей быть экономически здоровой страной, Украине нужны стабильные, уважительные отношения с Россией. Она, не говоря уже о долгих исторических и культурных связях, имеет глубокие, серьёзные торгово-экономические связи. Поэтому</i></p>

	я надеюсь, что мы можем построить максимально широкий международный альянс. Чтобы помочь Украине преодолеть экономические вызовы...
(5) А. ВЕНЕДИКТОВ — <i>Вы не шутите, господин посол? Накануне войны за Крым? Альянс?</i>	Д. ПАЙЕТТ — <i>Должен быть широкий международный..., чтобы построить стабильную, экономически здоровую Украину. И Россия имеет очень серьёзный интерес в том, чтобы это реализовалось. Именно потому, что у российских банков миллиарды долларов вложены в украинскую экономику. Россия — голосующий член МВФ. После того как российские займы были предложены в декабре, я публично заявил, что это не решит никаких украинских проблем. Потому что Украина не страдает от недостатка наличности или ликвидности. Она страдает от структурных экономических диспропорций. Искажённого рынка энергосырья... Всё это должно быть совместными усилиями преодолено. Все эти трудности надо преодолевать совместными усилиями.</i>
(6) А. ВЕНЕДИКТОВ — <i>Это второй американский посол-романтик после Макфола...</i>	

Рассмотрим вышеприведённый текст с тех теоретических позиций, которые были указаны выше.

Первоначально вопрос Венедиктова (1) завуалированно предполагал рассмотрение точки зрения США по данной теме, а именно каким образом будет проведено расследование, заинтересовано ли США в нём и какие результаты, возможно, уже имеются или предполагаются. Посол отвечает, что США заинтересованы в выяснении обстоятельств дела, но дальнейшие комментарии *обобщаются* и сведены к слову «расследование», которое в достаточно коротком ответе употребляется г-ном Пайеттом три раза и один раз заменяется синонимом «экспертиза». Таким образом, *тактика обобщения* свелась к *повторению* (слово «расследование» в ответе Дж. Пайетта) одного понятия и акцентированию внимания на возможных результатах действий. Далее последовал ещё один уточняющий вопрос (2), о возможных причастных лицах и комментариях коллег. В ответе посол ссылается на людей, чьих имён не называет. В таких случаях информация воспринимается как не подкреплённая фактами, таким образом обнаруживая нежелание общественного деятеля отвечать на вопрос конкретнее. Посол также призывает ознакомиться с видео

на Ютубе и убедиться в том, что рассматривается, исходя из его предыдущих комментариев, как очевидность. Г-н Пайетт выражает абсолютную уверенность в положении дел, но указывает на необходимость расследования. Таким образом, второй ответ входит в противоречие с первым, который предполагал отказ от комментариев до завершения расследования.

При анализе интервью становится очевидным изменение тактики уклонения дипломатическим деятелем. В данном случае это остаётся незамеченным журналистом, у дипломата появляется возможность успешно защитить свою позицию в данном вопросе. После фразы интервьюера об «отсутствии действий стороны» (3), Дж. Пайетт указывает на необходимость перенаправить вопрос напрямую Януковичу. Тактика уклонения в данном ответе неочевидна аудитории и очень уместна, о чём свидетельствует оглашение даты пресс-конференции с В. Януковичем. После следующего вопроса (4) о возможной материальной помощи от США посол кардинально сменил тему разговора. Возможно, уклонение от вопроса не было бы таким явным, если бы ответ не противоречил ситуации: «И для того чтобы ей быть экономически здоровой страной, Украине нужны стабильные, уважительные отношения с Россией...». Принимая во внимание обострение дипломатических отношений России и США на указанный промежуток времени, очередной вопрос журналиста (5) содержит явное удивление, вызванное оптимистическим настроением посла. Дж. Пайетт повторяет предыдущий ответ несколько более развёрнуто. *Тактика обобщения* в этом случае вызвала ещё более саркастичное замечание А. Венедиктова о традиционной романтичности послов США. Заключительный фрагмент представляет собой очень интересную взаимосвязь употребления тактики уклонения и ведения интервью журналистом.

После первоначального вопроса посол отказывается комментировать личную беседу, что представляет собой профессиональную реакцию дипломата на данного рода тему, поэтому интервьюер конкретизирует вопрос по существу разговора, игнорируя комментарии Пайетта во втором случае. Дальнейшая тактика уклонения посла не отличается от тех, к которым он обращался ранее в данном интервью. Обобщённый комментарий, не содержащий ответа на вопрос, порождает новый вопрос: «Почему вы верите, что за неделю до референдума этот вопрос может ещё быть решён?».

Не меняя позиции, Дж. Пайетт говорит: «Потому что я убеждён, что Россия так же, как и Европа, так же, как США, признает: в долгосрочной перспективе никто не заинтересован в перекройке карты Европы...».

«Кажется, это был ответ, что Обама сказал Путину. Спасибо большое, господин посол», — парирует Венедиктов. Уклонившись в данном случае от вопроса о решении проблемы, посол невольно дал ответ на предыдущий, что не осталось незамеченным интервьюером.

Итак, проведённый нами анализ показывает, что вышеописанное интервью в некоторых случаях содержит комбинации тактик уклонения, к которым

обращается посол США. Прослеживаются как успешные (ответ с перенаправлением вопроса), так и менее успешные тактики. Неуспешно выбранные тактики уклонения обращают на себя внимание аудитории, и в первую очередь журналиста, что прослеживается по дальнейшим комментариям Венедиктова, и вновь заданные вопросы с элементами иронии и переспроса не могут остаться незамеченными.

Таким образом, можно сделать вывод, что дипломатический дискурс неразрывно связан с обращением к различным тактикам уклонения.

В целом, говоря о дипломатическом дискурсе, подчеркнём:

1) стратегию уклонения от прямого ответа можно охарактеризовать как тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения коммуникативной цели завуалировать отрицательный ответ на вопрос. В процессе коммуникации стратегия уклонения от прямого ответа реализуется набором тактик: *тактики повторов и переспросов; тактики задержки ответа; тактики смягчения категоричности ответа; тактики обобщения; тактики поддакивания; тактики собственно имплицитного отказа; тактики игнорирования; тактики иронии; тактики намёка; тактики условия*; а также комбинированными тактиками (включающими различные сочетания тактик);

2) современный дипломатический дискурс, безусловно, может быть охарактеризован появлением совершенно новых тактик уклонения, при детальном изучении которых появляется возможность создания детальной классификации «успешного» или «неуспешного» воздействия на аудиторию и эффективного достижения коммуникативной цели.

Библиографический список

Источники

1. Официальный сайт радио «Эхо Москвы», интервью с Джеффри Пайеттом. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/1275484-echo>.

Литература

2. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? // Человек. 1997. № 6. С. 108–118.

3. Бенвенист Э. Общая лингвистика: учеб. пособие. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

4. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Урал, 2001. 320 с.

5. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 235 с.

6. Веретёнкина Л.Ю. Стратегия, тактика и приёмы манипулирования // Лингвокультурологические проблемы толерантности: тезисы докл. Международ. науч. конф. Екатеринбург: Урал, 2001. С. 78–82.

7. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 288 с.

8. *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.

9. *Леонтьев А.А.* Деятельный ум (Деятельность, знак, личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.

10. *Радченко О.А.* Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 61–65.

11. *Терентий Л.М.* Интенциональная структура дипломатического дискурса: беседы между Л.И. Брежневым и Р. Никсоном // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (8). С. 47–56.

12. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.

13. *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории и перевода в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. С. 16–24.

References

Istochniki

1. Oficial'ny'j sajt radio «Echo Moskvu'», interv'yu s Geoffrey Pyatt. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/1275484-echo>

Literatura

2. *Baranov A.N.* Politicheskij discours: proshhanie s ritualom // Chelovek. 1997. № 6. S. 108–118.

3. *Benvenist E.* Obshhaya lingvistika. M.: Progress, 1974. 448 s.

4. *Borisova I.N.* Russkij razgovornyj dialog: struktura i dinamika. Ekaterinburg: Ural, 2001. 320 s.

5. *Buler K.* Teoriya yazy'ka. Rerezentativnaya funkciya. M.: Progress, 1993. 235 s.

6. *Veretenkina L.U.* Strategiya, taktika i priyomy' manipulirovaniya // Lingvokul'turologicheskie problemy' tolerantnosti: tezisy' doklada Mezhdunarod. nauchn. conf. Ekaterinburg: Ural, 2001. S. 78–82.

7. *Issers O.S.* Kommunikativny'e strategii i taktiki russkoj rechi. Omsk: Omsk. gos. un-t, 1999. 288 s.

8. *Kubryakova E.S.* O ponyatijax diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike: obzor // Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost'. Funkcional'ny'e i strukturny'e aspekty': sb. obzоров. M.: INION RAN, 2000. S. 7–25.

9. *Leont'yev A.A.* Deyatel'ny'j um (Deyatel'nost', znak, lichnost'). M.: Smy'sl, 2001. 392 s.

10. *Radchenko O.A.* Issledovanie agressivnogo diskursa: problemy' i perspektivy' // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 1 (3). S. 61–65.

11. *Terentij L.M.* Intencional'naya struktura diplomaticheskogo diskursa: besedy mezhdu L.I. Brezhnevym i R. Niksonom // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 2 (8). S. 47–56.

12. *Shejgal E.I.* Semiotika politicheskogo diskursa: monografiya. Volgograd: Peremena, 2000. 367 s.

13. *Yakobson R.* O lingvisticheskix aspektax perevoda // Voprosy' teorii i perevoda v zarubezhnoj lingvistike. M.: Progress, 1978. S. 16–24.

К.С. Калинина

«Из жизни духа» И.А. Новикова как неореалистический роман

В статье анализируется роман И.А. Новикова «Из жизни духа» как неореалистическое произведение, в котором представлены реалистическое начало и черты модернистской поэтики; выявлены философский смысл романа, отход от позитивизма, лиризм и синкретизм повествования.

The article considers the novel «Of the Life of Spirit» by I.A. Novikov as a Neo-realist piece of writing. The study reveals the novel's realistic origin and features of modernist poetics, elicits its philosophical idea, lyricism, syncretism of narration and retreat from positivism.

Ключевые слова: роман; неореализм; реалистическое начало; модернистская поэтика; лиризм.

Keywords: novel; Neo-realism; realistic basis; modernist poetics; lyricism.

Исследователи русской литературы начала XX века относят раннее творчество И.А. Новикова к «новому реализму». Так, Е. Колтоновская в статье «Возрождение романа» (1916) отмечает присущие писателю особенности модернистской поэтики и традиционного реализма, «изысканность приёмов» и «обстоятельность... психологического анализа и внешней обрисовки лиц» [5: с. 29].

В начале XXI века интерес к этому художественному феномену возрождается на новом витке. М.В. Михайлова говорит о «новом Новикове» — «Новикове эпохи всеединства и неореалистических принципов творчества», который оказался с трудом «внедряемым» в современное литературоведение. «Неореалистические основы художественной системы писателя, — по словам исследователя, — верность которым он сохранил и в первое советское десятилетие», были заложены благодаря религиозно-мировоззренческому кризису начала XX века, усилению пантеистического мироощущения в христианской «огласке», а также дружбе с Б. Зайцевым [7: с. 10]. У.К. Абишева рассматривает раннюю прозу И.А. Новикова в одном ряду с произведениями Б.К. Зайцева, И.С. Шмелёва, С.Н. Сергеева-Ценского: «Идея личности сложной, глубокой, психологически тонкой, пребывающей в неразрывном единстве с Космосом», нашла отражение в ранних произведениях этих художников-неореалистов [2: с. 49].

Термин «неореализм» В.А. Келдыш определяет «как особое течение внутри реалистического направления, больше, чем другие, соприкасавшееся с процессами, протекавшими в модернистском движении, и освобождавшееся от сильного натуралистического веяния, окрасившего широкое реалистическое движение предыдущих лет» [4: с. 262].

У.К. Абишева и Т.Т. Давыдова по-разному понимают неореализм начала XX века. Так, У.К. Абишева разделяет позицию В.А. Келдыша, считая, что неореализм — это «новый этап в развитии реализма» [2: с. 263].

От теории реализма «новой волны» отличается концепция неореализма («синтетизма») Т.Т. Давыдовой: «Неореализм — постсимволистское литературное модернистское стилевое течение 1910–1930-х гг., основанное на неореалистическом художественном методе. В этом методе синтезированы черты реализма и символизма при преобладании последних» [3: с. 28]. Вопросы развития неореализма и истории его изучения рассматриваются в сборнике научных статей «Неореализм в русской литературе конца XIX – первой трети XX века» [9].

Неореализм не имел разработанной теоретической программы, однако анализ исследований на эту тему позволяет выявить репрезентативные признаки, которые выделяют его внутри реалистического направления как самостоятельное течение:

- обращение к идеям и художественным принципам реализма, их специфическое восприятие и преломление;
- использование художественного арсенала модернистской поэтики (импрессионистические и экспрессионистические стилевые приёмы, символы и др.);
- тяготение к многомерному синтезу, жанрово-стилевым экспериментам;
- внимание к философской проблематике, метафизике и «вечным» темам;
- отказ от позитивизма, особое внимание к внутреннему миру героя, к жизни его души;
- опора на лирические принципы организации повествования.

«Из жизни духа» — первый роман И.А. Новикова. Произведение впервые было опубликовано в 1906 году в Санкт-Петербурге, второе издание вышло в 1916 году в Ярославле, и с тех пор роман не переиздавался. Известно, что работу над ним писатель начал в 1903 году, о чём можно судить на основе воспоминаний его современников: «И.А.Новиков в 1903–1904 годах в Гурзуфе писал роман «Из жизни духа» и каждый раз ставил перед собой розу» [8].

Роман «Из жизни духа» посвящён жизни и проблемам учащейся молодёжи, духовным борениям человека. Автор попытался создать художественное исследование внутреннего мира молодого поколения, отобразить настроения студенческой молодёжи в предреволюционные годы. О героях-студентах критика писала, что «это история жизни нежных и хрупких аристократов духа, которые не могут построить жизнь по своему идеалу» [10: с. 660].

Реалистическое начало проявляется в тексте на разных структурных уровнях. Так, в романе постоянно конкретизируется место действия (Ивановский проезд [1: с. 69], Выселки [1: с. 74], Петровка [1: с. 248], Москва [1: с. 253], Крым [1: с. 254]) и время описываемых событий («обаяние наступающей весны» [1: с. 13], «в парке слышали выстрел и нашли тотчас, и уже в восемь утра знали все» [1: с. 184], «дышало предчувствием осени, хотя август едва начался» [1: с. 248], «прощался с Москвой на те же два года» [1: с. 246], «всего три недели, как он из Москвы» [1: с. 253]).

Реалистические принципы повествования получают развитие в обращении к злободневным социальным и политическим проблемам: классового неравенства, морального разложения, революционных брожений, нарастающих в обществе. В романе есть революционеры (Григорий Огнев, Вася Неломов) и сочувствующие им (Безсонов), мученики (Груша, Борис) и грешники (Безсонов, Золотов).

Новиков умело передаёт жизненную конкретику, бытовые мелочи. Описывая обстановку в студенческом общежитии, автор обращает внимание на следующие реалии: «Грязноватые стаканы на столе, полудопитые и пустые, два больших жестяных чайника и маленький для чаю <...> Корочка лимона и огрызки колбасы; корка старого сыра» [1: с. 75]. Эпизод подготовки к экзаменам с упоминанием имён Сенебье, Сальма Горстмара [1: с. 128] позволяет предположить, что обучаются студенты в Сельскохозяйственной академии (студентом которой был сам Новиков).

В центре романа — взаимоотношения полов, освещавшиеся многими *модернистами*. Трагическая судьба Груши, обещанной студентом Золотовым, связь Бориса Игнатова и Лизы, душевные муки студента Безсонова, погрязшего в разврате, помогают раскрыть данную проблему с разных сторон. Развивая идею В.С. Соловьева о мистической сущности мира и любви, Новиков противопоставляет «плоть» и «дух»: «День света и духа и воскресения. И ночь тьмы и плоти и... смерти» [1: с. 181]. По мнению одного из героев, страсть — это «темный порыв», который уродует «простое, великое чувство любви, радости природы, обещание вечной жизни ей» [1: с. 18]. Два полюса человеческого характера — святое и звериное — показаны в произведении. Новиков продемонстрировал *новый тип художественного сознания*, характерный для писателей начала XX века.

Из многочисленных форм выражения *лирического начала* в романе И.А. Новикова наиболее глубокой является экспрессивная символика, переводящая содержание произведения из реально-бытового плана в *символично-романтический*. Одним из ключевых образов в произведении предстает образ сада. Впервые он появляется в 10 главе: «тенистый, глухой сад» [1: с. 40], «казалось, что сразу, после шума и света городских людских улиц, попал в старую, глухую усадьбу, где жили из поколения в поколение, любили, страдали и веселились древние помещичьи роды» [1: с. 41]. В саду происходят поворотные события, необходимые для развития любовной коллизии: впервые встречаются наедине Огнев и Зина, приоткрывается тайна чувств Аверьянова к Кире.

У неореалиста М.М. Пришвина «образ рая связывается с садом и с неким местом на границе между небом и землей» [3: с. 114]. Новиковский образ сада также включает в себе эту коннотацию — сад подобен раю. С одной стороны, это место, где герои могут остаться наедине со своими мыслями, найти умиротворение. С другой, именно в саду Лиза и Борис поддаются зову страсти, здесь происходит их «грехопадение». *Символика сада*, одновременно реального и символического, рождает философские представления о жизни.

Не менее важную роль в создании *лирико-философского* плана повествования играет пейзаж. Человеческие чувства в романе проецируются на природу.

Мотивы тишины, темноты, дождя передают боль, одиночество, тоску: «Жуткий это был вечер, ненастный, осенний; ветер окнами завывал, моросил частый дождик. Глухо на улице, вымерло все» [1: с. 42] (вечер, когда умер отец Огнева). Чаще всего в беспросветное время суток герои томятся одиночеством, нуждаются в ком-то, погружаются в размышления. Традиционно с рассветом дня приходит всё благое: «В доме все еще спали, и он был один с распускающимися деревьями, рано и бодро вставший <...> И душа, опять молодая, возродившаяся, жаждала новых впечатлений, была открыта навстречу им» [1: с. 85]. Весна связывается с надеждами, осень — со смертью, разочарованием, крушением ожиданий (отец Огнева умирает осенью; Огнев выходит из тюрьмы в начале августа, но автор отмечает, что «бодрящим холодом в наступающий вечер дышало предчувствие осени» [1: с. 248], и через три недели герой узнаёт о смерти Киры). Лирико-символическое значение в произведении приобретает описание грозы в заключительных главах романа: «Все небо в тучах. Черные демоны собрались со всей вселенной и ведут перебранку, и кто-то вторит им из самых недр земли, и дрожат горы» [1: с. 262]; «Грянул гром и налетел, закружил вихрь. Загрохотали тысячи пастей. Это был крик торжества и дикой радости, гимн стремительной и безумной, мировой великой борьбы» [1: с. 266]. В этих описаниях расшифровывается оценка мира как борьбы добра и зла, справедливости и несправедливости, счастья и страдания.

Ницшеанский мотив — «мир, покинутый Богом» [3: с. 113], характерный для *модернистской поэтики*, звучит неоднократно на страницах романа: «Нет силы, равной смерти, ибо нет Бога, нет бессмертия» [1: с. 173], «В храме просторно, — нет Бога. Но все полно ароматом его дыхания» [1: с. 247]. Герои произведения мучаются вопросами веры. Особенно остро переживает религиозный скептицизм Борис Игнатов: «Что делать? Боже, где правда? Где она? Куда идти душе, изломанной в этом мире земли и плоти? Если ты есть... Молю и рыдаю... И всю душу, всю трепещущую, обнаженную, несу тебе на алтарь... Где же Ты? Где? <...> Но не было отзвука» [1: с. 172].

Мотив смерти — ведущий мотив в творчестве Новикова, свидетельствующий о потребности в философском осмыслении жизни. Смертью героев заканчиваются многие произведения писателя. В романе «Из жизни духа» умирает от чахотки Кира, заканчивают жизнь самоубийством Груша и Борис, перед лицом смерти на дуэли стоят Петр Гагарин и Золотов. Образ смерти амбивалентен. С одной стороны, он вызывает дрожь, тревогу, ужас: «смерть всегда близка» [1: с. 116], «насмешливой, лживой улыбкой смерти» [1: с. 134], «ужасом пахнуло от этого слова» [1: с. 172]. В то же время смерть — это категория не вечная: «Да, смерть сильнее гения, сильнее беспокойного духа... Пока! Но придет и ее время. Придет смерть и для самой смерти...» [1: с. 174].

Художественный синтетизм в романе проявляется на разных уровнях: в тексте произведения взаимодействуют *фантастическое* и *мифопоэтическое*, *лирическое* и *философское* начала, присутствуют элементы агиографии.

Сон Огнева, с которого начинается произведение, ассоциируется с мотивом удаления подвижника в пустынь: герой идет по пустыне навстречу солнцу, песок жжёт его босые ноги, острые камешки вонзаются в кожу, хочется пить. Образы пустыни, океана, огня, Василиска, птиц в контексте произведения приобретают символическое звучание.

Синтез комического и философского реализуется в образе поэта Аверьянова, соседа Игнатовых по деревне. Комичен внешний вид этого человека: он тонок, сух, костляв, «громадна, не по туловищу голова его», «походил он на человека, только что вылезшего из пробирки алхимика» [1: с. 137]. Аверьянов близорук, но его глаза, «казалось, глядели в иной мир и видели там свое» [1: с. 139]. Образ поэта углубляется с помощью мистической детали: на его манжете висит череп, так герой приучает себя к мысли о смерти.

Синтетические представления о жизни и Вселенной нашли отражение в *идее русского космизма*, признававшего единство мира, целостный характер бытия и причастность человека к космосу. Стержневой принцип философского космизма — положение о единстве Макрокосма и Микрокосма — Вселенной и Человека. Борис Игнатов в разговоре с Петром Гагариным говорит о важности самовосприятия себя частью мироздания: «И пока есть эта вера, пока думаешь, что *ты хоть атом в этом великом потоке к свету из глубины*, тогда еще можно жить...» [1: с. 116] (курсив мой. — К.К.). На страницах романа прослеживаются многообразные связи изображаемой жизни. Автор высказывает мысль о том, что «ничто не проходит в мире бесследно и природа ревниво хранит все колыбели возможностей» [1: с. 71]. Доказательством этого может служить пересечение судеб Груши и Гагарина. Всего раза три-четыре видел Петя девушку в парке по праздникам, но и её взгляд остался в его памяти. Не понимая почему, Гагарин вспоминает Грушу, катаясь на лодке по пруду, а девушка в это время сидит на берегу и готовится к самоубийству. Эта внутренняя связь героев свидетельствует о взаимовлиянии во Вселенной мыслей, судеб, событий.

Обратимся к проблеме *личности и среды* в романе. Новиков делает акцент на *активности* личности, а не на *зависимости от социального окружения*. Писателя привлекает *метафизическое, природное*. Название романа «Из жизни духа» настраивает на погружение во внутренний мир человека. Для героев произведения характерны созерцательность, погруженность в собственные раздумья, философские искания, стремление к познанию бытия и желание достигать наивысших ценностей (например, Огнев мечтает о преобразованиях в стране, Борис Игнатов — о целомудренной святости).

«Почти в каждом из произведений Новикова рядом с рефлектирующими интеллигентами есть люди стихийного склада, чаще всего женщины» [6: с. 3]. В романе «Из жизни духа» такой героиней является старшая сестра Бориса Игнатова — Зинаида Петровна. Образ Зины строится с помощью *экспрессивных форм* выражения и контрастов: «она у нас бурная» [1: с. 44], «сильна она» [1: с. 45],

«сестра, такая резкая и жестокая на словах» [1: с. 58], «что-то неуравновешенное, и сильное, и красивое было в ней» [1: с. 191], «ваш голос — это звон колокольчика из серебра» [1: с. 145], «захотела совсем истерически, хотела еще выпить вина, но потеряла силы и, опустившись на стул, зарыдала» [1: с. 256]. Основные эпитеты, сопровождающие героиню, — «гордая», «сильная», «красивая», «одинокая».

Необычен *авторский стиль* повествования. Благодаря причудливой связи различных тропов писатель создаёт особенный язык произведения: «будет отвлечение невыразимое смешано с тайной и острой отрадой, с неотразимым влечением страсти» [1: с. 5], «оно смотрит на них тремя рядами глаз, наполовину закрытых и темных, наполовину светящихся» [1: с. 72], «было похоже, что это расцвел пламенно красный, пышный цветок, молодой, полный радости жизни» [1: с. 175] и др. *Экспрессивность* передаётся с помощью ритмической структуры повествования. Ритмизация достигается за счёт синтаксического параллелизма («Последний поцелуй. Последний взгляд. Последнее рыдание...» [1: с. 178]), обилия восклицательных, вопросительных предложений, многочисленных многоточий. *Импрессионистичность* стиля автора проявляется во фрагментарности синтаксиса и в структуре описаний, распадающихся на ряд небольших предложений: «Тихая гладь на воде. Упругая свежесть дышит в лицо. Ветер затих. Мягко, бесшумно плывут» [1: с. 25].

Итак, неореализм в романе «Из жизни духа» проявляется как на формальном, так и на мировоззренческом уровне. Своеобразное мировидение Новикова-неореалиста выражается в соединении реалистической достоверности с метафизическим устремлением к надвременному, невозможному. Структурообразующую роль в произведении играют синтетизм и отчётливая лирико-философская интонация. Модернистская поэтика реализуется в мотивах, в использовании мистических деталей, образов-символов, импрессионистического пейзажа и экспрессивных форм выражения.

Библиографический список

Источники

1. Новиков И.А. Из жизни духа: роман. 2-е изд. Ярославль: К.Ф. Некрасов, 1916. 269 с.

Литература

2. Абишева У.К. Неореализм в русской литературе 1900–1910-х гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. 284 с.
3. Давыдова Т.Т. Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция (Е. Замятин, И. Шмелёв, М. Пришвин, А. Платонов, М. Булгаков и др.): учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 336 с.
4. Келдыш В.А. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН. Наследие, 2000. 960 с.
5. Колтоновская Е. Возрождение романа // Русская мысль. 1916. № 5. С. 29–34.
6. Колтоновская Е. Преодоление рационализма (Творчество И. Новикова) // Речь. 1916. № 230. С. 2–4.

7. Михайлова М.В. Сборник И.А. Новикова «Яблочный барин» и другие рассказы»: принципы составления // Орловский текст российской словесности. Творчество И.А. Новикова: мат-лы Междунар. науч. конф. к 135-летию со дня рождения И.А. Новикова / Отв. ред. Л.В. Дмитриухина. Мценск: Мценск. центр. город. биб-ка им. И.А. Новикова, 2013. 130 с.

8. Полушина Т.В. Коллекция И.А. Новикова в собрании Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева (Штрихи к портрету писателя) / URL: <http://novikov-library.ru/index.php?menu=430413>, режим доступа: свободный.

9. Смирнова А.И. Неореализм в русской литературе XX века: современные аспекты изучения // Неореализм в русской литературе конца XIX – первой трети XX века: сб. науч. тр. М.: МГПУ, 2011. С. 46–56.

Справочные и информационные издания

10. Грачёва А.М. Новиков И.А. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т. / Под ред. Н.Н. Скатова. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 660–661.

References

Source

1. Novikov I.A. Iz zhizni duxa: roman. 2-e izd. Yaroslavl': K.F. Nekrasov, 1916. 269 s.

Literatura

2. Abisheva U.K. Neorealizm v russkoj literature 1900–1910-x gg. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2005. 284 s.

3. Davy'dova T.T. Russkij neorealizm: ideologiya, poe'tika, tvorcheskaya evolyuciya (E. Zamyatin, I. Shmelyov, M. Prishvin, A. Platonov, M. Bulgakov i dr.): ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2005. 336 s.

4. Keldy'sh V.A. Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-x godov). Kn. 1. M.: IMLI RAN. Nasledie, 2000. 960 s.

5. Koltonovskaya E. Vozrozhdenie romana // Russkaya my'sl'. 1916. № 5. S. 29–34.

6. Koltonovskaya E. Preodolenie racionalizma (Tvorchestvo I. Novikova) // Rech'. 1916. № 230. S. 2–4.

7. Mixajlova M.V. Sbornik I.A. Novikova «Yablochny'j barin» i drugie rasskazy': principy' sostavleniya // Orlovskij tekst rossijskoj slovesnosti. Tvorchestvo I.A. Novikova: mat-ly' Mezhdunar. nauch. konf. k 135-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Novikova. / Отв. ред. Л.В. Дмитриухина. Мценск: Мценск. центр. город. биб-ка им. И.А. Новикова, 2013. 130 с.

8. Polushina T.V. Kollekcija I.A. Novikova v sobranii Orlovskogo ob"edinyonnogo gosudarstvennogo literaturnogo muzeya I.S. Turgeneva (Shtrixi k portretu pisatelya) / URL: <http://novikov-library.ru/index.php?menu=430413>, rezhim dostupa: svobodny'j.

9. Smirnova A.I. Neorealizm v russkoj literature XX veka: sovremenny'e aspekty' izucheniya // Neorealizm v russkoj literature koncza XIX – pervoj treti XX veka: sb. nauch. tr. M.: MGPU, 2011. S. 46–56.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. Grachyova A.M. Novikov I.A. // Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety', dramaturgi: biobibliograficheskij slovar': v 3 t. / Pod red. N.N. Skatova. T. 2. M.: OLMA-PRESS Invest, 2005. S. 660–661.

Б.Н. Зикириллаев

Особенности жанра макамы в творчестве Сухбата Афлатуни

В статье рассматриваются особенности поэтики и стиля современного писателя Сухбата Афлатуни на примере его макамы «Год барана». С помощью метода компаративистики автор анализирует эту макаму и предпринимает попытку раскрыть специфику творчества русских писателей Узбекистана.

The article dwells on the features of the modern writer Sukhbat Aflatuni's poetics and style illustrated through the example of his maqama «The Year of the Ram». The author analyses the maqama «The Year of the Ram» using the comparative method and makes an attempt to reveal the creative specifics of Russian writers of Uzbekistan.

Ключевые слова: русская литература Узбекистана; макама; новелла; биментальность.

Keywords: Russian literature of Uzbekistan; maqama; short story; bimentality.

Современный поэт и прозаик Евгений Абдуллаев (Сухбат Афлатуни) в своём творчестве обращается к различным экзотическим жанрам художественной литературы. Среди повестей, эссе и романов автора ярко выделяется его относительно позднее произведение «Год барана», написанное в жанре «макамы». Напомним, что макама — жанр средневековой арабской прозы, повествующий о жизни талантливых плутов и мошенников. Героем макамы является образованный бродяга, который слоняется по городам и посёлкам халифата и добывает себе пропитание хитроумными проделками, где проявляется его необыкновенная находчивость и литературная одарённость. Жизненная основа этого персонажа восходит к распространённой в средневековых городах фигуре нищего литератора, плутовские проделки и остроумие которого стали сюжетом множества анекдотов. Основателем данного жанра принято считать Бадуззамона аль-Хамадани (970–1007), который создал более 400 текстов в жанре макамы. Своё развитие жанр получил в творчестве аль-Харири, перу которого принадлежат 50 макам. После этих двух корифеев арабской словесности к макамам обращались многие арабские, персидские, еврейские и египетские поэты, но все они имеют подражательный характер. В современной персидской и арабской литературе внимание этому жанру практически не уделяется. Макама не разработана и в европейской литературе. Исследования некоторых учёных обнаруживают влияние этого жанра на европейский плутовской роман.

Существует предположение, что макама возникла под влиянием античного жанра меннипеи, поскольку в обоих этих жанрах присутствуют следующие особенности:

- смешение высокого и низкого, серьёзного и комического, и вообще, по выражению М.М. Бахтина, «сближение далёкого и разъединённого, мезальянсы всякого рода» [4: с. 182];
- использование макаронического языка, резкая смена интонации, стиля и точек зрения, чередование поэзии и прозы;
- провокативное испытание общепризнанных истин, жанровых условностей и речевой иерархии;
- полное освобождение от авторитета предания или требований правдоподобия, свобода вымысла, приобретающего чаще всего авантюрно-приключенческий или фантастический характер;
- частое обращение к аллегории, склонность к смешению существ с разным онтологическим статусом;
- использование вставных жанров: новелл, писем, ораторских речей, стихотворной речи;
- изображение в качестве центрального персонажа странствующего мудреца или поэта, зачастую нищенствующего и от случая к случаю зарабатывающего на жизнь смекалкой и красноречием, вступающего в споры на базарных площадях, на больших дорогах, в тавернах, банях, на палубах кораблей [7: с. 47].

Макамы имеют схожие черты и с европейской новеллистикой. Так, «Год барана» Сухбата Афлатуни, отвечая канонам жанра макамы, имеет ряд параллелей с «Декамероном» Дж. Боккаччо. Как и в бессмертном литературном шедевре, главных персонажей Афлатуни вокруг костра собирает беда, только она рядится не в чуму общенародного масштаба, а оборачивается поломкой автомашины «Нексия», направлявшейся из Бухары в Ургенч.

Отметим, что термин «макама» происходит от арабского слова *مقام*, в переводе означает «сеанс», «собеседование», «стоянка», «место остановки», «беседа на собраниях». Именно на последние смысловые категории ориентируется Афлатуни, так как основная сюжетная линия его макамы базируется на остановке — стоянке попутчиков у костра.

Классическая арабская литература, в недрах которой зародились макамы, не имела драматургических жанров в сегодняшнем понимании. Арабисты-литературоведы обнаруживают черты драмы именно в макамах, коротких драматизированных произведениях, написанных рифмованной прозой. Ориентированные на фольклор, как по форме, так и по содержанию, макамы не были доступны простому человеку [5: с. 154]. «Стихию просторечия» в ней сдерживали «изысканная аристократичность выражений и ощущение снисходительного отношения к описываемым событиям, что достигается средствами мягкого юмора, пронизывающего изящный, как паутина, рассказ»¹. По утверждению востоковеда А. Меца, макамы были «литературой для риториков, а связность изложения для них не играла никакой роли. Они ценили только

¹ Грюнебаум Г. Основные черты арабо-мусульманской культуры. М.: Наука, 1981. С. 99; цит. по: [5: с. 154].

риторические ракеты, которые одна за другой взлетали из мрака “действия”» [6: с. 240].

Отдельный рассказ каждого персонажа макамы Афлатуни создаёт в итоге метатекст, однако в «Годе барана» рассказчики, во-первых, повествуют о своей жизни, во-вторых, все микротексты взаимосвязаны не только тематически, как в «Декамероне», но и судьбами главных персонажей. Героиня, названная Принцессой, приехавшая вслед за мужем в Москву, находит приют у русской женщины, которая доводится матерью другому пассажиру «Нексии» — Москвичу. А третий персонаж — Тельман Ким — был знаком с другом Москвича Кучкаром, который, в свою очередь, знал Принцессу, причём Ким писал статью про неё. Таким образом, С. Афлатуни вносит в своё произведение мотив рока, взаимосвязанности человеческих судеб. Эта тенденция, так называемый «эффект бабочки», является одной из основных тем творчества автора.

Для сравнения можно проследить эту тему в другом произведении Афлатуни «Ташкентский роман». Практически все образы: Лаги, Юсуф, отец Лаги, профессор Блютнер, Рафаэль, Артурик Афлатулин, Султан, фрау Марта — имеют точки соприкосновения. Так, профессор Блютнер, которому ассистировал Юсуф в степях Казахстана, в годы войны был знаком с отцом Лаги, более того, обнаруживается, что он был причастен к смерти Луизы — матери Лаги. Фрау Марта — жена профессора Блютнера — стала одним из близких друзей Султана. Рафаэль — один из трёх мужчин в жизни Лаги — уехал в Израиль, где и умер. Третий и последний мужчина Лаги, Артурик тоже оказался в Израиле, приехав туда на похороны своего друга Рафаэля. Артурик Афлатулин, как и Юсуф, был лично знаком с профессором Блютнером. Таким образом, вырастает своеобразное древо судеб, стволем которого можно назвать жизнь Лаги, а ветками — жизненные пути отдельных персонажей. При этом каждая ветка, будучи в непосредственной связи с главной сюжетной линией, не знает о существовании другой аналогичной ветки. Писатель намеренно связывает судьбы своих персонажей, для того чтобы показать, что жизнь каждого человека не случайна, что судьба — это закономерность и всё в этом мире подчиняется некой программе, которую люди называют по-разному: предопределение, рок, теснота мира, эффект бабочки...

Структура макамы «Год барана» несколько отличается от классического жанра ещё и тем, что рассказы персонажей выстраиваются не сразу, а обрывками, дополняя друг друга. Такой плавный переход из одного рассказа в другой очень напоминает форму «потока сознания». В отличие от других произведений писателя, где образ Ташкента играет центральную роль, события в макаме происходят, в основном, в Москве, Самарканде, Бухаре. Ташкент же, на наш взгляд, является периферийным локусом.

В роли центрального персонажа выступает Тельман Ким, он связывает отдельные микротексты с основной сюжетной линией, поскольку знает каждого рассказчика непосредственно или косвенно. Профессия журналиста

наделяет его красноречием, также необходимым качеством героя классической макамы. С главными персонажами макама аль-Хамадани — Абуль-Фатхом аль-Искандарани и Абу Зайдом из макама аль-Харири — Тельмана Кима сближают такие качества, как умение влиять на окружающих искусством слова, хитрость, изворотливость, низкий уровень благосостояния. Но если Абуль-Фатх — предприимчивый, ловкий, наглый и беззаботный бродяга, а в характере Абу Зайда сочетаются ловкость плута, доброта и великодушные народного героя, то Тельман Ким представляет собой разновидность трикстера: он неполноценный мужчина (был подвергнут кастрации по настоянию своего школьного учителя, который хотел таким образом продлить жизнь детскому голосу). Тельман не вызывает восхищения у окружающих (в отличие от Абуль-Фатха и Абу Зайда); при изображении действий и поступков главного героя отсутствует авторская симпатия, что признаётся концептуальным в классической макаме.

Однако анализ произведения в контексте всего творчества Афлатуни показывает, что во многих его сочинениях главным, правда несколько завуалированным, образом является женщина: в «Ташкентском романе» — Лаги, в «Гареме» — Арахна, а в «Годе барана» — Принцесса. Эти три образа имеют следующие общие черты:

1) загадочное, нетипичное для места обитания, мифологизированное имя, необходимое, вероятно, для того, чтобы указать на билингвальный, биментальный статус персонажа, который генетически связан с пограничьем восточной и русской культур;

2) неполноценность (с точки зрения обывателя), несчастная супружеская жизнь;

3) симпатия автора, выраженная в ласкательном имени Лаги, в наделинии Арахны детским заиканием, а также в имени героини макамы — статусном именовании: принцесса.

Отдельно надо сказать о второй черте — об ущербности, неполноценности, заложенных в структуру художественных образов Афлатуни. Например, в повести «Гарем» главный персонаж Иоан Аркадьевич предстаёт с усечённым именем (отсутствует вторая буква -н-), в туфлях со стоптанными каблуками, в которых его рост равен 171 см, с редкими и пегими волосами, да и жёны его ему под стать — одноглазая Гуля, калека Зоя, Первая Жена, «уже не помнящая ничего из своей биографии, а только фильмы», «иглотерапевт Зухра со своими ржавыми иглами» [2: с. 1]. В «Годе барана» им вторят Тельман Ким, ставший бесплодным (в прямом, физиологическом смысле) ради «искусства»; Принцесса, стерилизованная где-то в Намангане — по случайности, для плана; Москвич, не удостоенный автором имени, как и Принцесса, и не имеющий ни семьи, ни детей.

Другой, не менее важной деталью в макаме является образ потерянного детства. Все персонажи произведения имеют несчастную судьбу: Тельман,

Принцесса, Москвич, водитель — были лишены счастливого детства в силу различных обстоятельств.

Биментальность автора проявляется на протяжении всего произведения. Он, словно переводчик между двумя культурами, транслирует русскому читателю восточные реалии. Наиболее характерен образ дерева джиды, которое растёт в Москве и становится спасательным кругом для Принцессы на чужбине: «Эту джиду она стала иногда поливать, хотя на неё смотрели, в Москве местные жители деревья не поливают» [2: с. 46]. Джиды заинтересовала Тельмана в качестве материала для статьи: «Проводил взглядом женщину с коляской, посмотрел: джиды. Надо же, дерево-мигрант» [1: с. 78]. Этот мотив встречается и в другом произведении С. Афлатуни — «Поклонение волхвов»: «<...> перебирая косточки джиды <...> на каждой косточке десять белых бороздок каждая бороздка буква “алиф” с которой начинается имя Аллаха милостивого и милосердного от каждой косточки прочитанная молитва умножается в десять раз» [3: 2012, № 4]. Так джиды становятся сакральным, национальным деревом в творчестве русского писателя, персонажами прозы которого являются жители Узбекистана.

Вставные рассказы-притчи об Ануширване носят иронический характер и введены, очевидно, для придания произведению колорита восточной экзотики. Высмеивая Маздака, который основал новое философское учение, автор выразил сомнение в целесообразности подобной «мудрости» в век высоких информационных технологий. Трансформация финала притчи о трёх сыновьях Ануширвана не случайна. Восточная притча не вписывается в современную действительность, и потому власть Ануширвана унаследует не умный, не сильный и даже не глупый из его сыновей, а лстивый «мудрец». Так философская тема дополняет идейно-смысловой пласт произведения.

Макама «Год барана» С. Афлатуни на сегодняшний день одно из популярных и читаемых произведений современной русской литературы. Обращение к древнему и сложному жанру могло быть вызвано изменением общественно-политического уклада жизни, что сходно с периодом возникновения макамы в арабской литературе — как реакции на распад халифата. Писатель при создании макамы чётко придерживается канонов жанра, дополняя её актуальными темами современности и художественными новшествами в сюжетной линии.

Библиографический список

Источники

1. Афлатуни С. Гарем // Октябрь. 2004. № 12. С. 67–93.
2. Афлатуни С. Год барана // Дружба народов. 2011. № 1. С. 40–96.
3. Афлатуни С. Поклонение волхвов // Октябрь. 2010. № 1. С. 3–60; № 2. С. 3–55; 2012. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/4/a2.html>.

Литература

4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. литература, 1972. 464 с.

5. *Гусейнова Д.А.* Актёр или сказитель? Формообразующие принципы устного народного творчества на Арабском Востоке // Народное творчество стран Востока: Структура, художественные особенности, дефиниции / Ред. и сост. П.Р. Гамзатовой. М.: КомКнига, 2007. С. 146–161.

6. *Мец А.* Мусульманский Ренессанс / Пер. с нем., предисл., библиогр. и указатель Д.Е. Бертельса. М.: ВиМ, 1996. 544 с.

7. *Парижский С.Г.* Соотношение поэзии и прозы в макамах на иврите XII–XIII вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. СПб.: РАН, Ин-т восточных рукописей, 2011. 176 с.

References

Istochniki

1. *Aflatuni S.* Garem // Oktyabr'. 2004. № 12. S. 67–93.

2. *Aflatuni S.* God barana // Druzhba narodov. 2011. № 1. S. 40–96.

3. *Aflatuni S.* Poklonenie volxvov // Oktyabr'. 2010. № 1. S. 3–60; № 2. S. 3–55; 2012. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/4/a2.html>.

Literatura

4. *Baxtin M.M.* Problemy' poe'tiki Dostoevskogo. M.: Xudozh. literatura, 1972. 464 s.

5. *Gusejnova D.A.* Aktyor ili skazitel'? Formoobrazuyushhie principy' usnogo narodnogo tvorchestva na Arabskom Vostoke // Narodnoe tvorchestvo stran Vostoka: Struktura, xudozhestvenny'e osobennosti, definicii / Red. i sost. P.R. Gamzatovoj. M.: KomKniga, 2007. S. 146–161.

6. *Mecz A.* Musul'manskij Renessans / Per. s nem., predisl., bibliogr. i ukazatel' D.E. Bertel'sa. M.: ViM, 1996. 544 s.

7. *Parizhskij S.G.* Sootnoshenie poe'zii i prozy' v makamax na ivrite XII–XIII vv.: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03. SPb.: RAN, In-t vostochny'x rukopisej, 2011. 176 s.

Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak
«W poszukiwaniu sensu. O prozie
Siergieja Dowłatowa». Wrocław:
Wydawnictwo Uniwersytetu
Wrocławskiego, 2014. 305 s.

(Эльжбета Тышковска-Каспшак
«В поисках смысла. О прозе
Сергея Довлатова». Вроцлав:
Изд-во Вроцлавского ун-та,
2014. 305 с.)

Книга польского русиста из Института славянской филологии Вроцлавского университета Эльжбеты Тышковска-Каспшак посвящена творчеству Сергея Довлатова. Несмотря на то, что отечественное довлатоведение, сформировавшееся на протяжении последних двадцати лет, обогатилось множеством исследований, посвящённых литературному наследию писателя (научные статьи, комментарии к текстам, монографии, диссертации), оно как объект рецепции и интерпретации и сегодня остаётся в центре внимания российских и зарубежных учёных. Работа Эльжбеты Тышковска-Каспшак «В поисках смысла. О прозе Сергея Довлатова» вызывает интерес прежде всего выбором предмета изучения — обращением к феномену абсурда, осмыслением его идеологических и структурных решений в прозе автора.

Исследователь выявляет особенности мировосприятия героя довлатовских произведений, находит в нем экзистенциальные черты. Персонажей Довлатова, по наблюдению автора книги, объединяет ощущение трагизма существования, ощущение хаоса в миропорядке и в их собственной жизни, одиночества в мире, который воспринимается ими как чужой, непонятный, — всё то, что присуще экзистенциалистскому мироощущению.

Книга состоит из трёх частей, которые в свою очередь подразделяются на главы. Во введении представлен обзор литературоведческих и критических

работ о творчестве Довлатова: устанавливается связь наиболее дискуссионных вопросов с исследованием литературных традиций, типа героя, специфики комизма и жанровых особенностей произведений, освещается степень изученности проблемы абсурда в художественном мире писателя. В двух последующих главах рассматриваются теория абсурда, история термина «абсурд» и различные его толкования (как эстетическая категория, как понятие логики и как философское понятие). В XX веке в теории эстетики выделяется два типа абсурда: лингвистический и экзистенциальный.

Исследователь подчёркивает, что XX век стал периодом наиболее интенсивного развития поэтики абсурда, пика популярности абсурдизм достиг в рамках многих направлений и течений в русской литературе. Усматривая продолжение традиций обэриутов, в особенности Хармса и Введенского, в произведениях современных авторов, использующих приёмы декомпозиции, буффонады, неожиданных поворотов действия, отсутствия причинно-следственных связей между событиями, она выделяет стратегии интертекстуальности в постмодернистском творчестве.

Во второй части книги («Homo absurdus») рассматривается присущая мировосприятию героев прозы Довлатова экзистенциалистская рефлексия.

В первой главе выявляется связь прозы С. Довлатова с экзистенциалистским миром А. Камю. По словам исследователя, из абсурда, в понимании Камю, вытекает отрицание универсальных этических норм. Рассказчик в произведениях Довлатова приходит к выводу, что добро и зло как универсальные категории не существуют. Отчуждённый герой принимает абсурд как истину действительности. Одинокий и свободный, он несёт эту тяжесть, и в этом заключается мужество его существования.

В главе «Между свободой и случаем» проводятся параллели между проблематикой произведений Довлатова и Ж.-П. Сартра: их общность видится автору книги в отношении писателей к вопросам свободы, случайности, отчуждения. Как и у Сартра, герой Довлатова, переживающий неотступное чувство тревоги, без Божественной поддержки остаётся одиноким в своей свободе. Свобода, понимаемая как возможность внутреннего самоопределения и становление самого себя, является для человека проклятием, поскольку он не находит другой точки опоры, кроме самого себя, а потому вынужден пребывать в постоянном поиске и совершать выбор, никак не отменяющий конечной цели бытия, каковой является смерть. Страх смерти, ощущение потерянности, пессимизм характерны для героев произведений Сартра и Довлатова.

Теме смерти в произведениях Довлатова посвящена следующая глава. Размышления о смерти у него ведут, в сущности, к рефлексии о жизни и её смысле. Исследователь акцентирует внимание на специфике рефлектирующего сознания героя: осознание неотвратимости процесса рождение – жизнь – смерть пробуждает в герое прозы Довлатова пессимистические чувства, однако вечная повторяемость этого явления заставляет с ним смириться.

В первой главе следующей части речь идёт о функции спиртного в произведениях Довлатова: проблема пьянства раскрывается не столько в социальном,

сколькo в психологическом и философском аспектах, что убедительно обосновывается анализом текстов писателя. Алкоголь в прозе Довлатова, по словам автора книги, предстаёт прежде всего как средство отключения от невыносимого абсурда реальности и достижения внутреннего комфорта. Водка позволяет герою на какое-то время соединиться с миром, раствориться в действительности. Однако это ощущение фальшивое, так как на самом деле алкоголь отдаляет героя от реальности, отнимает у него возможность контакта с миром.

Во второй главе анализируется рассказ «Иная жизнь» (1984). Идея абсурда, проявляющаяся в отсутствии веры в смысл жизни, эстетически наиболее полно выражена именно в этом рассказе. Используемая писателем стратегия образности характерна для писателей-абсурдистов, создающих картины бытия как «внебытия», как реальности, существующей между бытием и небытием. Хаотичная композиция, игра аллюзиями, парадокс и трагикомическое настроение, представленные в этом произведении, напоминают поэтику алогизма у Даниила Хармса. В главе выявляется механизм действия поэтики абсурда: сопоставление абсурда существования и предметности мира, жизни и смерти, смеха и отчаяния создаёт текст с двойным кодированием, в котором первое, внешнее, значение скрывает второе. Как у Хармса, так и у Довлатова суть экзистенциальной коммуникации — это не только ощущение боли и страха, но и преодоление их с помощью смеха.

Третья часть «Ното *ironicus*» посвящена иронии позиции героя-рассказчика в отношении к миру и к себе самому. В первой главе анализируются «ироническая напряжённость» между героем и миром, а также самоироничная позиция рассказчика. Ирония, функционируя в прозе Довлатова как яркий стилистический приём, используется и как творческий принцип.

В следующей главе рассматривается проблема стереотипа как иронического способа восприятия Другого (довлатовский герой представляет национальную точку зрения — автостереотип), а также интертекстуальная ирония. Вызывают интерес рассуждения автора рецензируемой книги о том, что у Довлатова крайне упрощённые и схематичные образы представителей различных национальностей подаются в ироническом ракурсе, поскольку поводом обращения к ним становится высмеивание и переоценка мифов, укоренённых в массовом сознании.

Убедительными представляются и итоговые выводы исследования. В частности, следующее положение: болезненно ощущая абсурд существования, довлатовский герой пытается сохранить чувство нормы и гармонии, и, сознавая невозможность уничтожения абсурда, стремится освоиться в нём. Довлатов лишает своего экзистенциального героя иллюзий и надежды, но одновременно приводит к убеждению, что только свободный от иллюзий человек может обрести равновесие и найти личный смысл существования.

Выход монографии Эльжбеты Тышковска-Каспшак «В поисках смысла. О прозе Сергея Довлатова», несомненно, привлечёт внимание российских довлатоведов, будет способствовать дальнейшему расширению научного поиска.

**«Природные стихии
в русской словесности» /
Отв. ред. д-р филол. наук,
проф. А.И. Смирнова. М.: ЛЕНАНД,
2015. 240 с.**

Тема природных стихий не раз становилась объектом научных рефлексий и достаточно широко раскрыта на материале русской литературы. Современный взгляд на многообразие воплощений стихий воды, земли, огня и воздуха в русской литературе и фольклоре определяет научную актуальность и значимость новой книги. Природные стихии осмысливаются в качестве основных мифологем национального самосознания. В четырёх разделах издания помещены статьи, посвящённые образам природы, моделям природного пространства, ландшафту, стихиям, которые нагружены в словесности символическим, мифологическим, этнокультурным, прагматическим и прочими смыслами.

Первый раздел **«Природа в фольклоре»** открывается статьёй М.В. Строганова «Степь и болото как ландшафтные образы России: от традиционной культуры к авторскому сознанию», в которой речь идёт об имагологии — науке о национальных и государственных имиджах. Автор статьи проследит эволюцию двух ландшафтных образов России — степи и болота, отражающих национально-поэтические представления, и приходит к следующим выводам: репрезентация национальности предшествует репрезентации государственности, авторская культура неизбежно политизирует ландшафтные образы, а традиционная культура такой политизации не знает.

В статье А.А. Ивановой анализируется роль культурного ландшафта в формировании картины мира, фольклора, ритуальных практик и диалекта жителей северорусских деревень. На полевом материале и на примере реки исследуется механизм преобразования природного объекта в художественный образ.

В.Е. Добровольская на полевом материале исследует народные мифологические поверья, запреты, предписания, магические действия, связанные с освоением природного пространства. В традиционной культуре и фольклоре пространство обитания человека делится на «своё» и «чужое». Человек, осваивая природу, вступал в договор с хозяином локуса. Когда у пространства не было «официального» хозяина, а освоение его было визуальным (как, например, в случае с небом), человек всё равно должен был соблюдать нормативы, которые призваны защитить как самого человека, так и весь деревенский социум от опасностей, исходящих от мира природы.

В статье И.Н. Райковой рассматривается взаимосвязь практики освоения младенцами и детьми природного пространства и природных образов (зоологических, растительных, ландшафтных и др.) в детском фольклоре. Материнский фольклор, помогая младенцу и маленькому ребёнку осваивать окружающее пространство, выполняет во многом компенсаторную функцию: реальность познаётся через поэзию. В этом контексте понятными становятся и самые первые страхи, связанные с исчезновением мамы. Для подрастающего ребёнка и подростка детский фольклор служит средством передачи коллективного опыта от взрослых, старших детей и сверстников, в том числе опыта общения и взаимодействия с реальным окружающим миром, природой. И, напротив, — в традиционной культуре природа становится органичным пространством детских игр, забав и первых забот, источником печалей и радостей.

Второй раздел логически связан с первым и посвящён **природным стихиям и явлениям**, которые осмысливаются в качестве миромоделирующих (Вода, Земля, Огонь и Воздух), как стихийные бедствия (катаклизмы) и как метеоявления (буря, метель, гроза и др.). В статье Э.Ф. Шафранской «Землетрясение как паттерн ташкентского текста русской культуры» разрушительная природная стихия раскрывается на материале фольклора и литературы, художественной и публицистической, в двух аспектах: землетрясение — сигнатура ташкентского текста; бэкграунд землетрясения, рождающий эсхатологическую мифологию.

В статье А.Г. Чепикова «Природные стихии и явления в романе Е.Е. Чирикова “Отчий дом”» через природные образы анализируются характеры главных героев, рассматривается концепт «чистой» природы как метафоризированной и антропоморфной схемы на фоне событийного ряда художественного мира произведения; интерпретируется мифологическая, символическая, знаковая и фольклорная основа природных стихий и явлений.

Образу водной стихии в русской женской поэзии XIX века посвящена статья О.В. Гаврилиной, в которой анализируются стихотворения Е. Кульман, М. Лисициной, Н. Тепловой, Е. Ростопчиной, Ю. Жадовской, Е. Шаховой и Е. Бекетовой. Автором выявлены основные контексты, в которых идёт речь о различных водных мифологемах (река, пруд, озеро, море), отражающих мир женских чувств.

Установление глубокой связи человека с окружающим миром в художественном пространстве С. Шаршуна — основная цель статьи А.А. Рюкиной. Автор прослеживает, как созерцание главным героем водных стихий даёт толчок к углублённому самопознанию и анализу отношений с обществом. В статье прослеживается, как образ птиц служит в поэме С. Шаршуна символом гармонии небесного космоса, к единению с которым интуитивно стремится душа главного героя.

Завершает этот раздел статья П.П. Ткачёвой «Аллегорические образы природных стихий в творчестве Владимира Высоцкого». Парадоксальность творчества В. Высоцкого в том, утверждает автор, что его произведения просты для восприятия, но сложны для понимания. В них заложено множество

смыслов, символов, воплощающих авторскую философскую картину мира. Одними из смысловых символов в творчестве В. Высоцкого являются образы природы, которые поэт передаёт при помощи аллегории и которые уже связаны культурной (например, мифологической или фольклорной) традицией с данной природной стихией. Примером могут служить такие произведения, как «Кони привередливые», «Очи чёрные», в которых ветер, буря передаются при помощи образа летящих коней, или произведение «Купола», где стихия огня представлена в образе горящих свечей-куполов, а также свечей — золотых заплаток души.

Природные мифологемы — предмет исследования учёных в третьем разделе книги. Автор статьи «Роса как символ и троп в русской поэзии» Г.И. Романова приходит к выводу о том, что в традиционалистских текстах роса является многозначным символом божественного присутствия, христианского учения, веры, крещения. Наряду с умножением значений данного символа в русской поэзии XVIII–XIX веков всё большее распространение получает иносказание, троп, в основе которого лежит сравнение с росой. Особое распространение получает топка росы, связанная с пейзажной тематикой.

В статье Е.Ю. Полтавец «Нефеломанты и нефеломаны в русской литературе XIX века» рассматриваются нефеломантия и «мотив облака» в различных мифологических системах художественной литературы. Автор статьи обращает внимание на соответствующие образы и мотивы в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, «Грозе» А.Н. Островского, «Облаке» К. Аксакова, русской поэзии и других литературных текстах.

А.Д. Казимирчук сосредоточила внимание на образе природы в литературной сказке Н.Н. Каразина, писателя, художника и путешественника. Помимо увлекательного сюжета повесть-сказка «С севера на юг. Путевые воспоминания старого журавля» содержит сведения по географии, флоре и фауне тех мест, через которые пролегает путь журавлиной стаи, — России, Болгарии, Турции и Египта. Справедливо замечание автора статьи, что пейзаж у Н.Н. Каразина — это не только способ описать окружающий мир, постичь Бога, полюбить родину, но и поиск себя в этом мире.

В статье А.И. Смирновой «Природные константы в лирике Серебряного века» представлен анализ природных мифологем на материале произведений, вошедших в книгу «Времена года в поэзии Серебряного века. Какие дни и вечера!...». Обращение к природным константам — стихиям воздуха и воды, пространственным и растительным образам — позволяет «выявить особенности, присущие поэтическому сознанию Серебряного века, доминантные признаки, определяющие «координаты» построения национального образа мира, специфику и нюансы авторской оптики» (с. 132).

Дерево как слагаемое восточного текста стало предметом исследования в статье Т.М. Пономарёвой и Э.Ф. Шафранской, в которой мифопоэтический концепт дерева выявляется на материале романа Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы», рассказа Н. Думбадзе «Хазарула», рассказа С. Афлатуни «Проснуться в Ташкенте» и прозы Т. Пулатова.

В статье Т.В. Сапрыкиной «Природно-космические символы в прозе Чингиза Айтматова» анализируются природные стихии земли, воды, воздуха, выявляется функционирование образов-символов (небо, ветер, горы, дерево, море, озеро, река и др.) в повестях и романах писателя («Белый пароход», «Пегий пёс, бегущий краем моря», «Плаха», «И дольше века длится день...», «Когда падают горы...»).

О.Ф. Ладохина анализирует мотив исцеления в популярном ныне романе Е. Водолазкина «Лавр», исследует стиль письма писателя (соединение древнерусской речи с актуальной лексикой), жанровые особенности романа, в котором воссоздана картина XV века, с яркими портретами и характерами.

И завершает третий раздел книги статья Н.А. Томиловой о двух романах А. Иличевского «Математик» и «Ай-Петри». Автор статьи отмечает, что тема путешествий — как географических, так и духовных, будучи одной из главных в прозе А. Иличевского, развиваясь от романа к роману, достигает (как в прямом, так и переносном смысле) горной вершины — неразрывности и взаимосвязи человека с природой. Образ горы помогает героям А. Иличевского обрести внутреннюю гармонию с собой и окружающим миром, осознать значимость природных стихий в жизни каждого человека.

Четвёртый раздел книги — **«Натурфилософия и биоэтика»** — открывается статьёй И.И. Матвеевой «Природный мир в творчестве Андрея Платонова». В статье прослеживается эволюция взглядов писателя на природу. Автор рассматривает некоторые антропоморфные и зооморфные образы Платонова, анализирует стихии ветра, воды, земли как важнейшую часть природного мира писателя, касается проблемы «естественного человека» в его творчестве.

В статье финской исследовательницы А. Розенхольм «Эстетика путешествия: пространство и повествовательные средства в экологическом воображении Беллы Улановской» на материале рассказов «Осенний поход лягушек», «Кто видел ворона» и «Альбиносы» рассматриваются образы природы. Автор концентрирует своё внимание на пространственных измерениях как основном элементе «экологического воображения» русской писательницы И.Ю. Улановской, соотносённости места, пространства и повествовательных средств.

В статье польской коллеги Ю. Тыменецка-Суханек «“Одержима духом анимализма”: биоцентризм в русской литературе (Борис Рябинин)» обращается внимание на актуальность проблемы биоцентризма, который как этическая концепция и как научный подход к идеям охраны природы получает распространение в XX веке. На материале произведений Б. Рябинина автор статьи приходит к выводу, что этическая роль художественного анимализма заключается, во-первых, в раскрытии самостоятельной ценности животного и, во-вторых, в демонстрации возможности единения человека с животным и альтруизма в этой межвидовой связи.

Теоретико-методологическая статья О.В. Гаврилиной «Природа как эстетический феномен в художественной литературе и его изучение» логично

завершает книгу «Природные стихии в русской словесности». Автор статьи прослеживает историю изучения «чувства природы» в отечественном литературоведении, выделяет ведущие научные направления и школы.

В рецензируемом труде привлекает концептуальный характер научных статей, новизна исследовательских подходов, выбор материала, осмысливаемого в широком диапазоне — от глубокой теоретической постановки и решения заявленной проблемы к детальному анализу отдельных образов природных стихий.

И.И. Мурзак

**«Człowiek w relacji do zwierząt, roślin i maszyn w kulturze»: v 2 т. /
Redaktor naukowy U. Tymenetska-Suchanek.
Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2014. Т. 1. 408 s.; Т. 2. 440 s.**

**(«Отношение человека к животным, растениям и машинам в культуре»: в 2 т. /
Научн. ред. Ю. Тыменецка-Суханек.
Катовице: Изд-во Силезского ун-та, 2014. Т. 1. 408 с.; Т. 2. 440 с.)**

В современной гуманитаристике особое внимание уделяется различным аспектам взаимоотношений человека и природы. Примером такого интереса является коллективная монография в двух томах, изданная Силезским университетом (г. Катовице, Польша), — «Отношение человека к животным, растениям и машинам в культуре» («Człowiek w relacji do zwierząt, roślin i maszyn w kulturze») под научной редакцией Ю. Тыменецкой-Суханек. Основная задача авторов монографии заключается в исследовании (со)существования человека с другими формами жизни (органической и неорганической) в аспектах пост- и трансгуманизма. Профессор Юстына Тыменецка-Суханек во вступительной статье перечисляет те дисциплины, в рамках которых ведутся исследования: «биология / экология, литературоведение (польское, романское, английское, итальянское, германское, славянское, русское), философия, культурология, медиевистика, право и даже история военного дела» (здесь и далее перевод мой. — *О.Г.*) (Т. 1, с. 12).

Первый том монографии «Аспекты постгуманизма и трансгуманизма» («Aspekt posthumanistyczny i transhumanistyczny») открывается разделом «Третья культура и новая парадигма: био-логичность в гуманитарных науках» («Trzecia kultura i nowy paradygmat: bio-logiczność w humanistyce»). В статьях, представляющих этот раздел, авторы формулируют вопросы, ответы на которые различным наукам ещё предстоит найти. Так, П. Скубала отмечает, что пришло время «для дальнейшего расширения наших моральных обязательств перед другими видами животного мира» (Т. 1, с. 29). Другой исследователь, Я. Лейман, считает, что «субъектность принадлежит не только человеку», но «она также не может быть отнесена ко всем животным», т. е. «необходимо

подумать о понятиях, которые делят наше отношение к животным на старое и новое, видовую дискриминацию и недискриминацию» (Т. 1, с. 59). Эта позиция близка и автору другой статьи Д. Лишевски: «Человек не является уже единственным “мерилом всего”, а скорее обыкновенным, одним из многих обитающих на этой планете видов живых и сознательных существ» (Т. 1, с. 75).

Во втором разделе «Философские теории и системы» («Teorie i systemy filozoficzne») рассматриваются концепции Д. Агамбена (М. Ожуг, Л. Колочек, М. Червински), Ю. Баньки (П. Неродка); в поле внимания исследователей попадают и направления расширения рамок этики в концепции Р. Брайдотти (М. Ожуг) и в онтоцентризме (Д. Дзвонковска).

Третий раздел — «В кругу литературных воображений» («W kręgu literackich wyobrażeń») — посвящён анализу различных художественных произведений с точки зрения образов животных, которые в них представлены. И. Осташевска, обращаясь к повести А. и Б. Стругацких «Волны гасят ветер» (статья на русском языке), рассматривает развитие взаимоотношений человека и техники и отмечает тенденцию: «В последнее время появился ряд произведений, освещающих разные аспекты трансгуманизма: самосовершенствование, киборгизация, перенос сознания, искусственный интеллект, нанотехнология, технологическая сингулярность, крионика, радикальное продление жизни или даже физическое бессмертие» (Т. 1, с. 178). А.И. Смирнова (статья также представлена на русском языке), обращаясь к идее зооцентризма в русской натурфилософской прозе 1960–1980-х годов, отмечает актуальность этой идеи, явившейся своеобразной попыткой писателей «повлиять на сложившуюся в мире ситуацию, связанную с научно-техническим прогрессом и его последствиями» (Т. 1, с. 194). Идея зооцентризма реализуется в художественных текстах различными способами: «через обращение к образу священного животного — тотемического “первопредка”, через выявление традиционных прочных связей с домашними животными и процесса утраты этих связей; через реализацию оппозиции “человек – животное” для предостережения экологической и духовной катастрофы» (Т. 1, с. 194–195). Исследователь К. Гадомска, рассматривая франкоязычную фантастическую литературу, заключает: «Популярные фантастические мотивы (например, мотив вурдалака, фантастического чудовища, андроида) являются носителями пост- и трансгуманного видения человечества», и «преступление гуманных границ приводит к страданию, упадку главного героя или лиц, связанных с ним» (Т. 1, с. 192). Другие статьи раздела посвящены произведениям В. Клинкаборга и Ч. Сиберта (М. Рутковска), Л. Петрушевской (И. Грень-Кулеша), Н. Садур (М. Недзеля-Яник), В. Пелевина (А. Поляк), О. Токарчук (В. Гурска), Н. Амманити (Б. Корнацка), С. Черняка (М. Михальска-Суханек), Х. Кайзара (К. Шумлас). Раздел завершает статья В. Висьневска «Постгуманизм — утопия литературы? Проблема присутствия / отсутствия постгуманистической и трансгуманистической перспективы в польских исследованиях литературы», в которой отмечен свойственный и российской литературоведческой науке парадокс: «В то время как перспектива пост- и трансгуманизма охватила уже самые новые области визуального искусства, биоарта

и кинематографа, она кажется чересчур новым взглядом на литературу, чтобы ему уделяли больше внимания» (Т. 1, с. 321). Для преодоления этого противоречия В. Висьневска проводит «сопоставление основных предпосылок и способов понимания пост- и трансгуманизма (Харавай, Хайлес, Бакке, Криштофек, Ильницки) с понятийным аппаратом, используемым в литературной критике, а также с самой литературой» (Т. 1, с. 322).

Статьи завершающего первый том раздела «Между искусством и попкультурой» («Między sztuką a kulturą popularną») рассматривают феминистскую реконструкцию женского в творчестве таких художниц, как Агнешка Нерацка и Моника Жулкость, истоки культурного интереса к образу «чудовища» (К. Зданович-Цыганяк), проблемы идентификации «киберсубъекта, рождённого из генов и битов» (Т. 1, с. 371) и функционирующего в киберпространстве (Б. Клода-Станецко), а также исследованию общественного восприятия биоэтических дискуссий в таких областях искусства, как био-арт и спесимен-арт (А. Денсол). Интересна статья Р.В. Ключински, обратившегося к проблеме гибридизации искусства и развития отношений между искусством и наукой: «Какую существенную функцию выполняет исследуемая тенденция в формировании постгуманной эстетики» (Т. 1, с. 361).

Второй том монографии, «От гуманизма до постгуманизма» («Od humanizmu do posthumanizmu»), открывается разделом «Между мифологией и фольклором» («Między mitologią a folklorem»), содержащим две статьи (первая из них на русском языке). И. Швед, говоря о необходимости «пересмотра традиционных дихотомий живое — неживое, разумное — неразумное, человеческое — не-человеческое» (Т. 2, с. 15–16), высказывает предположение: «Не резонирует ли постгуманизм с древними мировоззренческими традициями, которые в том либо ином аспекте отвечают его собственным установкам и могут в некоторой мере быть востребованными при выработке нового миропонимания...?» (Т. 2, с. 16). Автор статьи делает вывод о том, что «человек, выделившись из природы как носитель культурного начала, скорее отождествлял себя с её представителями, чем противопоставлял им» (Т. 2, с. 29), и выражает уверенность в актуальности и необходимости этих идей, которые «прольют новый, возможно, неприглядный, свет на образ трансгуманистического человека — вооружившегося гуманотехнологиями соперника Природы» (Т. 2, с. 31). В другой статье О. Келяк рассматривает ритуалы, связанные с коровой, опираясь на классификацию А. Энгелькинг: «создающие (когда человек хочет, чтобы что-то случилось), охраняющие (когда человек хочет, чтобы что-то не случилось) и “возвращающие” (когда человек хочет, чтобы что-то “вернулось в исходное состояние”）」 (курсив автора. — О.Г.) (Т. 2, с. 46).

Во втором разделе тома «(Не)органические многообразные формы бытия в литературном пейзаже» («W literackim krajobrazie (nie)organicznych bytów wielorakich») представлены исследования творчества как западных (польских, английских), так и русских прозаиков и поэтов. В качестве иллюстрации перечислим имена писателей, оказавшихся в поле зрения авторов статей: Ф. Кафка

(П. Пасека «Бестиарий Франца Кафки»), Б. Шульц (Д. Антоник «Животные Бруно Шульца. К неисчислимым измерениям существования»), Э. Монтале (П. Малицца «В поэтическом зоопарке Эудженио Монтале»), В. Мысливски (Я. Вах «Сосуществование людей и животных в эпике Веслава Мысливского — анализ межвидовых связей»), В. Консоло (А. Хмель «Свидетельство одного малаколога. Фигура улитки в романе Винченцо Консоло»), А. Стасюк (М. Домбровска-Чох «На пути в Răşinari»), Х. Посвятовской (Г. Петрушевска-Кобеля «Постгуманная поэзия Посвятовской»), а также драматические произведения XX и XXI веков (М. Блащак «Драматические творения “квазичеловеческие”»).

Отдельно остановимся на статьях, посвящённых русской литературе и культуре. Например, Б. Пуделко (статья на английском языке) сопоставляет один из романов английского писателя Д. Конрада с «Записками охотника» И.С. Тургенева, творчество которого Конрад прекрасно знал и высоко ценил. Основанием для сравнения становится образ птицы, которой английский писатель уподобляет корабль: «Корабль у Конрада, как тургеневская птица в бескрайнем небе, свободен, если может вольно плыть по спокойному морю, имея над собой ясное небо» (Т. 2, с. 61). М.И. Зелиньска в статье «Человек – лес – животное в повести-сказке Бориса Сергуненкова “Лесная лошадь”» отмечает, что предложенная автором «интерпретация мира природы не только актуальна сегодня, но и антиципирует идеи постгуманизма» (Т. 2, с. 131). А.Н. Вильк, рассматривая повесть А. Старобинец «Переходный возраст», отмечает, что «природа способна использовать персонажей повести для собственных целей, а животные играют совершенно другую роль, чем та, которую приписывает им человеческая культура» (Т. 2, с. 249). Исследователь К. Арцишевска обращается к произведениям А. Белянина, О. Дивова, С. Лукьяненко, В. Пелевина и приходит к выводу, что «литературный мотив оборотня символизирует позицию и значение человека в современном мире, символически отражает изолированность и одиночество человека среди людей» (Т. 2, с. 216). В статье О. Гаврилиной «“Освоение” мира машин в русской женской прозе конца XX века» анализируются произведения С. Василенко, Т. Набатниковой и И. Полянской, выявляются четыре функции использования образа машин: связь с социальной проблематикой, «с символикой смерти (трамвай, поезд, электричка)» (Т. 2, с. 218); в качестве детали, характеризующей «мужской мир», наконец, как образ, раскрывающий тему насилия, эмоциональной и физической зависимости, а также женской свободы. М. Жечицка в статье «Минерал – растение – животное – человек. Спираль “космической эволюции” в русской эзотерической периодике начала XX века» рассматривает теорию «нового человека», а также отмечает, что «вегетарианство, инспирированное духовной наукой, становится популярным в среде русских символистов» (Т. 2, с. 70).

В третьем разделе «О пересечении антропоцентричных границ в философии» («O przekraczaniu antropocentrycznych granic w filozofii») исследователи

обращаются к концепциям различных философов: М. Бубера (А. Клоциньска), М.Н. Эпштейна (К. Кропачевски), Э. Чорана (К. Рыбинска), Д. Харауэя (Ю. Шолленбергер, И. Фронцковяк), а также Й. Брах-Чаины (М. Каспажак).

Четвертый раздел монографии «Искусство вокруг» («Wokół sztuki») объединил разнородные по объекту исследования статьи. К примеру, П. Марцинкевич прослеживает динамику образа животных в живописи и визуальном искусстве, отмечая, что с течением времени стремление изображать животное как аллегория человека или лишь домашних животных в бытовых ситуациях сменяется интересом модернизма к животному, входящему в «тревожные отношения с человеком» (Т. 2, с. 360). Э. Шкудлярек вслед за писателем С.И. Виткевичем задаётся вопросом, «в чём заключается и чем отличается тайна существования целого ряда отдельных существ» (Т. 2, с. 375). М. Лишевска, рассматривая кинообразы искусственных людей, приходит к выводу: «Все они могут быть признаны телесными воплощениями страха перед стихийным развитием техники и биологических технологий, а также перед лицом других угроз, связанных, например, с контактом с иными формами жизни, с чужими, с потерей человечности, а также с тем, что условно называется звериной стороной человеческой природы» (Т. 2, с. 386). Важной в практическом отношении представляется статья Э. Вальонг, в которой в соответствии с основными направлениями переосмысления роли человека в литературе, искусстве и философии предлагается во многом пересмотреть содержание школьного образования. Автор не оставляет без внимания «связь между постгуманизмом и современным феминизмом, учитывая прежде всего экофеминистскую перспективу (эксплорация мира женщин и природы мужчинами) и киберфеминистскую (женщина в виртуальном пространстве)» (Т. 2, с. 397).

Завершают второй том монографии два раздела: «Новые вопросы в сфере права» («Nowe zagadnienia z zakresu prawa»), в который вошла статья К. Музыки «Схема закона относительно искусственного интеллекта и эмулированных людей», и «Животные в военной истории в послевоенном осмыслении» («Zwierzęta w powojennej historii wojskowości»), представленный статьёй И. Бенецки «Временная нужда или высшая необходимость? Дрессировка и использование служебных собак для охраны границ в 1945–1990 гг. на материале документов пограничных войск».

Знакомство со статьями двухтомника даёт основание говорить о полноте и многогранности охвата материала. Нельзя не отметить интерес польских исследователей к русской литературе и культуре. Выразим надежду, что предложенные направления найдут своё отражение и развитие не только в польских, но и российских исследованиях, а также станут основой многогранного и плодотворного сотрудничества.

О.В. Гаврилина

Шафранская Э.Ф. «Современная русская проза (мифопоэтический ракурс)»: учебное пособие. М.: ЛЕНАНД, 2014. 216 с.

Делать пособие по современной литературе, даже по одной из её родовых составляющих (по прозе), — дело неблагодарное: слишком велик объём материала, слишком размыты критерии его отбора и оценки, а курсы, посвящённые актуальному литературному процессу, как правило, оказываются на периферии учебных планов. Будущие филологи идут к ним 4–5 лет, обычно всё это время плохо себе представляя, чем живёт современная литература и вообще существует ли она, — а когда доходят, уже не имеют ни сил, ни возможности углубиться в многообразие её явлений и проявлений.

Э.Ф. Шафранская не стала ставить перед собой нерешаемых задач: она чётко очертила для себя и родовые, и временные, и проблемные рамки рассматриваемого предмета — проза последних десятилетий в мифопоэтическом ракурсе. Это сразу сняло целый ряд возможных вопросов к её пособию: почему в нём почти полностью отсутствует историко-литературный контекст (пресловутый «литературный процесс»); почему нет обзоров критической литературы и подходов к системному литературоведческому анализу; чем мотивирован нерепрезентативный (хотя бы с точки зрения «резонансности», раз уж невозможно взглянуть с большой дистанции) отбор произведений для разговора.

За пособием отчётливо видна фигура его автора: это авторское пособие, предлагающее субъективный взгляд на современную литературу и обращающееся к тем произведениям, которые именно автор считает достойными внимания. Здесь есть имена и тех писателей, чьё творчество, строго говоря, не относится к современной литературе, однако фактом живого литературного процесса на родине оно стало в последние десятилетия (Вен. Ерофеев, Виктор Некрасов, С. Довлатов и др.); есть и имена, регулярно появляющиеся в шорт-листах современных литературных премий (от Л. Улицкой и Т. Толстой — до В. Пелевина и В. Сорокина). Только при этом необходимо учесть, что такая субъективность — не рядового читателя, а исследовательницы текущей словесности, отчасти — участницы литературного процесса, вбирающего в себя и литературный быт (Э.Ф. Шафранская лично знакома со многими из авторов, о которых она пишет), и его рецепцию (Э.Ф. Шафранская — автор ряда монографий, посвящённых различным фигурам и явлениям современной словесности — Т. Пулатову, Д. Рубиной, А. Волосу, А. Иличевскому и др.).

Пока адекватный современной литературе инструментарий её литературоведческого описания и исследования ещё только складывается, Э.Ф. Шафранская обращается к методологии, мало зависящей от специфики объекта изучения — к мифопоэтическому анализу, выявляющему глубинные, архетипические корни художественных миров современных прозаиков и тем самым позволяющему приблизиться к осмыслению «вечного» в их творчестве. Кроме того, в ряде разделов (даже немного жаль, что не во всех) автор пособия выходит за пределы филологического дискурса в междисциплинарные области, исследуя то, как преломляется опыт исторических травм и кризисов некогда устойчивых социальных моделей в литературе — и на уровне тематизирования этих травм и кризисов, и на уровне их неотрефлексированного манифестирования. Это очень ценное качество данного пособия — оно может использоваться не только в программах историко-литературных курсов или спецкурсов, посвящённых изучению мифопоэтического модуса русской словесности, но и курсов, рассчитанных на нефилологов — тех, кому литература может быть необходима не столько как предмет для углублённого филологического анализа, сколько как один из важнейших и действенных инструментов в их профессиональной — педагогической, культурно-просветительской, психолого-реабилитационной, социально-диагностирующей и даже социально-моделирующей деятельности!

Можно смело заявить: пособие не имеет близких ему аналогов, написано профессионально и интересно, а главное — оно актуально для нынешнего этапа серьёзных изменений в области гуманитарного образования, корректировки его содержания и целей. Конечно, оно может вызывать споры и замечания: так, довелось слышать стороннее мнение, что пособие своим заголовком вводит в заблуждение читателя — и правильнее было бы поменять его местами с подзаголовком. В этом замечании есть свой резон, хотя пособие, как нами уже говорилось, шире по своему содержанию заявленного ракурса и такая перестановка тоже дезориентировала бы читателя. Другая особенность книги смущает нас больше — разноформатность её глав: одни главы посвящены отдельным произведениям избранных авторов и иногда больше похожи даже на рецензии (хотя заявленный подход выдерживается в них во всех), другие предлагают очерк творчества автора в целом, с разбором нескольких его вещей. За этим просматривается тот факт, что большинство (если не все) главы книги до этого издавались в периодических изданиях или сборниках статей, в чём ничего предосудительного нет, скорее — это общепринятая практика, но она предполагает наличие сносок с указанием первоисточников и степени переработки текста для его переиздания.

Однако наши замечания — скорее дань жанровому канону рецензии: пособие нужное, актуальное, своевременное, а главное — оно не только источник информации, но и инструмент работы с ней на занятиях и в самостоятельной деятельности студентов-гуманитариев.

**Международная научная конференция
«Национальные образы мира
в художественной культуре»,
посвящённая 85-летию
со дня рождения Г.Д. Гачева
(г. Нальчик, Кабардино-Балкарский
государственный университет,
24–26 октября 2014 г.)**

В городе Нальчике (Кабардино-Балкарская республика) 24–26 октября 2014 года состоялась Международная научная конференция «Национальные образы мира в художественной культуре», приуроченная к 85-летию со дня рождения Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008). Организатором конференции выступил Кабардино-Балкарский государственный университет при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-04-14027).

Стремительное нарастание глобализационных процессов в начале третьего тысячелетия выдвинуло на передний план проблему сохранения национальной идентичности и дальнейшего развития исторически сложившихся этнических культур. Идеи Г.Д. Гачева, обратившегося к широкомасштабному исследованию ментальностей народов мира, составили теоретическую и практическую основу фундаментальной проблемы «глобализация и этнокультура», чрезвычайно обострившейся в наше время.

В работе конференции приняли участие учёные из 10 стран: России, Украины, Казахстана, Беларуси, Туркменистана, Азербайджана, Грузии, Италии, Франции, США.

Участники конференции, сторонники гачевской теоретико-литературной и этнокультурной школы, в своих докладах исследовали проблемы, связанные со сравнительным анализом различных национальных картин мира, складывающихся в «единый оркестр человечества». При этом особое внимание было

уделено обобщению результатов «логоса и голоса» различных этнокультур, выраженных в языке, литературе, фольклоре, музыке, живописи; исследованию многоуровневых методов и форм межлитературного и межкультурного диалога.

Программа конференции предполагала обсуждение широкого круга вопросов, связанных с исследованием творческого наследия Г.Д. Гачева в контексте современности: литературный и культурологический портрет Г.Д. Гачева; его труды как философско-эстетическая система; этнокультурная школа Г.Д. Гачева на Северном Кавказе; национальные образы инварианта бытия; Космо-Психо-Логос: закон триединства; художественный текст как источник этноментальных знаний; метод этнокультурной компаративистики; национальный логос и грамматика языка; гендер и национальная психея; философия национальной пищи; жанрово-стилевые инновации Г.Д. Гачева; специфика его научного языка; архаизмы и авторские неологизмы; гачевская концепция «ускоренного развития литературы»; на пути к унологии: гуманитарные и естественные науки; актуальность трудов Г.Д. Гачева в эпоху глобализации.

В работе конференции было предусмотрено проведение двух пленарных и трёх секционных заседаний. На пленарных заседаниях обсуждались теоретические и методологические проблемы научного наследия Г.Д. Гачева (доклады Н.А. Хренова, А.Г. Гачевой, В.В. Варавы, З.А. Кучуковой, Б.И. Тетуева и др.).

В первой секции «Национальные образы мира в зеркале литературы» учёные продемонстрировали действенность гачевской методологии для изучения Космо-Психо-Логоса через призму художественного текста. В докладах участников второй секции «Язык и национальная картина мира» исследовался широкий круг вопросов — от «языковой личности Г.Д. Гачева» до проблем художественного перевода. Важное место в работе секции заняли лингвокультурные сопоставления, позволяющие увидеть общее и особенное в разных национальных картинах мира. Поликодовое прочтение гачевских научных текстов продемонстрировали участники третьей секции «Национальное в культуре», состоящей из фольклористов, философов, искусствоведов, психологов, педагогов, историков, математиков.

В работе Международной конференции приняли участие и студенты с сообщениями, посвящёнными этнокультурной школе Гачева в КБГУ, исследованиям французской ментальности, этногендера, русского национального кода, японского логоса, символики танца, этнографии детства, национальных образов эпических героев, этнического преломления рекламного дискурса и «клик» всемирной экономики. Студенты проявили не только знание трудов Георгия Гачева, понимание их проблематики, но и умение следовать его методологии, причём, как отметила Анастасия Георгиевна Гачева, «не эпигонски, а творчески и самостоятельно».

Объединяющим началом всех докладов стала гносеологическая действенность гачевской методологии, позволившей каждому автору через анализ

художественного текста выявить универсальное и локальное в национальной картине мира. Филологическая направленность конференции сочеталась с широкой междисциплинарностью, отвечающей масштабу научного и творческого мышления Г.Д. Гачева, утверждаемому им принципу целостности бытия и культуры.

Представляется важным и тот факт, что Гачевские чтения прошли именно на Кавказе — полилингвальном и полиэтническом регионе с прочными мирозозидающими традициями.

Итогом конференции стали принятые на ней решения:

1) ввести в научный оборот термин «гачеведение», способствующий предметному и структурно-содержательному изучению трудов и методов Г.Д. Гачева с последующим их проецированием на ещё не исследованные национальные картины мира;

2) создать аналогично «периодической таблице Д. Менделеева» таблицу национальных образов «мультиверсума», заполнив все пустующие клетки (программа-максимум);

3) определить периодичность и место проведения Гачевских чтений: раз в два года; в разных точках мира с учётом наличия в регионе развитой этнокультурной школы Г.Д. Гачева;

4) избрать местом проведения «Гачевских чтений – 2017» Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Астана).

Весомым результатом работы конференции стала публикация её материалов «Национальные образы мира в художественной культуре. Материалы Международной научной конференции, приуроченной к 85-летию со дня рождения выдающегося литературоведа, философа, культуролога Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008)» (Нальчик: Изд-во КБГУ, 2015). Опубликованные статьи свидетельствуют о том, что в России сложилась мощная этнокультурная школа, продолжающая научные традиции Г.Д. Гачева.

Как показала конференция, состоявшийся диалог культур важен для формирования поликультурного сознания, воспитания уважения к креативному этнокультурному многообразию.

*Б.И. Тетуев,
З.А. Кучукова*

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2015, № 2 (18)**

Аверина Анна Викторовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка и современных технологий обучения ИИЯ МГПУ.

E-mail: Anna.averina@list.ru

Богданова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: libogdanova1@mail.ru

Бондарь Юлия Александровна — учитель английского языка ГБОУ СОШ № 338, аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: bondar_yulia_1988@mail.ru

Бородина Софья Николаевна — аспирант кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: sof-borodina@yandex.ru

Гаврилина Ольга Вадимовна — кандидат филологических наук, независимый исследователь.

E-mail: gavrilinaolga@list.ru

Григорьев Евгений Иванович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России.

E-mail: ev_grig@mail.ru

Громова Алла Витальевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: gromovaav@mail.ru

Дроздова Мария Сергеевна — ассистент кафедры теории и методики обучения иностранным языкам ИИЯ МГПУ; аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: drozdovams@list.ru

Друцэ Анна Юрьевна — аспирант кафедры зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: any2501@gmail.com

Дюжикова Екатерина Андреевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии АНОО ВО «Одинцовский гуманитарный университет».

E-mail: dea@odinuni.ru

Евтеев Сергей Валентинович — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России.

E-mail: sergevt@inbox.ru

Желтухина Марина Ростиславовна — доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, заведующая научно-исследовательской лабораторией «Дискурсивная лингвистика», директор Центра коммуникативных технологий.

E-mail: zzm@mail.ru

Зикириллаев Бехзод Нематович — ассистент, соискатель кафедры мировой литературы отделения русской филологии Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои.

E-mail: zikrillayev@rambler.ru

Калинина Кристина Сергеевна — аспирант, кафедра русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: teleshovaks@gmail.com

Кашилявик Кира Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации гуманитарного факультета НИУ «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород).

E-mail: kachlavi@rambler.ru

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

E-mail: kuchuk60@list.ru

Маиошина Виктория Сергеевна — ассистент кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: vi06@mail.ru

Меркантини Симона — старший преподаватель кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: simona.mercantini@gmail.com

Мурзак Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: imurzak@yandex.ru

Павловец Михаил Георгиевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент Школы филологии факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики».

E-mail: pavlovez@mail.ru

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Тарева Елена Генриховна — доктор педагогических наук, профессор, замдиректора ИИЯ МГПУ по магистратуре, завкафедрой французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: elenatareva@mail.ru

Тетуев Борис Инзрелович — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

E-mail: boris_tetuev@mail.ru

«MCTTU Vestnik» / Authors, series «Philology. Theory of Linguistics.
Linguistic Education», 2015, № 2 (18)

Averina Anna Viktorovna — Doctor of Philology, docent, professor of German Language and Modern Educational Technologies department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: Anna.averina@list.ru

Bogdanova Liudmila Ivanovna — Doctor of Philology, full professor, professor of Department of Comparative Studies of Languages; Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: libogdanova1@mail.ru

Bondar Yulia Alexandrovna — English teacher of SBE SCSch № 338, postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: bondar_yulia_1988@mail.ru

Borodina Sofya Nikolaevna — postgraduate of English Philology department, Volgograd State Socio-Pedagogical University.

E-mail: sof-borodina@yandex.ru

Gavrilina Olga Vadimovna — PhD (Philology), free researcher.

E-mail: gavrilinaolga@list.ru

Grigoryev Evgeniy Ivanovich — Doctor of Philology, full professor, professor of German department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO – University) of Ministry of Foreign Affairs of Russia.

E-mail: ev_grig@mail.ru

Gromova Alla Vitalyevna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: gromovaav@mail.ru

Drozдова Maria Sergeevna — assistant professor of Theory and Methods of Foreign Languages department, Institute of Foreign Languages, MCTTU; postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: drozdovams@list.ru

Drutse Anna Yuryevna — postgraduate of Foreign Philology department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: any2501@gmail.com

Dyuzhikova Ekaterina Andreevna — doctor of Philology, full professor, professor of English Philology department, Odintsovo Humanities University.

E-mail: dea@odinuni.ru

Evtsev Sergej Valentinovich — PhD (Philology), docent, head of German department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO – University) of Ministry of Foreign Affairs of Russia.

E-mail: sergevt@inbox.ru

Zheltukhina Marina Rostislavovna — Doctor of Philology, full professor, member of Russian Natural Sciences Academy, professor of English Philology department,

Volgograd State Socio-Pedagogical University, head of Scientific and research Laboratory «Discourse Linguistics», director of Center for Communicative Technologies.

E-mail: zzm@mail.ru

Zikirillaev Bekhzod — assistant professor, postgraduate of World Literature department, Faculty of Russian Philology, Samarkand State University named after Alisher Navoi.

E-mail: zikrillayev@rambler.ru

Kalinina Krestina Sergeevna — postgraduate of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: teleshovaks@gmail.com

Kashlyavik Kira Yuryevna — PhD (Philology), docent, associate professor of Department of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, NRU Higher School of Economics (Nizhny Novgorod).

E-mail: kachlavi@rambler.ru

Kuchukova Zukhra Akhmetovna — Doctor of Philology, professor of Russian and Foreign Literature department, Kh. Berebekov Kabardino-Balkaria State University.

E-mail: kuchuk60@list.ru

Mashoshina Viktoria Sergeevna — assistant professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: vi06@mail.ru

Mercantini Simona — senior assistant professor of Romance Philology department, of Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: simona.mercantini@gmail.com

Murzak Irina Ivanovna — PhD (Philology), associate Professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: imurzak@yandex.ru

Pavlovets Mikhail Georgyevich — PhD (Philology), docent, associate professor of Philology school, Faculty of Humanities, NRU Higher School of Economics.

E-mail: pavlovez@mail.ru

Smirnova Alfia Islamovna — Doctor of Philology, full professor, head of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Tareva Elena Genrikhovna — Doctor of Pedagogy, full professor, assistant director of Master's degree postgraduate studies of Institute of Foreign Languages, MCTTU, head of French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: elenatareva@mail.ru

Tetuev Boris Inzrelovich — Doctor of Philology, professor of Russian and Foreign Literature department, Kh. Berebekov Kabardino-Balkaria State University.

E-mail: boris_tetuev@mail.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, германским языкам, романским языкам, восточным языкам, русскому языку), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям учёной степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объём статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05 – 2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147], по образцам, приведённым в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись подаётся в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, учёная степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для её доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора *Виккуловой Ларисе Георгиевне* (Москва, Малый Казённый пер., д. 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 2 (18), 2015

Главный редактор:
доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щетилова*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

М.В. Чудова

Перевод на английский язык:

О.В. Вострикова

Техническое редактирование и вёрстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgrpu.ru

Подписано в печать: 07.07.2015 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объём: 9 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.